

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ И ПЕРЕИЗДАНИЯ ПО СЛАВИСТИКЕ

под редакцией К.Д. ван Схоневельда

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by C.H. van Schooneveld

№ 1 (365)

СКАЗАНИЯ Великого НОВГОРОДА, записанные Александром Артыновым

Издательство "Буй Турь"

Bouy Tour Publishers

Литературная обработка текстов, комментарии, вступительная статья и очерк "Александр Яковлевич Артынов и его сказочные повести" выполнены академиком Международной Славянской, Петровской и Русской академий наук, профессором, доктором филологических наук Юрием Константиновичем Бегуновым.

Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым. Составление, предисловие, комментарии Ю.К. Бегунова. Под общей редакцией К.Д. ван Схоневельда.

Настоящий сборник составлен из сказочных повестей, созданных стараниями любителя старины ростовского купца А.Я. Артынова (1813-1896). Книга представляет интерес не только как собрание ранее неизвестных сказочных сюжетов, но также как источник истории Новгорода и Новгородских земель, его правителей и знаменитых людей.

Пожалуйста, направляйте заказы и переписку по адресу:

Please send orders and correspondence to:

Bouy Tour, P.O. Box 321, 1211 Geneva 12, Switzerland

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.К.Бегунов. Великий Новгород и ростовский сказочник Александр Артынов	4
Царевич Росс-Вандал	7
Князь Славян Новгородский	11
Вандал, царь Новгородский	13
Скифский царь Афей и македонский царь Филипп	14
Царь Александр Македонский и царица скифов Артаксия	15
Князь Печегд	18
Помпеи Храбрый, князь Новгородский	20
Князь Дометий	21
Мудрец Аполофан	23
Мунга-Герман и святой апостол Андрей	25
Князь Светозвезд, Болотове поле и Великий Словенск	27
Князь Светид, как конец света искал, на дно океана опускался, к Красну Солнышку летал	36
Князь Ладон-Святополк-Святослав, княжна Лида и новгородский князь Буриной	40
Князь Катулус Мудрый	47
Рюрик, князь Варяжский и Новгородский	52
Призвание варяжских князей	54
Князь Синеус, Громосил и княжна Милослава	55
Восстание Вадима Храброго	
Вельможа Чудодел	58
Князь Олег Вещий и воевода Свенельд	60
Богатырь Ратмир-Демьян Железный пояс и боярышня Татьяна	63
Боярин Константин Добрынин и ратарь Кудим	
Богатырь Вадим Бесстрашный и Людмила	67
Князь Мстислав Новгородский	74
Святой Прохор и новгородские ушкуйники	76
Князь Юрий Долгорукий, Соколиха и новгородские ушкуйники братья Залешаны	78
Онцыфор, новгородский ушкуйник, и князь Семен Луговской: странствования	82
Онцыфор, новгородский ушкуйник, княгиня Каптелина и Люша Сильный	89
Стольник Алексей Богданович Мусин-Пушкин и боярышня Ирина	92
Ю.К. Бегунов. Александр Яковлевич Артынов и его сказочные повести	97
Комментарии	105
Словарь древнерусских слов	118
Основные даты жизни и деятельности А.Я. Артынова	122
Перечень прижизненных публикаций А.Я. Артынова	123

Великий Новгород и ростовский СКАЗОЧНИК Александр Артынов

*Как богатырь в урочище пустынном,
Стоял он твердо, Родины оплот,
И этот город в песнях "Господином
Великим Новгородом звал народ.
Над башнями, над белою Софией
В годину бед, сквозь вражьих стрел дожди
Здесь вечевое сердце всей России
Набатом пело в каменной груди.*

Всеволод Рождественский

Более тысячи лет тому назад на берегу Волхова среди дубовых рощ возник Великий Новгород, краса и слава русской вольницы. Его построили древние славяне, которые жили общинным строем, сообща обрабатывали землю, охотились, ловили рыбу, занимались промыслами и торговлей. Скандинавские сказы рассказывают, а народная молва подтверждает, что поначалу где-то в истоках Волхова, ближе к Ильмень-озеру, на островном холме был построен укрепленный городок и возле него Великий Словенск. Словене выбирали на вече своих старейшин, которые справедливо и мудро правили ими по законам вечевого республиканства. Один из таких старейшин, Гостомысл, жил в первой половине IX века, и были у него три дочери. На средней из них как будто бы был женат конунг Рюрик, из рода Шёлдунг, правивший в г. Хедебю (Дания). В то время шведы ("варяги") напали на Новгород и завоевали его, но новгородцы восстали и изгнали шведов "за море" (859 г.). Гостомысл умер вскоре после того (861 г.) и завещал новгородским словеням на княжение пригласить для защиты от шведов Рюрика. Так они и сделали. 8 сентября 862 года конунг Рюрик прибыл в Новгород на 160 кораблях и установил свое владычество как князь Новгородский. С тех пор начались "исторические времена".

Свободолюбивые новгородцы восстали во главе с богатырем Бисопегом и Вадимом Храбрым, либо женатым на одной из дочерей Гостомысла, либо бывшим сыном одной из них. Но князь Рюрик жестоко подавил восстание и наказал мятежников. В 879 году он умер и престол унаследовал двухлетний его сын Ингварь от второй жены - норвежки Ефанды (первая жена - Умила - давно умерла), а регентом при нем стал брат Ефанды - Хельг из Халоголанда, а по-русски - князь Олег Вещий. Последний вскоре оставил Новгород и пошел войной на Киев. Завоевав его в 882 году, он основал Древнерусское Киевское государство, в котором Новгородская вечевая боярско-купеческая республика занимала независимое положение: она приглашала к себе князей из южной и северо-восточной Руси в качестве наместников, подчиненных новгородскому вечу. Новгородская республика просуществовала 600 лет, отстаивая свою свободу от притязаний великокняжеской власти Владимира и Москвы, пока не была покорена в 1478 году московским великим князем Иваном III.

Это было замечательное "государство в государстве", или Республика Святой Софии Премудрости Божией, во главе с архиепископом Новгородским, с вечем, посадниками, тысяцкими, кончанскими старостами, архимандритами крупнейших монастырей. Все они составляли "Совет господ", или "ЗОО знатных кушаков", которые правили богатейшим государством, простиравшимся от Новгородского (Финского) залива Балтики до Рифейских гор (Урала). Корабли древних новгородцев входили на Новую Землю и Шпицберген, в Норвегию, Швецию, Данию, Германию, Польшу. "Господин Великий Новгород" входил в знаменитый Ганзейский торговый союз.

Культура Новгорода Великого, несомненно, уникальна, и "Сказания Великого Новгорода, записанные купцом Артыновым" откроют читателю еще одну ее грань. Книга, которую вы держите в руках, представляет собой сборник сказок из библиотеки рукописных книг ростовского литератора и собирателя фольклора Александра Яковлевича

Артынова (1813-1896). Всю свою жизнь он собирал и записывал фольклор Ростовской земли - предания, сказки, песни, собирал старинные рукописи, в том числе ростовские летописцы и сборники сказочных повестей. Многие из этих рукописей – из библиотек купцов Е.В. Трехлетова, П.В. Хлебникова, Ф.С. Шестакова - были уникальными и датировались XVII веком*.

- *Об Артынове см. наш подробный очерк на стр. 262 настоящей книги.*

1842 год оказался особенно плодотворным в собирательской деятельности Артынова. Летом того года он был приглашен осмотреть старый сельский архив, находившийся в кладовой палатке под колокольней Николаевской церкви села Угодичи. При осмотре были неожиданно обнаружены вотчинный архив и библиотека графов Мусин-Пушкиных, прежних владельцев села. А среди находок самой ценной оказалась рукописная книга на грубой желтоватой бумаге, писанная кудреватými почерками XVII века, объемом в 500 листов. Название ее было таково:

Книга о славяно-русском народе, о великих князьях русских и ростовских, отколе коренных произыде на Руси от Ноя-праотца до великого князя Рюрика.

Сборник этот содержал 120 сказочных повестей, записанных во второй половине XVII века стольником царя Алексея Михайловича Алексеем Богдановичем Мусин-Пушкиным (ум. ок. 1669) и его женой Ириной Михайловной (ум. 1701) на основе местных сказаний, которые они собирали всю жизнь. Артынов сразу же сделал копию-пересказ этой рукописи.

И летописцы ростовские и "Книга" Мусин-Пушкиных восходят, судя по всему, к Сборнику князя Алексея Васильевича Ухорского-Хворостинина, созданному в 1465 году, а тот, в свою очередь, - к сборнику князя ростовского Константина Всеволодовича "Дела Ростовских князей" (1212-1219). Вот такие древние истоки имеют созданные Артыновым компилятивные сводные тексты сказочных повестей, в которых действующими лицами являются древнерусские князья, княгини и княжны, богатыри и витязи, волшебники и волшебницы, священники и монахи, пахари и воины. По жанру артыновские сказочные повести примыкают к волшебным сказкам; в них чувствуется непередаваемый колорит древнерусского быта давно ушедших в прошлое времен.

Ростов Великий до конца XI V века был центром удельного княжества с богатой политической историей, архитектурой и искусством, литературой и фольклором. Ростовский князь Константин Всеволодович был обладателем древней библиотеки, и именно ему, по преданию, принадлежит роль собирателя и составителя ядра будущих артыновских сказочных повестей.

Об отношении Новгорода Великого к Ростову Великому следует сказать особо.

По преданию, город на берегу озера Неро был основан новгородцами в первой половине IX века, а может быть, и раньше. Согласно сказочным повестям Артынова, основателем Ростова на месте легендарного Россова стана был князь-богатырь Владимир Яналец, сын Вандала, летописный Владимир Старый, пращур Гостомысла. Эту легендарную родословную невозможно ни подтвердить, ни отвергнуть. Также полностью легендарным выглядит предание Артынова об основании Новгорода князем Славяном в VI веке до нашей эры. Однако в новгородском фольклоре, отразившемся в новгородских летописях середины XVII века, подобные предания имеются. Артынов как собиратель восходил именно к фольклорным источникам, а они утверждали наличие древних связей между Новгородом и Ростовом. Вспомним, что именно князь ростовский Брючислав прислал на помощь князю Рюрику свою дружину, когда произошло восстание Вадима в 864 году.

В настоящий сборник новгородских сказочных повестей Александра Артынова мы отобрали тексты, так или иначе связанных с Новгородом и его историей. Здесь и предания о первых новгородских властителях – князе Славяне и царе Вандале, о сыне последнего князе Владимире - основателе Ростова, о князе Помпее Храбром, отце Перея-Тучи. Здесь

и повествование о первых новгородских христианах, крещенных, по преданию, в I веке нашей эры апостолом Андреем, - князьях Перее-Туче, Мунге-Германе, Яромире. Эти новгородские христиане! потом якобы переселяются в Ростов Великий и становятся распространителями благочестия в Ростовской земле.

Здесь и история новгородских урочищ, достопамятных мест - Болотова поля ("Князь Светозвезд, Волоотово поле и Великий Словенск"), Славянова, или Бронницкого, кургана ("Богатырь Вадим Бесстрашный и Людмила"), и Великого Словенска, и Холопьева городка.

Здесь и история князя новгородского Буриvoja, отца Гостомысла, спасающего из плена свою невесту, и сказочная повесть о вельможе Чудоделе, напоминающая своим сюжетом повесть Л.Н.Толстого "Отец Сергей".

Здесь и две удивительные истории, которые связаны с жизнью сына русского богатыря Добрыни Никитича - Константина Добрынича, бывшего новгородским посадником и тысяцким; это он - посадник Константин - сыграл решающую роль в организации сопротивления в Новгороде князю Святополку Окаянному, незаконно захватившему киевский престол после смерти великого князя Владимира I Святославича. Посадник Константин помог князю Ярославу Мудрому овладеть княжеским столом в Киеве. В сказках "Богатырь Ратмир-Демьян Железный пояс и боярышня Татьяна" и "Боярин Константин Добрынич и ратарь Кудим" повествуется о судьбе двух дочерей Константина - Татьяны и Марии, а также о ростовской жизни героя новгородской истории.

Здесь и нравоучительный рассказ о будущем князе Мстиславе Великом Новгородском, старшем сыне Владимира Мономаха, который прославился строительством в Новгороде больших монастырей и церквей.

Здесь и три сказочные повести, которые рассказывают о новгородском ушкуйничестве XIII-XIV веков как общественном бедствии, о наказании Богом и его святыми новгородских разбойников. В числе последних сын новгородского посадника Луки Варфоломеевича Онцыфор. Приключения Онцыфора в новгородских и ростовских землях особенно интересны. Сказочная повесть "Онцыфор, новгородский ушкуйник, и князь Семен Луговской: странствования" напоминает по сюжету эллинистический роман с его повествованиями, встречами и расставаниями.

Концом XIV века заканчивается новгородская история в литературных материалах Артынова. Поэтому и наш сборник артыновских новгородских сказочных повестей заканчивается этим же временем.

Последняя же повесть посвящена романтической любви, ратным подвигам, совместной собирательской и литературной деятельности Алексея Богдановича и Ирины Михайловны Мусин-Пушкиных. Необыкновенно увлекательное описание их жизни, выполненное А.Я. Артыновым в стиле сказочной повести на основе семейных преданий, является достойным завершением сборника, в основу которого положен результат их литературного труда.

Ю.К. Бегунов, народный академик

Царевич Росс-Вандал До Рождества Христова 1793 лето

Царевич Росс-Вандал, сын царя Рагуила, внук Вамы, правнук Вениамина, младшего сына праотца Иакова, был с самых юных лет храбрый витязь, счастливый полководец и непопятный ратоборец. Он пронес оружие свое до берегов Евксинского понта, на берегу которого построил три города и назвал их так: один Иберией, другой - Колхидой, а третий Пафлагонией. И населил их охотниками из дружины, ходившей с ним. Он был страшен своею храбростью всем окрестным царям, живущим вблизи Евксинского понта. Не менее того гремела о нем слава по всему восточному побережью Средиземного моря. Даже столица Палестины Иерусалим была покорна ему. Отселе в одно время ходил он в скифский град Вифсану к царю оною Риссону, сыну царя Диссона, по поручению отца своего царя Рагуила. Там увидел он великую красавицу, дочь царя Риссона по имени Полимния, и пленился ее красотой. Стал просить он у отца ее царя Риссона Полимнию себе в супружество. Царь Риссон готов был согласиться, но только при одном условии: молодые должны остаться жить в его царстве. Царь Рагуил, отец царевича Росса, в этом сыну своему не воспрепятствовал. Итак, царевич Росс стал супругом скифской царевны Полимнии, поселившись вместе с ней в городе Вифсане.

У царевича Росса был искренний друг и товарищ по оружию царевич Априс, сын египетского царя - фараона Нехона, того самого, который выкопал великий канал, соединивший реку Нил с Чермным, или Красным, морем. Нехон, однако, принужден был оставить недоконченной эту работу по слову одного пророка, который сказал ему, что этот канал отворит варварам вход в Египет и будет тогда путь свободным из Средиземного моря в Чермное.

Царевич египетский Априс по дружбе своей с царевичем Россом не облеился посетить друга своего в городе Вифсане. Там увидел он юную красавицу – супругу друга своего царевича Росса и влюбился в нее. Царевич Росс, не подозревая в нем никакой измены дружбе своей, был неразлучен с ним, а такая тесная связь способствовала тому, что царевич Априс виделся с царевной Полимнией каждый день. Она, как и супруг ее, считала царевича Априса всегдашним приятным собеседником и не замечала страстных взоров, которые тот изредка искоса бросал на нее.

Два друга и царевна Полимния любили вместе летать под облаками на крылатом волшебном коне царя Годуира. Этого коня тщательно хранили потомки Годуиры, передавая его из рода в род. Таким образом, волшебный конь дошел и до царя Риссона. С подоблачной высоты катающиеся могли созерцать необыкновенную красоту земли, морей, рек и дремучих лесов, великих и малых городов.

Царевич Росс хорошо знал науку управления конем, но хранил ее от всех в тайне. Не открывал он ее и другу своему царевичу Апрису, который не раз домогался узнать у него эту тайну, но не преуспел в этом. Царевич Росс только показал ему, как подняться на коне от земли ввысь и как лететь прямо, не поворачивая ни вправо, ни влево. Царевна Полимния весьма полюбила прогулки на летающем коне и не чуяла во время них разлуки со своим мужем.

В одно время царевич Росс охотился близ города Вифсаны в окружающем оный град дремучем лесу. Охота шла весьма удачно. Вдруг он слышит громкий женский голос над собой. Он поднял голову и видит в подоблачной высоте коня Годуирова, летящего к ночи. А в сидящих на нем узнает он царевича Априса и свою супругу. И подумал он, что она без него надумала немного полетать на коне. Не подозревал он никакого злого умысла друга своего, только пожалел, что коню дан самый быстрый и прямой ход. Скоро чудесный конь скрылся из глаз в стороне ночной.

Вскоре после этого царевич Росс закончил охотиться, вернулся в дом царя Риссона и стал ожидать возвращения их. Но день клонился к вечеру, солнце закатилось под землю, а возвращения гуляющих все нет как нет. Прошла ночь, прошел и еще день, а гуляющие не

возвращались. Царевич Росс подумал, что его друг не знает вполне, как управлять конем. Потому они и улетели далеко и не знают, как вернуться. А об измене друга ему и мысль не приходила в голову.

Соболезнуя о такой неожиданной разлуке со своей супругой, он пошел было в город разузнать от прорицалища о судьбе ее. В Газе, что стоит на берегу Средиземного моря, издревле находилось знаменитое прорицалище.

После совершения всех необходимых таинств жрец торжественно объявил царевичу Россу, что супруга его похищена другом его царевичем Априсом по злему умыслу и безвозвратно.

"Если ты возьмешь труд на себя отнять ее от него, - сказал жрец, - знай, что из-за великого расстояния пути без Годуирова коня возврат супруги твоей почти невозможен. Из-за неумения управлять конем царевич Априс улетел с ней за тридевять земель, в тридевятое государство, в страну Гиперборейскую, где живут люд Смурых Кафтанов - те, что спят по полугоду.

В той стороне есть озеро Каово, где царствует над народом мерей один из потомков Фовеловых, от колена Иафетова, по имени Брутовщина, зять царя Валека, сына Велеудова. Там на возвышении стоит запустелое жилище одного покойного волшебника, которое узнать можно по растущему пред тем жилищем великому дереву Белого Тополя, пересаженного туда с Адамовой горы, что находится на острове посреди Окиян-моря".

Так царевич Росс к великой своей печали узнал, что сделал "искренний друг" его и, горя по супруге своей Полимнии, стал собираться в далекий путь - в страну Гиперборейскую, за Евксинский поит и фракийский Босфор. Для такого пути царь Риссон дал ему немалое число избранных воинов-охотников. А для указания пути к стране Гиперборейской один знаменитый мудрец из города Аскалона дал царевичу Россу дивный камень и научил его, как с помощью того камня распознать в стране Гиперборейской то озеро Каово и место, где растет Белый Тополь. И в заключение всего показал ему звезду в полночи, стоящую над тем озером, и велел ему прямо на нее держать путь свой, как это обычно делают финикийские мореплаватели.

Третий сын царя Риссона, по имени Сидр-Сигг, изъявил охоту поехать с царевичем Россом отыскивать сестру свою, а жену Росса Полимнию. Долго ли коротко ли царевичи держали путь свой и сперва по указанию пришли в страну Гиперборейскую, а потом по указанию звезды полночной достигли того озера и дошли до того места, где стоял и зеленел, как высокая гора, царь девственных лесов Белый Тополь.

Прошло ведь немало лун пути. Царевичи переплывали море и быстрые реки, ходили неторными дорогами и нералеными полями, шли необозримыми лугами, пробирались через дремучие непроходимые леса и дебри, покоряли стремнины и преодолевали пропасти земные, наконец выбирались из топучих болот - и все для того, чтобы найти ладу свою ненаглядную, царевну Полимнию. Но бывает всему конец. И этому пути тоже.

Радость царевича Росса затенилась темною думою. Где и как ему найти супругу свою? В том ли запустелом жилище волшебника или инде где? С такими мыслями он подставил свой военный стан недалеко от запустелого жилища волшебника, в восточной стороне, на расстоянии трех стадий, на крутом берегу Каова-озера. Устроившись так, он пошел добывать языка, чтобы узнать, кто живет в запустелом жилище волшебника. С такими мыслями долго он ходил вокруг того места и не мог встретить ни одной живой души. Наконец пошел он по берегу текущего откуда-то ручья. Вдруг слышит он плачущий голос, выходящий как бы прямо из-под земли. Тут царевич стал отыскивать, отколе исходит тот голос, и к великой своей радости нашел на берегу того ручья заросший тальником и бурьяном вход в пещеру. Оттуда, из пещеры, слышится все тот же голос, просящий о помощи. Царевич немедленно входит в ту пещеру, где к великой своей радости видит стоящего там волшебного коня Годуирова, а подле него видит сидящего преклонных лет маститого старца, прикованного к стене пещеры по рукам и по ногам тяжелыми цепями.

"Освободи меня от оков, отягчающих меня! - взмолился старец. За то я буду верный и

вечный слуга твой! А для освобождения нужно только прикоснуться к оковам перстнем, находящимся на руке твоей. Тот перстень ведь наследие праотца Авраама".

Царевич Росс немедленно исполнил просьбу старца. От прикосновения перстня оковы пала на землю. Тут старец стал благодарить царевича за освобождение свое, а Росс, уклоняясь от благодарности, спешит спросить у него, кто он и почему был обременен столь тяжелыми цепями. Тут старец стал рассказывать ему о себе.

"Я был житель запустелого жилища волшебника, - начал он. - Имя мое - Неро. В наследство от отца я получил себе это жилище, в котором жил в мире и тишине до того времени, пока не прибыл сюда молодой витязь с юной красавицей, прилетевший от колыта на этом дивном коне". Тут он указал на волшебного коня Годуирова и так продолжил свой рассказ:

"Витязь этот назвался братом той красавицы и поведал, будто бы любознание видеть другие царства и иные народы завлекло их сюда. Сказавши о себе, кто он и какого царства, откуда держат путь свой и какого царя они дети, он закончил свой рассказ. Я слышал о царствах Египетском и Евксинского понта и сведом был о царях их, хотя они были очень далеко от меня. По роду их и племени я отвел им приличные покои в моем жилище. Скоро донесли мне мои служители, что пришельцы эти - не брат и сестра. Это они узнали благодаря подслушанной ими ссоре; узнали также, что царевич был похититель чьей-то жены у какого-то мужа; слышали, как грозно принуждал царевич прекрасную женщину повиноваться ему во всем. А названная сестра будто жестоко укоряла мнимого брата за измену ее супругу. Сперва я этому не поверил, но вскоре и сам стал неожиданно тайным слушателем их ссоры. Жалея похищенную супругу, я стал придумывать, как бы ее освободить от самозванного брата. Но злодей опередил меня. Он подсмотрел, как я занимаюсь изучением таинств природы. Воспользовавшись моим временным отсутствием, он похитил из моего тайника Допотопную Книгу, которая может повелевать по произволу владыки оной над всеми стихиями, видимыми и невидимыми таинствами природы. Посредством волшебства с помощью этой книги он обложил меня оковами, которые ты разрушил. Это он приказал мне неусыпно стеречь волшебного деревянного коня. Но теперь я на свободе и могу заплатить ему тою же монетою с лихвой. А началом урока его гордости пусть будет твой неожиданный приход в его жилище. Он теперь думает, что наука моя бессильна против него. Вещь, которую я успел сохранить при себе, будет для него гибельна, а именно: у меня есть теперь стрела, которой был убит братоубийца Каин. Она откроет тебе путь к нему, а в единоборстве с ним ты победишь его".

Сказав это, старец дает царевичу Россу стрелу и говорит ему таковы слова: "Посредством науки враг мой узнал о скорой своей гибели, но от кого - этого не мог он узнать. Теперь он подозревает всех, от названной своей сестры до последнего своего служителя. По-тому он велел запереть крепко-накрепко городские ворота. Теперь в город нет ни входу, ни выходу без слова его. Без стрелы моей ворота городские - очарованные: отворить их никому невозможно. Прикосновение к ним стрелы моей растворит их на пяты. Злодей мой притечет тут сам на погибель свою".

Выслушав все это от старца, царевич Росс так отвечал ему: "Я слышал от тебя только об одном похитителе чужой жены. Теперь я желаю знать, что случилось с названной сестрой его?".

На это старец отвечал ему: "Когда я узнал, что красавица - не сестра ему, тогда захотел вступить за нее, но уже было поздно. Враг мой за непокорность заключил ее в темницу, находящуюся под корнями Белого Тополя. Но скажи мне, кем приходится тебе та, которую похититель зовет сестрой своей? Не сестра ли она тебе?" - "Более, чем сестра, - отвечал царевич Росс. - Это супруга моя царевна Полимния, а похититель ее - мой бывший искренний друг!"

Получив от старца Неро, или Брутовщины, стрелу и все нужные наставления, как ему деловести с похитителем и выручить из темницы супругу свою, царевич Росс пошел к городским воротам. От прикосновения его стрелы ворота с великим шумом и грохотом

растворились на пяты сами собой.

Как услышал царевич Априс шум отводившихся ворот, он понял, что его чары неожиданно разрушились. Немедленно он вооружился с головы до ног в доспехи и с опущенной решеткой своего шелома вышел на бой, на встречу с неожиданным посетителем. Но какой им овладел страх и какое посетило смятение, когда он увидел перед собой царевича Росса со стрелой в руках, на которую| никакой волшебник, ни дух не могут взирать без трепета: ведь в ней сокрыта дивная поражающая сила, мертвящая любые злодеяния! Со весть было заговорила громко в нем. Но усилием воли он захотел заглушить ее и вступил с царевичем Россом в поединок. Скоро тяжело израненный злодеи уже валялся в ногах царевича Росса, проклиная свою судьбу и посылая угрозы страшного мщения от отца своего, царя-фараона Нехона. Царевич Росс, не слушая его угроз и не обращая внимания на стенания злодея, приказал обложить его цепями и охранять стражам до своего прихода. А сам поспешил к Белому Тополю, к той темнице, где томилась в неволе супруга его. И там стрела заветная отворила темницу ее. Супруги бросились друг другу в объятия и плакали от радости. Когда сердечные восторги утихли, царевна Полимния рассказала свою историю.

"Когда ты уехал на охоту, я гуляла в саду вместе с моими подругами. В это время подходит ко мне царевич Априс и приглашает меня совершить подоблачную прогулку на волшебном коне, которую я особенно любила. Не подозревая об его злом умысле, я охотно на это согласилась и села вместе с ним на Годуирова коня. Конь сразу же набрал высоту и поднялся под облака. Там в вышине по мощному полету коня и по перемене обращения со мной царевича Априса я догадалась, что обманута. Я стала просить его лететь в обратный путь. Но он грубым повелительным тоном приказал мне молчать. Тут я предалась слезам, а вслед за тем от быстрого полета коня лишилась чувств и потому не знала, сколько времени мы летели. Очнулась я под тенью Белого Тополя. Похититель мой велел мне называть его братом, а меня стал называть сестрой. В случае моего несогласия он грозил лишить меня жизни. Царевич Априс обманул также и царя Брутовщину, который принял нас весьма радушно. Но скоро открылся обман моего похитителя, когда он потребовал от меня, названной сестры своей, быть покорной ему во всем. Узнав об этом, царь Брутовщина хотел было оказать мне помощь, но царевич Априс заключил нас в разные темницы за нашу непокорность".

Разгневанный царевич Росс приказал заключить своего ложного друга в ту самую темницу, в которой томился царь Брутовщина, и обложил его двойными оковами царя Неро и царевны Полимнии на всю оставшуюся жизнь его.

После великих пиршеств в доме царя Брутовщины царевич Росс с супругой своей стал собираться в обратный путь в Евксинопонтское царство, к царю Риссону, а царевич Сидр-Сигг пошел далее к ночи. На том месте, где стоял военный стан царевича Росса, по совету его, воины царя Риссона пожелали поставить крепкий городок и назвали его Россов стан, оградив его глубоким рвом с высоким земляным валом и крепкими городскими стенами, с башнями и бойницами, с тайником. На этом месте стоит ныне Кремль Ростова Великого, построенный в первый раз новгородским и ростовским князем Владимиром-Вандалом.

Князь Славян Новгородский До Рождества Христова 551 лето

По смерти царя Россолама преемником был ему старший сын его по имени Славян, который более всего прославился построением крепкого города Кунигардии, основанного на берегу реки Мутной при истоке ее из озера Ильменя. Он был мудрый законодатель, храбрый и счастливый полководец. Его несметные дружины, когда были в походе и пили, то осушали целые реки. Так, он завоевал землю Скандинавскую, пленил столичный их город Сигтуну, из которого в знак победы вывез одни медные городские ворота весьма хитрого дела.

Россолам-царь, сын Фаонов, по природной своей склонности к славе и по силе некоего жреческого предсказания, воспринял намерение первородного своего сына Славяна сделать знаменитым в истории. Для этого все дети, родившиеся в его царстве в тот же самый день, в который родился у него сын Славян, были взяты к царскому двору его. Он повелел воспитывать их как своих собственных детей, с таким же старанием, как и Славяна. Определил он к ним самых верных людей и самых ревностных воевод для обучения их военной науке, приучил их особливо с самых юных лет к жестокой трезвой жизни, дабы они могли быть в состоянии перенести свободно всякие трудности. Например, не давали им есть прежде, нежели они пеши или на конях немало не пробегут пути. Псовая охота того времени была их обыкновенным упражнением. Когда возмужал князь Славян, то отец велел ему учиться настоящей войне против поморских варягов. Там научился он претерпевать голод и нужду. Первый поход его увенчался успехом: покорил поморян, которые считали себя непобедимыми. Все молодые люди, воспитанные вместе с ним, были его товарищами и находились безотлучно при нем.

Когда князь Славян привык к военным трудам, то отец отправил его на реку Истр, где тот разбил наголову истриян и со славою возвратился в свое отечество с великою корыстию.

По смерти отца своего, царя Россолама, князь Славян стал царем вместо отца своего, привлек к себе сердца народа щедростию и правосудием и поступками тихими и милостивыми, всячески он старался отметить полководцев и воинов и чествовать их различными дарами, в особенности тех, которые проливали кровь свою за него. Потому разделил он свое царство на части и вручил их достойным людям, на которых надеялся, и имел над всеми свое попечительство.

Собрал он многочисленный флот и ходил воевать водою и сушею народ скифский до реки Танаиса. В покоренных странах и городах ставил он здания с вырезанной на столпах следующей надписью: "Славян, царь царей и господин господам, завоевал сию страну своим оружием".

Однажды по возвращении из похода брат его родной, который хотел его умертвить с женою и детьми, зажег тот дом, в котором Славян почивал, но не преуспел, просчитался: волею неба огонь угас и пожар прекратился.

Когда царь Славян шел в храм или въезжал в город, то повелевал впрягать в свою колесницу вместо лошадей побежденных царей и цариц, которых при нем всегда было множество.

Царь Славян был не только одним из сильнейших полунощных владетелей, каковые были на севере, но и считался одним из самых непобедимых полководцев, которых древность прославляет великою славою и честью. Милосердный, он возвращал после завоеванные города-столицы, например Скандинавии - Сигтуну. А незадолго до смерти своей лишился зрения и на пути из Скандинавии в столицу свою в глубокой старости на левом берегу быстротекущей реки Меты помер. Над могилою его дружины его пригоршнями насыпали великий курган земли и украсили его трофеями.

ВАНДАЛ, Царь Новгородский До Рождества Христова 490 лето

По смерти царя Славяна стал царствовать в построенном отцом его городе Кунигардии сын его, царь Вандал. Он был во всем подобен отцу своему: мудрый законодатель и счастливый полководец. К нему присоединялись многие соседние с ним народы, для которых он на другом берегу реки Мутной построил крепкий город, назвал его Новым городом, а Кунигардию назвал Великим Словенском.

Премудрый царь Вандал разделил прежде на части отцово царство. Одна часть была у царя Вандала. Соправители его четыре царя - не захотели повиноваться пятому, т.е. царю Вандалу. Поэтому четверо соединились против пятого и согласились, чтобы каждому из них царствовать в своем царстве, в том числе и царю Вандалу, с равною силою и властью так, чтобы никому из них не нападать на другого. И для этого согласились все совокупно, в том числе и царь Вандал, и он свое согласие утвердил страшной клятвой. Помянем слова одного Божества, сказавшего, что тот, кто напьется жертвенного вина из медной чаши, тот завладеет всеми пятью царствами.

Так эти пять царей в великом согласии и царствовали десять лет и каждый год справляли великое торжество Богу грома и пили тут жреческое вино, подаваемое от жрецов в золотых чашах. В одно из таких торжеств жрец вынес только четыре золотые чаши, а пятая, по словам его, утратилась.

Каждый царь взял по чаше, а царю Вандалу не досталось таковой. Тогда он без всякого умысла и избегая могущего между ними спора, заменил утраченную чашу своим медным шоломом.

Это так поразило всех прочих четырех царей, что они вспомнили предсказание Божества, и робость поселилась в их душах. Теперь они начали думать, как бы так устроить, чтобы минуло их предсказание Божества, и удумали сослать царя Вандала в заточение в непроходимые дебри и дремучие леса Севера, в одиноко стоящий Россов стан.

Там царь Вандал свел дружбу с различными соседними властителями Россова стана. И привлек он их к себе обещанием великих даров, и попросил помочь ему возратить наследие своего отца. Сверх этих царей составилось из различных охотников немало войско. И под началом полководцев Россова стана пошел он добывать свое наследие. С многочисленною ратью напал он на похитителей своего царства.

Одного за одним царь Вандал покорил их себе и наказал их примерным образом, и стал владеть один самовластно всеми бывшими пятью царствами, как владел и отец его, царь Славян.

Скифский царь Афей и Македонский царь Филипп До Рождества Христова 310 лето

После князя Сара, сына князя Владимира Вандала, стал царствовать сын его – скифский царь Афей, или Ахей, на берегах верхнего и нижнего Дуная. Он был победоносный герой того времени: завоевал многие города и народы, жившие по обоим берегам рек Танаиса и Борисфена. В это время на берегу реки Дуная он основал себе крепкий город и назвал его Экс. В то время царь Афей имел частые и кровопролитные войны с македонцами и греками. В летописи его времени записано: "Воеваша еще и противу древних греческих и римских кесарев, всегда славную восприемлюще победу. Пособствоваху же и великому царю Александру Македонскому и отцу его Филиппу. Славных ради дел и трудов воинских даде Александр-царь славянам грамоту на пергаменте, златом написанную, в Александрии, вольность и землю им утверждающе".

Царь Афей был бездетен. В одно время он был тесним в своих владениях на берегу реки Дуная в основанном им городе Эксе соседним Истрианским царем. Он сделал предложение македонскому царю Филиппу быть наследником его, если только тот избавит его от притеснения царя Истрианского.

Царь Филипп обещал это исполнить. Но пока он собирался с силами, удерживаемый своими политическими обстоятельствами, медлил, не пришел в условленное время на помощь, в это время Истрианский царь помер, и истриане стали для царя Афея неопасными. В дополнение ко всему этому царь Афей женился на юной и прекрасной княжне Артаксии, младшей сестре матери знаменитого афинского оратора Демосфена. Царица Артаксия родила ему сына по имени Печегд. Это счастливое событие для царя Афея заставило его отказаться в наследстве.

Царь Александр Македонский и царица скифов Артаксия До Рождества Христова 306 лето

После смерти царей Филиппа и Афеев супруга последнего царица скифская Артаксия отказалась платить дань македонскому царю Александру, которую наложил на скифов отец Александра Филипп. Красота и воинственность Артаксии пленили сердце юного Александра как раз в то время, когда отец его Филипп в битве победил царя Афеев. По ходатайству царевича Александра царь Филипп заключил мир с царем Афеем.

Когда супруга Афеев овдовела, любовная страсть царя Александра вспыхнула с новой силой. До той поры благоразумие останавливало Александра и побуждало его испытывать к ней почтительное уважение.

После смерти супруга своего царица Артаксия осталась с малолетним сыном князем Печегдом, который не по возрасту увлекался военным делом, находясь безотлучно среди воинства.

Мать его царица Артаксия до совершеннолетия сына своего правила скифским народом мудро и правосудно в приданайском городе Эксе. Любя своих подданных, она отказалась платить дань царю Александру Македонскому. Тогда тот пошел на нее войной, в первом же сражении разбил ее войско и взял в плен сына ее князя Печегда. Вслед за тем обступили его воины столицу - город Экс, в котором царица Артаксия заперлась крепко и готовилась вступить с ним в бой.

Александр же по обычаю своему посылает к ней посольство, требуя от царицы безусловной покорности и сдачи города. Царица Артаксия ни того, ни другого не хотела исполнить, а желала только вступить в бой с покорителем полумира ради того, чтобы потомство сказало, что Артаксия воевала с царем Александром Македонским.

Такой ответ царицы удивил Александра, который никогда не сражался с женщиной на поединке. Зная хорошо воинственный ее характер, он шлет к ней новое посольство, которому, между прочим, приказывает напомнить ей о плененном сыне ее Печегде. Посольство это было еще более многочисленным и славным. По приходе этого посольства царица собрала великий совет, на котором объявила, что царь Александр вторично требует безусловной покорности и сдачи города. И потом спросила всех вельмож, находящихся тут, что ей теперь делать: покориться ли Александру или объявить ему войну? Все собрание отказалось подать ей какой-либо совет и предоставило ей в полное распоряжение выбрать мир или войну. После этого введено было посольство Александрово, которое теперь получило тот же самый ответ: "Хочу с полубогом непременно воевать!"

Тут один из послов передает ей слова царя Александра о плененном ее сыне.

Выслушав все это, царица Артаксия, покрытая вдовьим покрывалом, встала с престола своего и прошла по чертогу взад и вперед, ничего не говоря. Потом сняла с себя вдовье покрывало и с улыбкой говорит послам Александровым: "Не подобает властителю полумира царских сыновей в плен брать! А моего - и подавно. Тяжко тебе, голова, без плеч, так и Скифской земле без князя Печегда!"

Послы Александровы не могли надивиться на царицу Артаксию, увидав ее дивную красоту и усвехав ее мудрый ответ о плененном сыне ее.

Царь Александр тоже с удивлением выслушал рассказ послов своих. Прегняя его любовь к царице разгорелась в нем с новой силой. Он пожелал непременно ее видеть, но не знал, как этого достигнуть и как покорить ее без боя. Воевать с женщиной он никоим образом не хотел. Наконец призвал к себе малолетнего сына ее князя Печегда и говорит ему таковые слова: "Печегд, я отпускаю тебя из плена. Отныне ты свободен. Иди к своей матери и будь миротворцем между нами. Тем ты спасешь свое будущее царство от разорения, не в пустом же тебе царстве царствовать. Скажи матери своей, что я не желаю с ней воевать, но хочу мира и ее покорности".

Малолетний пленник посмотрел бесстрашно в лицо властителя полумира и говорит ему: "Государь! Я не был досюль от тебя закован в железа и чувствовал себя в плену, как в

тереме своего отца. Теперь был бы согласен томиться в смрадной темнице и находиться в оковах, чем выполнять твое поручение. Твердость матери в отстаивании чести Отчизны изумляет меня и заставляет боготворить ее хотя бы только за то, что она хочет воевать с непобедимым царем, пред которым другие цари клонят свои выи. Мать моя выше всех этих царей!"

Выслушав такой ответ малолетнего князя, Александр не мог совладать с собой, обнял и расцеловал маленького героя. В избытке чувств он сказал ему: "Печегд! Ты свободен безусловно. Такие герои не могут быть пленниками. Иди и скажи своей матери, что я завтра же пришлю своих послов заключить с ней мир на таких условиях, на каких она сама пожелает!"

Удерживая Печегда за руку и подняв свои глаза к небу, царь Александр громко сказал: "Клянусь тем Богом, которого я видел в Иерусалиме, что я такого героя посадил бы на своем престоле и передал бы ему царство мое!"

И вот уже новое посольство идет к царице Артаксии, чтобы заключить с ней мир. Во главе посольства выступал некий муж в доспехах и с палицей царя Александра, и выдавал он себя за властителя полумира. Это был друг царя и товарищ по имени Клит. В то время сам Александр находился в свите посольства в одежде младшего посла.

Царица Артаксия по такому случаю приготовила в своем чертоге тронные седалища по чину каждому, а свой престол предназначила царю Александру. Когда царица попросила занять каждого посла свое место, то двойник мнимый царь Александр - поспешил занять приготовленный ему престол. Однако царица не позволила. Она остановила его следующими словами: "Престол свой я уступила одному только царю Александру, а не тебе. Он один только достоин взойти на него".

Обиженный такими словами мнимый Александр хотел было выйти вон из чертога, но Артаксия остановила его и настояла на своем, несмотря на то, что все посольство с мнимым сожалением взирало на ее якобы ошибку. В этот момент по ее приказу служители внесли в чертог что-то накрытое покрывалом и поставили перед престолом. Тогда царица прошла в середину посольства и, подойдя к самому царю Александру, спрятавшемуся среди послов, взяла его за руку и сказала ему: "Напрасно ты, государь, скрываешься от взора благодарной за сына матери. Если бы ты пришел ко мне в одежде нищего, и тогда бы я узнала тебя. Память моя о тебе вечно пребудет. Когда ты защищал супруга моего и меня от отца твоего царя Филиппа, я приказала запечатлеть образ твой в золоте для того, чтобы иметь навсегда перед глазами своими светлый образ твой и хранить его в сердце моем! Пойдем, государь, я покажу тебе тебя!"

С этими словами она подвела его к накрытому предмету у престола и сдернула с него покров. И все увидели изваяние царя Александра, подобное живому, сделанное из золота.

"Смотрите теперь все, - продолжала царица, и решите, ошибается ли сердце навеки благодарной матери!" Тут она подвела царя Александра к статуе, потом встала перед ним на колени и кротко сказала ему: "Государь! Отныне я раба твоя, а царство мое теперь передаю тебе, отныне оно в твоей власти!"

Растроганный царь Александр поднимает царицу Артаксию с колен и сажает ее рядом с собой на престол. Затем, повысив голос свой, громко провозгласил: "Артаксия, царица Скифская! Отныне ты - супруга моя, а сын твой - мой сын! Дайте знать о сем всему моему непобедимому воинству, пусть пирует оно на брачном нашем торжестве семь дней!"

Когда царь Александр вернулся в свой ново построенный на берегу реки Нила город Александрию, то там дал своей супруге царице Артаксии вено вдове - грамоту на владение всеми полунощными землями на Севере.

По смерти своего второго супруга царя Александра Македонского вдова его царица Артаксия из столичного придунайского своего города Экса ушла с сыном Печегдом и со всеми славянскими народами от взбунтовавшихся против нее македонян, не захотевших повиноваться ни ей, ни сыну ее Печегду. Пошла она в данные ей царем Александром северные земли, к полунощи.

Бунт македонян был устроен полководцами Александровыми, которые испугались, увидев, что князь Печегд, хотя и был молод, показал себя вполне храбрым витязем, свободно владеющим всяким оружием и мастерски управляющим конем. Они подумали, что князь Печегд мог бы при необходимости руководить легионами своего отца. Потому они решили во время бунта умертвить и мать, и сына. Однако опоздали.

Бегство царицы Артаксии продолжалось до тех пор, пока она не пришла на озеро Каово, где стоял город Ростов, и поселилась на родном своем пепелище на берегу реки Ишни. Там она и закончила свою жизнь в глубокой старости. Могилу свою она приказала устроить на таком месте, которое не могла попать ни одна человеческая нога.

Князь Печегд До Рождества Христова 293 лето

Князь Печегд, сын царя Афея, немалое время вместе со своей матерью шел с берегов Дуная на берега реки Мутной. В Великом Новгороде царица Артаксия женила сына своего Печегда на княжне Шуле, дочери новгородского князя Мирграда, от колена князя Столпосвета, за которой сего последнего сокровища поступили в приданое вено Печегду.

Недолго царица Артаксия была в Новгороде. Ушла она оттоле и села на Плещееве озере. Но и там она пробыла недолго: ушла оттоле и села на берегу Ростовского озера между рекою Ишной и Брутовщининым ручьем, а сын ее князь Печегд построил себе крепкий городок своего имени на берегу быстротекущей речки Немы, на холмистом возвышении, окруженном со всех сторон дремучим лесом. Этот городок он заселил славянами, пришедшими с ним с берегов Дуная.

Престарелая скифская царица Артаксия жила в своем тереме на берегу реки Ишни. Она жила мудро и завещала похоронить себя в таком месте, где не ступала нога человека. По смерти ее князь Печегд долго думал, как найти такое место. Наконец он решил сходить за советом к мудрому старцу Огару. Тот разъяснил князю Печегду смысл завета его матери: "Ты должен выкопать ров на дне реки, а затем устроить в нем могилу твоей матери, после пустить течь воды реки над ней".

Тогда Печегд приказал выкопать ложе для реки, которая должна своим устьем впадать в Ростовское озеро. На дне выкопанного ложа он построил из булыжного камня подвал, весьма крепкий, непроницаемый для воды, и в него поставил гроб своей матери. По завещанию ее, с гробом вместе он положил туда все сокровища царицы Артаксии - дар супруга ее царя Александра Македонского. Они состояли из золотых и серебряных сосудов. А потом крепко запечатал вход в оный подвал великим камнем, на котором повелел изваять следующую надпись: "Здесь покоится царица скифская Артаксия, супруга скифского царя Афея и царя Александра Македонского, умершая в тридцатое лето по смерти последнего".

Устроив все таким образом, он потом приказал пустить воду в новую реку и назвал ее "Новой Ишной". С того времени впадают в Ростовское озеро две реки Ишни - старая и новая. Имена эти существуют и в настоящее время, только неизвестно, которая из них - старая, а которая - новая.

Семейные и государственные дела заставили князя Печегда идти на Рифейские горы к урало-русскому народу, живущему на тех горах. А вместе с тем хотел он узнать о судьбе дочери своей княжны Будиславы у знаменитого волшебника того времени Жегуля, сына князя Сохата, брата матери своей. Жегуль жил на самом высоком гребне гор, отчего и гору эту туземцы называли Жегулевскою. На пути своем к волшебнику Жегулю в этих горах встретил он молодого человека, привязанного к дереву Яг умирающего от голода. Князь Печегд развязал его, накормил и утолил его жажду и тем избавил его от голодной смерти. Вместе с ним он пришел к волшебнику Жегулю. Тот принял их с великою радостью как сына сестры своей и признал в молодом человеке гонимого злым роком Ательского царевича Крепкомысла, которого Ательская царица осудила на голодную смерть, расчищая путь к Ательскому престолу своему родному сыну.

"Теперь твой человеколюбивый поступок, - сказал он, - не останется без награды, и знай, что он - суженый твоей дочери и будущий царь Ательский. Он с лихвой вознаградит тебя за твой благородный поступок. Храни слова мои до брачного стола, иначе дочь твоя не будет царицей Ательской". И вздохнув, продолжал: "Теперь речь моя будет о тебе. Я знаю, зачем ты пришел ко мне. Тебе хочется приоткрыть завесу тайны будущего о своем потомстве. Знай, эта тайна сокрыта от людей смертных. Но тебе я скажу только, что от тебя в потомстве произойдут два поколения со многими отраслями. И в заключение скажу тебе, что ты жизнь свою закончишь на чужбине".

Как было сказано о княжне Будиславе в предсказании Жегуля, так и совершилось: она

стала царицей Ательской. Вскоре после окончания брачного торжества князь Печегд вместе с царевичем Крепкомыслом пошел добывать ему Ательское царство и скоро добыл ему престол.

Царица Ательская Будислава за щедрость свою к сиротам и неимущим получила себе от современников имя Угода. Мать ее новгородка княгиня Шула построила для нее преузорчатый терем на берегу реки Вороболовки при впадении ее в Ростовское озеро и наполнила его всяким добром в приданое вено. А подвалы наполнила сокровищами новгородского князя Столпосвета, или Шуда Морского, как его прозывали.

Вокруг этого терема Ательская царица Будислава понастроила много теремов и вышек красных и поселила в них бесприютных и безродных сирот и престарелых людей обоих полов. Им она посылала корм от своего поставца. За это люди прозвали ее Угодой, а место, где стоял ее терем, с тех пор стало называться Угожь.

Князь Печегд имел у себя четырех сыновей, которых звали Мудролюб, Став, Сот и Прототий.

В кругу своего семейства князь Печегд не мог ужиться, тем более в таких тесных для него пределах, как город Ростов. Потому он оставил вместо себя княжить в Ростове старшего сына своего Мудролюба, а сам собрал многочисленные дружины и ушел с ними за море. И там гремела слава от его знаменитых побед и блистательных подвигов. Там во время одной из битв с мечом в руках кончил он свою достохвальную жизнь уже в преклонных летах.

Помпей Храбрый, князь Новгородский

Князь Помпеи, сын князя Иракла, прозванный Избором Промекою из-за чрезвычайной любви своей к военным подвигам, по смерти родителя своего князя Иракла оставил младшего брата отца своего князя Александра в городе Гелоне наследником своего родителя, а сам с одним оруженосцем своим пошел по пути, лежащему на запад солнца, и по многотрудном своим странствовании наконец достиг Великого Новагорода. В то время подступила к нему рать-сила великая различных по морских народов.

С немалым трудом князь Помпеи проник в город. Там видит он, что со всех пяти концов стекается народ на вече народное, где по приказу престарелого князя Избора избирали предводителя новгородской рати, кому идти против неприятелей, осадивших город. Бурное было в это время народное вече. Охотников на эту должность было много: и старых, и молодых новгородцев со всех пяти концов. Каждый конец превозносил кого-либо из своих, унижая других.

В таких состязаниях не видно было конца. Выбора полководца, кроме соискателей власти предводителя, желали и все концы новгородские, каждый житель искал первенства власти. Князь новгородский, видя такое настроение народное в выборе полководца, порешил предоставить первенство людям не по способности и по уму, а по силе. И велел он бросать вдоль лежащий тут довольно немалый камень. Немало нашлось и на этот подвиг охотников. В число был включен и князь Помпеи, но как чужеземец должен был метать камень последним. Пришла, наконец, его очередь. Взял князь Помпеи камень и бросил туда, куда ему было указано. Высоко полетел его камень и упал весьма далеко за поставленную мету, дальше всех помет состязателей. Поэтому князь Помпеи всем вечем был избран в предводители новгородской рати, с которой он и разбил наголову всю рать - силу великую поморских народов.

За такой блистательный военный подвиг новгородский князь дал ему в супружество единственную дочь свою и назначил его по смерти своей князем Новгородским.

От княжны новгородской Роксаны князь Помпеи имел двух сыновей: одного по имени Перей-Туча и другого - Мунгу. Эти два сына потом приняли христианскую веру от апостола Божьего. Первый из них прозвался во святом крещении Петром, а сын его, исцеленный святым апостолом Андреем, князь Яромир - Андреем, а князь Мунга нарекался в крещении Германом.

После же возник раздор между новгородскими жрецами и князьями-христианами, Помпеевыми детьми. Удалились они в Ростовскую землю из Новагорода со всем домом своим и с мудрецом новгородским Крепкомыслом, который тоже был крещен апостолом и прозвался святым именем Павла-апостола.

Князь Дометий От Рождества Христова 91 лето

Князь Дометий был мужем великой мудрости и храбрости. По смерти своего отца князя Александра он ушел от братьев своих к поморским народам на берега Варяжского моря, избегая великой напасти, предсказанной ему одним престарелым волхвом народа лангобардов. Вот что с ним случилось.

Однажды князь Дометий охотился на берегу реки Вислы. Там он встретил идущего к нему навстречу маститого старца весьма преклонных лет. Князь поздоровался с ним. Старцу это понравилось. Он остановился и, опершись на клюку свою, долго молча смотрел на князя Дометия. Потом приветливо ему сказал: "Сын мой! Много дивного я вижу на челе твоём, пойдем в жилище мое. Там я поведаю тебе тайну твоей судьбы".

Князь Дометий немедленно пошел за ним. Старец всю дорогу хранил глубокое молчание. Следы глубокой думы виднелись на его челе. Скоро они пришли к жилищу старца. Это была небольшая, но весьма удобная для жизни пещера, которая была устроена в скале над стремниной на изгибе быстротекущей реки.

Там после трапезы, достойной пустытника, старец рассказал князю Дометию следующее:

"И злая, и добрая судьбы твои начертаны рукой Провидения на челе твоём. Провидение велит бежать тебе из дома отца твоего туда, куда когда-то бежали от злого рока предки твои князья Энний и Асканий. Там хотя и постигнет тебя беда, как это уже было в доме отца твоего, но твои напасти будут преходящими. Удалившись отсюда, ты по воле судьбы придешь на море Нево. Там есть один большой остров. На этом острове живет друг мой Мунга-Герман, ученик Андруса. Когда настигнет тебя буря житейской напасти, тогда иди к нему. Он исцелит тебя, залечит все твои душевные раны".

После такого наставления старца князь Дометий в непродолжительном времени ушел из дома отца своего, от братьев своих, в землю Поморскую, к народу варяго-руссам. Там у князя народа кувявов, по имени Соломай, он взял себе в супружество дочь его княжну Доротею, славившуюся душевной и телесной красотой.

Князь Дометий, сын Александров, имел от Доротеи трех сыновей: Аркадия, Кустодия и Фрелафа-Онория.

Однажды князь Дометий гулял с семейством своим по берегу морскому. Впереди быстро шел он с двумя старшими сыновьями, а княгиня с младшим сыном далеко отстала. Вдруг он слышит позади себя громкий отчаянный женский крик, взывающий о помощи. Дометий немедленно оборачивается и к великому своему огорчению видит корабль морских разбойников, поспешно удаляющийся в море вместе с похищенными его супругой и сыном. Последние, оказывается, не заметили, что в бухте по соседству за скалою спрятался корабль морских разбойников и скрытно подошел, чтобы схватить Доротею и Онория. Князю Дометию оставалось только лишь созерцать, как удалялся гонимый попутным ветром разбойничий корабль на всех парусах. Долго он стоял на берегу, неутешно плача и рыдая, пока не лишился чувств.

Придя в дом свой, Дометий с трудом подавил в себе скорбь, принял веселый вид и стал утешать своих плачущих детей, ждущих возвращения матери. Он объяснил им, что мать с Онорием поехала кататься и скоро вернется. Этим он сумел утешить детей на время.

После этого события жить стало невыносимо. Родной терем казался пустым, необитаемым. Ночью он горько плакал, а днем притворялся веселым, утешал и забавлял своих детей. Время немного подзалечило сердечные раны. Желая рассеять свою печаль, князь Дометий переселился к северу, поближе к народу панфириков, живших по соседству с народами базилик и сарматов, соплеменных славянам.

Недолго он жил спокойно. Однажды напали на панфириков славяне и роксолане, взяли приступом их столичный град, людей повели в плен и разделили их между собой. При разделе военной добычи князь Дометий достался народу базилик, старший его сын Аркадий

достался новгородским славянам, а средний Кустодий роксоланам. Последние увезли его в город свой Ростов на берега озера Каово.

Вместе с предводителем народа базилик и с многочисленной дружиной ходил Дометий в поход на берега моря Невы на народ куявов и победил их, сделал их данниками базилик. Здесь князь Дометий вспомнил слова старца, сказанные ему еще на берегу реки Вислы о том, что старец Мунга-Герман, живущий на одном из островов моря Невы, исцелит все его душевные раны.

Победитель народа куявов стал испытывать старожилы для того, чтобы узнать, где живет старец Мунга, и узнал, что тот был многим известен, так как куявы бывали у него на острове по своим семейным делам.

Князь Дометий немедленно отправляется морем на корабле на остров к старцу Мунге, куда скоро доставил его туда опытный кормчий. Мунга-Герман принял князя с великой любовью. Дометий поведал старцу о причине своего прихода, рассказал о разлуке со своей супругой и с сыновьями и попросил у него себе помощи.

На это старец так ему отвечал: "Дивные дела высочайшего Промысла над тобою, князь, совершились и вновь совершатся еще. Супруга твоя жива и благополучна и ни с кем не поделила целомудренное ложе свое. Только неведомая сила похитила у нее младшего сына твоего Онория. Старший сын твой находится в Великом Новгороде у посадника Силы-Телепня, а средний сын твой Кустодий прошел путь от Словенска на восток через непроходимые дебри Севера к народу роксоланам. Там в глуши дремучих лесов в городе Ростове у князя Силослава живет сын твой Кустодий в дружинниках. Фрелаф же безвестен. Ты всех своих сыновей соберешь под кров свой и среди них окончишь жизнь свою".

Радость великая охватила князя Дометия, когда он услышал такие слова. Когда старец Герман закончил речь свою, тогда князь Дометий спросил у него, а где теперь находится супруга его. На это старец отвечал ему:

"Она теперь царствует на берегу моря Невы в городе Стугне. Там ты свидишься с ней и соберешь там детей своих". И, продолжая говорить, еще добавил: "Я сказал тебе о делах высочайшего Промысла, которых ты не ведаешь. Речь моя к тебе будет теперь о неведомом тебе Боге. В юности своей я был свидетелем божественных дел. Однажды среди белого дня солнце померкло и луна стала подобна смоле, а день превратился в темную ночь на три часа, и земля страшно заколебалась. Об этом чудном явлении небесном, случившемся по всей земле, рассказывал мне друг мой, великий мудрец по имени Аполофан. Но прежде я расскажу тебе немного о жизни этого мудреца. А она заключается в следующем".

Мудрец Апофан

Однажды кесарь Октавиан послал своих слуг с качалкой звать к себе жену консула Аполофана для любовных упражнений. Однако консул Аполофан в одежде жены своей сам сел в качалку, а посланные слуги не заметили подмены. Когда они принесли качалку кесарю, то последний сам вышел на встречу. Каково же было его удивление, когда вместо ожидаемой красавицы из качалки вышел ее муж с кинжалом в руке. Угрожая кесарю кинжалом, он принудил его поклясться, что кесарь никогда впредь не учинит ему никакой обиды. И, действительно, кесарь исполнил свою клятву. Сам ничего Аполофану не сделал, но завещал мечь свою пасынку своему кесарю Тиберию. Последний сперва убил сына Аполофанова, а потом приказал убить и консула. Для этого он сперва заключил его в темницу, из которой тот, благодаря друзьям своим, бежал и уплыл морем на корабле в город Афины. Там он поселился у сына друга своего, по имени Дионисий, прозванного из-за его великой не по летам мудрости Ареопагитом.

Как-то раз Дионисий и Аполофан остановились близ храма неведомого Бога. Аполофан прочитал надпись над входом в храм и спросил у Дионисия, кто такой этот неведомый Бог. Дионисий отвечал ему: "Еще тот между богами не явился, но в свое время придет. Он ведь есть Бог, так как царствовать будет на небе и на земле, и царствию его не будет конца". И еще добавил о нем вот что: "Сократ так сказал о нем: "Заклинается небо, великого Бога дело, мудрое заклиняется гласом отчим, так как Отец возвещал прежде сам однородному своему родному Сыну, когда создавал весь мир". В другом месте Сократ так говорит: "Бога невозможно ни понять, ни сказать о нем невозможно, имеет же он три ипостаси, несказанен, существо же его и естество не имеют воплощенного подобия".

Великий мудрец Платон поведал о нем:

"Бог - благ, отвечает за благих, а за злых - никогда!"

Фукидид сказал: "Один это три, а три - один; бесплотная образная есть Троица: где Бог, там есть Слово и Дух с ним".

А "Стихихорь" сказал: "Почтим Мариам, хорошо скрывшую таинство века, ведь от нее будет рожден Бог".

Аристотель изрек: "Неусыпно естество Божие, существо, не имеющее начала, от которого все крепкое осуществится Словом".

Сивиллы наши об этом Боге так говорили.

Персика: "Сокрушен будет Сатана, так как исполнится Слово неведомое и родится от Пречистой Девы Марии и будет на земле великий пророк, и нас с Богом-Отцом примирит, и к нам на жеребяти-осле приедет, из темноты отцов изведет и людей заблудших обратит, и себя самого за грехи всех верующих в него отдаст".

Любика: "Придет день светлости и разгонит все темноты, за все грехи вселенной будет дан новый дар. Бог превечный воплотится, от Девы чистой родится, от сосцов ее вскормлену будет, немых уста отворит и слепым даст прозрение, храмы Божий разоренные восстановит, когда его подвигнут к тому, он во веки от того не откажется".

И еще десять сивилл о том же много поведали. И, наконец, сам бог Аполлон однажды сказал всем во всеуслышание: "Один меня понуждает превечный, который есть свет-трисветлый, не пострадавший он Бог есть. И не божество пострадает, но плоть, ибо он есть смертей плотью, а истлению чужд; он есть Бог, терпящий страдание от смертных: крест, досаду, погребение".

Так передавали нам в своей науке софисты и философы. Так говорил здесь в древние времена один престарелый мудрец, по сказанию которого и воздвигнут этот храм неведомому Богу, о котором так много говорили различные мудрецы и сивиллы, но постигнуть его они не могли из-за своего многобожия".

Едва только успел Дионисий закончить речь свою, которую Аполофан слушал с великим вниманием, как вдруг во время полудня солнце померкло и полная луна стала много

мрачнее солнца, и непроницаемая ночная тьма охватила землю. И тьма держалась три часа, и земля страшно тряслась. День превратился в ночь, так что два друга Дионисий и Аполофан не могли видеть друг друга и не знали, куда идти. Стояли они в страхе у дверей того храма. Потом как в мгновение ока темнота стала быстро исчезать, и опять засияло солнце по-прежнему.

Тогда Дионисий сказал с великим страхом своему другу Аполофану: "Или Бог всего мира страдает, или мир сей видимый скончается!" На это Аполофан ему отвечал: "Не без причины в такое время поведал ты мне о неведомом Боге. Сейчас время уяснить причину такого события!"

"Точно так же было и у нас в Великом Словенске, продолжал Мунга, и на особицу в это время пали ниц на землю все наши каменные и деревянные боги и разбились вдребезги. Это дивное явление природы не могли объяснить нам жрецы наши, доколе не пришел к нам некий странный, который сказывал нам, что в это время точно Бог-Творец неба и земли страдал и умер, распятый на кресте".

Князь Дометий, слушая такие рассказы старца Мунги-Германа, наконец спросил его о егодедине-отчине, и давно ли он обитает на этом острове, и почему старец, живущий на берегу реки Вислы и пославший его к Мунге, знает его.

На это старец Мунга отвечал ему так: "Желал бы я навсегда забыть свою дедину-отчину, что я почитаю бахвальством. Но ради пользы иных расскажу тебе, князь, о роде своем".

И он начал рассказ свой следующим образом.

Мунга Герман и святой Апостол Андрей

Родом я из Великого Новагорода. Нас было два брата. Отец наш был князь новгородский

Помпеи. Старшего брата моего звали Перей-Туча, а меня - Мунга. Жили мы с братом на правом берегу Волхова в великой любви и согласии. Брат мой имел у себя одного сына и дочь. Сына его звали Яромиром, который в одно время купался в реке Волхове и получил себе великую и неисцелимую болезнь, для исцеления которой один престарелый жрец и великий волхв предсказал: нужна кровь и вода, но не славянорусская, а чужеземная и праведная.

Тогда мы с братом и по общему совету жрецов обрекли всех чужеземцев, едущих той рекой мимо нас, из десяти убивать каждого десятого, и кровью убитых стали мазать больного и смывать оную водою реки Волхова. Такой наш варварский приказ долгое время исполнялся в точности: убивали, мазали, смывали, но пользы болящему никакой не было, кроме что день ото дня болезнь молодого князя умножалась. В число таких несчастных чужеземцев угодил и святой апостол Андрей Первозванный, проповедовавший в Скифии и теперь едущий кораблем из Новагорода в свое отечество чрез море Неву; он по жребию как раз вышел десятый, потому его и представили по обычаю к нам.

В ночь пред проездом апостола мимо нас болящий увидел во сне видение: стоящего на корабле апостола и плывущего вниз по реке дивно одетого странного мужа, о котором невидимый голос сказал: "Этот странный один только и может исцелить тебя от болезни!" Услышав такую радостную весть, болящий проснулся. И рассказал вещий сон свой отцу и мне. При этом он рассказал, как выглядел тот странник и в какую он был одет одежду, до подробности.

Еще слова его были на устах болящего, как служители наши привели к нам странного того. Подобие его и одежда поразили нас, и мы забыли все, страх и трепет напал на нас, и мы ушли от болящего в иную горницу, куда привели и странного того мужа.

В это самое время болезнь напала на князя Яромира с новой силой и он стал уже готовиться к смерти. Вскоре за сим поразили слух наш громкий вопль и рыдания матери болящего и всех бывших тут с ней у одра болящего. Услышав это, мы почуяли, что князь помирает. Сердца наши замерли от ужаса.

В это время брат мой в иступлении, и не помня себя, падает к ногам странного того и просит его исцелить от болезни сына, уже умирающего. Новый крик плача уверил нас в том, что Яромир уже помер. Брат мой едва от этого не лишился рассудка.

Странник поднимает с полу брата моего и кротко говорит ему: "Бог, которого я слуга, может воскресить и исцелить сына твоего, только веруй в него, как я верую, и сделайся христианином". Слово "христианин" привело брата и меня в смущение. Великая ненависть к христианской вере посеяна была в нас жрецами нашими. По словам их, это самая злая вера во Вселенной, основанная якобы на крови. Но плачь и рыдание над умершим Яромиром заставили нас забыть все мнимые ужасы и кровавые обряды христианской веры. Перей-Туча сказал странному тому мужу: "Если будет слово твое право, то я со всем домом моим приму христианскую веру!"

Тогда странный оный подошел к одру умершего юноши, велел умолкнуть плачущим, помолясь довольно Богу у одра умершего, взял его за руку и громко сказал ему: "Именем Бога Иисуса Христа, юноша, тебе глаголю: "Восстани!", и со словом этим за руку воздвиг умершего князя, как ото сна, сделал его здоровым, никогда не болевшим и отдал его родителям.

Тут брат мой, и княгиня, мать умершего сына, и воскресший молодой князь поверглись к стопам странного того мужа, а с ним пали ниц и бывшие тут сродичи и друзья наши, единогласно и единодушно пожелали они все быть христианами. К этому желанию присоединились три сына сестры нашей, князья по именам Имн, Пимн и Римн. Жрецы, пришедшие мазать кровию странного того, видя такое чудо, сочли за чары, и видя

у всех бывшее желание стать христианами, удалились в великом гневе на князя Перея-Тучу и на странного того мужа.

Весь род наш: и знакомые, и близкие нам, и слуги наши - приняли от апостола христианскую веру, и все крещены были от него. При крещении моем получил я себе имя вместо Мунги - Германа.

Через некоторое время по утверждению нас в христианской вере апостол Андрей собрался в путь в свое отечество водою чрез море Неву и море Варяжское. Взял он меня с собой в ладью, а потом оставил на этом острове проповедовать христианскую веру; оставил он мне на память и каменный крест, и свое благословение на остров тот. А вышесказанные князя Аркадий и Кустодий, дети сестры нашей Доротеи, по слову апостола Андрея, проповедовать христианскую веру в разные стороны, а именно: Имн ушел на берега реки Вислы, и есть он тот самый, который послал тебя ко мне. Пимн же ушел в Великий Новгород, который там возвратит тебе назад двух сыновей твоих. А Римн живет теперь в Ростове и является ныне искренним другом брата моего князя Перея-Тучи, туда переселившегося. Перей - он же во святом крещении Петр, - живет сейчас в окрестностях Ростова близ Брутовщинина ручья, на месте развалин терема скифской царицы Артаксии. А Римн поселился на берегу Нерли в пещере мудреца Клеобула. Если судьба приведет тебя, князь Дометий, в Ростов, то племянник мой там будет тебе не лишний. Что же касается до Новагорода, то там найди старца Пимна и он все для тебя сделает.

Так закончил добрый Герман свой рассказ.

Основанный им на острове Валааме Спасо-Преображенский Валаамский монастырь ныне источник неиссякаемой благодати Христовой на вечные времена.

Князь Светозвезд, Волоотово поле и Великий Словенск От Рождества Христова 160 лето

В одно время знаменитый старый ростовский богатырь Вышата после усмирения взбунтовавшегося Заволочья пошел по старинной памяти поохотиться на тихие заводи Ростовского озера, пострелять гусей-лебедей и серых утиц. Охота была неудачной, и старый молодец начинал не на шутку сердиться за неудачу свою и ругал на чем свет стоит жреца Велесова за то, что тот повстречался ему на пути. Досадую на все, пришел он, наконец, к устью небольшой речки, на берегу которой увидел сидящую на кочке необыкновенной величины жабу голубого цвета. Продолжая злиться на свою неудачную охоту, он натянул свой разрывчатый тугой лук и захотел подстрелить ту невиданную жабу, но она вдруг человеческим голосом сказала ему: "Вышата, русский богатырь, не стреляй в меня, жабу-необидчицу: мною убитой тебе не питаться, неповинна я в неудаче твоей. А лучше послушай, что я тебе поведаю. Скажу я тебе тайну великую: за этой речкой неглубокой есть болото топучее. А за этим болотом есть река быстрая, течет она из Ростова-озера. На той реке есть мыс песку белого, на нем лежит одно-одинешенько дитя, сын Царь-девицы, которое принесла туда Строфокамил, птица заморская. Принесла она его на верную смерть: слетались тут черные вороны расклевать дитя царское, сбежались тут волки серые растерзать на части дитя царское. Одна я, жаба-необидчица, не дала на расправу детище, защитила от них дитя беззащитное и невинное, теперь спасти его пришла твоя очередь, я не могу более охранять его, возьми ты его себе вместо сына родимого, он будет тебе названный сын, смолоду он потешит тебя".

С удивлением и глубоким вниманием слушал речь жабы той богатырь Вышата, и пошел он вослед за жабой к тому месту. Там под ракитовым кустом видит он дитя, завернутое в скатерть бранную и паволоку многоцветную. А самое дитя было красоты неописанной и слало крепким и безмятежным сном, разметавшись во все стороны. По слову жабы-необидчицы Вышата берет это дитя Царь-девицы на свои руки богатырские и с ним идет в обратный путь к городу. А жаба-необидчица на берегу той речки-переходницы, сидя на той же кочке, сказала богатырю, козаку старому: "Тут в речке-переходнице терем мой, где храню я ключи от царства подземного. Не забывай меня и не забудь совет подать: аль беда придет - выручу, Дума падет на сердце - как рукой сниму, только скажи здесь на берегу: "Жаба-необидчица, я с нуждой пришел", я тотчас буду на кочке, тут как тут". Сказав это, жаба прыгнула с кочки и скрылась в воде той речки-переходницы.

Богатырь Вышата в память этого события назвал эту речку Жабою. После этого он часто приходил туда вести речи с жабою-необидчицей.

Принеся детище домой, Вышата немедленно нашел ему няню старую и молодую кормилицу и назвал его Светозвездом. Мальчик рос не по дням, а по часам, как пшеничное тесто на опаре. Скоро ему настала пора в науку идти. Названный отец его нашел для него и учителей учить его по грамоте уму-разуму. Один был Славолуб, от рода богатыря Ратобора-Копыря, другой учитель был по имени Ясень, от рода князя Перея-Тучи. Они стали учить Светозвезда уму-разуму, их наука ему впрок пошла, науку ратную богатырь Вышата на себя взял. Знал Светозвезд всякие науки книжные, знал он и все обычаи богатырские, знал он много диковинного. А наособицу знал он науку ратную. Скоро он стал лихим наездником, правою рукою и крепкой стеной своим товарищам. Не даст он никому в обиду их: все пред ним клонится. А задорное и непокорное от него ломится. Такие его в юные годы доблести богатырю Вышате по нраву пришлись.

Князь Туросвет, сын князя Любомира, имел в Светозвезде, сыне богатыря Вышаты, искреннего и нелицемерного друга и товарища и по летам себе сверстника. Теперь Светозвезд стал проситься у своего названного отца-богатыря в чисто поле погулять, людей повидать, а при этом и силы свои померить с богатырями могучими. Отец его не перечил ему, вспоминая свою молодость. В путь собрался с ним и молодой князь Туросвет, отпущенный своим родителем, князем Любомиром.

Прежде отъезда своего питомца богатырь Вышата со слов жабы рассказал ему о его роде-племени, и как он нашел его и воспитал. Услышав это, Светозвезд залился горькими слезами и, стоя на коленях, обнимал ноги своего названного отца и благодарил за все попечения его о нем, называя его отцом своим, и клялся служить ему верой и правдой всю жизнь свою, и никогда не оставлять его, и быть всегда при нем, и во всем быть правую рукою его, обещался, что не поедет он теперь от него в чисто поле гулять.

Вышата этой клятвы от него не принял и не связал его молодость своею старостью. Напротив того, уговорил его, чтобы он поехал отыскивать своих родителей, которые, вероятно, живыми еще находятся.

На вопрос Светозвезда, кто они такие, Вышата не знал, что отвечать. Только и мог сказать, что он - сын Царь-девицы, и больше того ничего не ведает.

Чрез малое время после этого разговора Вышата вспомнил слова жабы-необидчицы, которая велела приходить ему с нуждою к ней. Он немедленно пошел на реку Жабу спросить ее совета, что ему теперь делать со Светозвездом, и не знает ли она, где его родители и кто они такие. С такими мыслями он пришел на берег реки Жабы и там видит - сидит на обычном своем месте жаба-необидчица по-прежнему. По приходе его к ней стала она говорить ему:

"Пошли ты сына своего в Великий Словенск, и пусть он там отыщет Славянов курган, на нем живет старшая сестра моя, по имени Турантаиха. Все на свете ей сказано и кому как надобно жить указано, она знает всю подноготную о той Царь-девице, родной Светозвездовой матери. А чтобы она знала, что я послала его к ней, пусть прежде покажет только ей перстень его матери, который у него был повешен на золотой цепи на шее, когда ты нашел его".

Сказавши это, жаба спрыгнула с кочки в воду реки Жабы и скрылась. С тем Вышата и пошел в обратный путь. И дома передал весь разговор свой с жабой, и вместе с этим передал Светозвезду перстень его матери.

Велит Вышата сыну своему собираться в путь-дорогу в Великий Словенск и отыскать там мать и отца своих, дает он ему в неизменные товарищи свой меч-кладенец и все свои доспехи ратные вместе с конем своим богатырским. А в заключение всего налагал он на него заповедь великую: защищать слабого от сильного, старых людей чествовать, наказывать врагов правды, ссоры не затевать, укору никому не давать над собой, тыл нигде и никому не показывать. "А пуще всего защищай слабый женский пол: такому быть богатырю на роду написано", - добавил он.

Скоро собрались в путь-дорогу два витязя удалые, добрые молодцы князь Туросвет и Светозвезд. Последний при прощанье с отцом своим пролил немало горьких слез, не чаял он больше с ним свидеться на свете сем. Немало молодых товарищей поехали с князем Туросветом.

Скоро приехали молодые люди в землю Словенскую безо всякого приключения. Путь их был самый веселый, только один Светозвезд вел себя наособицу: дорогой он везде выспрашивал про Славянов курган. В Словенске он узнал и о кургане Славяновом в подробности от трех калик перехожих, где стоит тот Славянов курган и о том, что живет на нем злой-презлой волшебник по имени Турантай, каком сродясь никто не слыхивал. Нет мимо него проезду ни конному, ни пешему: всех убивает он до смерти, над кровью их чары творит. А сидит он тут с тремя годами полтора сорока лет безвыходно, хранит он тут сокровища несметные. Это нисколько не поколебало намерение Светозвезда побывать на Славяновом кургане.

В Словенске князь Туросвет со своей свитой остановился на княжем дворе. А Светозвезд встал наособицу у матерой вдовы Степихи, у которой он спросил о дороге на Славянов курган. Та рассказала о нем все, как по писанному.

Приехал Светозвезд к кургану Славянову, видит он: там на вершине его стоит избушка на курьих ножках, повертывается. А стоит эта избушка к нему задом, а к лесу передом. Взойдя на верх кургана, видит - вокруг избушки лежит много разбросанных костей

человеческих и много буйных головушек сыпучим песком засыпаны валяются, что тыквы полянские на нивах тех широких. Тут подумал Светозвезд: видно, правду мне говорили калики перехожие. Но невзирая на это, он закричал: "Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом". Избушка его послушалась: встала к лесу задом, а к нему передом. Он вошел в избушку. При входе в нее он видит на верхнем косяке написано: "Кто разбудит меня, тот не уйдет от меня".

Потому, подумал он, и кости лежат тут разбросанные. Надпись и рассказ калик перехожих о лютости чародея заставили его быть осторожным. Вспомнив слова волшебницы-жабы, он приготовился было показать свой перстень. Но в избушке увидел он только столетнюю старуху, сидящую под окном на лавке и прядущую волну белее снега. Увидев вошедшего Светозвезда с перстнем на руке, она сказала ему весело:

"Добро пожаловать, добрый молодец, здорова ли моя сестра-воструха?" Тот рассказал причину своего приезда к ней и попросил ее рассказать ему что-либо о его родителях. На это старуха отвечала: "Знаю я, где мать твоя Царь-девица: она сидит теперь в неволе, в подвале глубоком, за дверями железными, заперта замками булатными и засыпаны двери песками сыпучими на той на Волхове-реке, где слилась с ней река Волховец, под высоким холмом песку белосыпучего. Заточил ее туда злой волшебник Волот, которой живет на поле близ Великого Словенска. Там, в высоком терему ты найдешь его. Перстень на руке твоей усмирит его, и ты посади его на место твоей матери. Доселе он жил на этом кургане, но я прогнала его отселе и очистила здесь дорогу прямоезжую, на которой он смертью встречал людей и ею тешился. Пусть посидит и сам в подвале глубоком. Перстень твой - товарищ тому, который носит на руке своей мать твоя, Светозара-Курма. Перстень твой - достояние царя Сезостриса! Премудрого".

После этого Турантаиха напоила Светозвезда, накормила и в бане его выпарила, а потом спать уложила, поутру разбудила и в путь-дорогу снарядила, научила его, как отыскать ему мать свою и что сделать ему с волшебником. Но Светозвезд, по сказанному как по писанному, стал спрашивать, где то поле, на котором живет Волот. Та от страха сперва не сказывала, но по настоятельной его просьбе стала рассказывать ему о лютот волшебнике, живущем на том поле. Светозвезд, как мог, успокоил старуху, а сам пошел один-одинешенек на то поле. Там первая встреча была ему: волшебник, превратившийся в безмерной величины Болота, на плече несущего вместо палицы вывернутый с корнем столетний вяз, издали стал грозить ему смертью от своей палицы. Снявши с плеча, вращал он ее, как гусиное перо. Вдруг увидел он блеск камня в перстне Светозвездовом. Как блеск молнии поразил он его, отчего Волот пришел в великий страх, бросил свою палицу на землю и поспешным бегством хотел скрыться от поразившего его сияния, но ноги его изменили ему, колена его сами собою стали сгибаться, и он пал пред Светозвездом на колени и, стоя на них, с трепетом ожидал его слова.

Первое слово Светозвезда к Волоту было та кое: "Где Царь-девица?". Волот не отвечает, хранит глубокое молчание. Светозвезд повторяет то, о чем его спрашивал. Опять молчание. Тогда Светозвезд наставляет камень перстня своего против глаз Волота, который застонал и в великом страхе ответил: "О, великий мудрец Сезострис и царь Мерид, не мучьте меня! Скажу всю истинную правду!"

Светозвезд опустил руку свою с перстнем вниз, и Волот сказал, где заключена им Царь-девица. Узнавши о темнице своей матери, Светозвезд велит ему немедленно вести себя туда. Волот колеблется, но сила перстня велит ему повиноваться. Нехотя пошел Волот перед ним с печальным видом и склоненной головой по крутому берегу реки Волхова к тому месту, где впадает в нее река Волховец. У подножья невысокого холма была темница Царь-девицы. Там по приказу Светозвезда Волот стал отрывать песок от дверей темницы, отмыкал их ключами златокованными. Отворилися двери железные, и вышла из темницы Царь-девица. Ни время, ни темница красоты ее не коснулись. Но в какое же она пришла удивление, когда увидела, что освободивший ее витязь стоит пред ней на коленях и называет ее своею матерью. От такой неожиданной новости Царь-девица едва не лишилась

чувства и долго не выпускала из объятий своих Светозвезда. Со слезами она выслушала рассказ Светозвезда: где и как был найден, как и кем воспитан. Показал он ей перстень, который висел на золотой цепи. И без перстня мать узнала свое детище. Он во всем подобен отцу своему: лицом, станом, даже голосом.

После такого радостного свидания Светозвезд, сдвинув брови, грозным голосом приказывает Волоту идти в тот подвал, из которого только что вышла его мать. Застонал громко Волот, заревел Волот страшным голосом, ночуя для себя роковую беду. Ни мольбы, ни посулы несметных сокровищ не могли поколебать Светозвезда. Нехотя взошел Волот в глубокий подвал. Затворил тут юный богатырь двери железные, запер их замками всяческими и засыпал двери песком сыпучим, а ключи от замков бросил в Волхов-реку. И пошел оттоле со своей матерью в Великий Словенск, оставил ее у вдовы Степихи, а сам пошел на место лобное. Там на вече шум шумит, что вода журчит в порогах Волхова. Выбирают тут старейшину, чтобы править кому Великим Словенском. Кто желает старейшину мудрого, а кто - сильного. Последнее желание верха берет. Положили богатырскую силу пробовать. Стали тут молодые силачи собираться кучкою, чтобы по жребью с кем и как силу мерити. Три искателя старейшинами сказались, которые каждый может водить в бой рати несметные, молодец к молодцу, на вид кровь с молоком, а ростом косая сажень. У всех глаза кровью наливаются. Стали они хвалиться дединой-отчиной, и опричь себя другого ни во что ставили.

Тут из среды народной выступает один маститый старец по имени Русолюб. Он стал тех молодцов уговаривать: "Не вовремя вы ссору затеяли и без дела меж собой стали ссориться. Ведь все вы дети отеческие, все вы роду княжеского. Лучше вам послушать стариков. Не языком вам силу мерити, но борьбой и стрельбой силу мерити. Борьба и стрельба покажут силу богатырскую".

Всем речь старика добре полюбилася.

Светозвезд в это время был в толпе народной, все это слышал и видел, и решился сам с другими силы померити, для этого выступает он из толпы народной и становится перед выборными из пяти концов. И стал им такую речь говорить: "Когда я думал, что мудрость должна здесь верха брать, тогда надо старость нам в почете держать, но когда не мудрость, а сила верха берет, старшим быть сильному, челом бью вам и всему вече Великого Словенска, не попережьте мне, проезжему, с теми молодцами силу померити, не пойду я с ними в жеребей, пусть я в дебовых зачислюсь". Косо на Светозвезда три охотника поглядывают - зависть гложет сердца их. Гордо стали они у него спрашивать о дедине его и отчине. Он такой ответ им держит:

"Дедина моя и отчина немизинная, на лета мои вы не смейтесь, нечем мне пред вами похвалиться, я меж вас, как калика переходящая, пришел сюда прямо с устья Волховца, запер там в подвале глубоком вашего Волота страшного, то моя дедина-отчина".

Тут пошел говор и шум народный. Многие тут находящиеся видели, как он гнал пред собой того Болота пленником. Все тут этому диву дивовались и позволили ему силой мериться.

Делать теперь новгородским богатырям тут нечего, принять пришлеца в товарищи на вече было положено. Стали охотники метать тут жеребей, кому после кого должно чин держать. Первый резвый жеребей выпал Простену, сыну боярскому, второй - Верхотуру, сыну верховного жреца Перунова, третий - Стамеду, сыну Дибы-посадника, а последний, дебовый - Светозвезду удалому. Тут он стал просить все вече народное, чтобы всем стрелять из лука Болотова и метать его копье долгомерное. Люба его речь была тут всему вечу народному.

По приказу старейшин вечера принесли немедленно лук и копье Болотова. Первое несли двадцать человек, по десяти человек за каждый конец его, второе несли тридцать человек, и те несли - нагибались. Простен не горазд таким луком стрелять, от этого он отказывается. Верхотур подержал в руках его да и положил опять на землю, и тот этим луком пробовать силу свою отказывается. Стамед-богатырь тетиву лишь его попробовал и

с тем Светозвезду его передал: негодной вещью силы свои пробовать у него охоты не было. Один Светозвезд остался спорщиком, и он берет тугой тот лук разрывчатый, рога его были стали вороненой, с золотой насечкою, кладет на тетиву его шелковую стрелу каленую с пером старого орла, птицы заморской, натянул он туги рога его за ухо и пускает каленую стрелу в мету урочную. Взыла тетива шелковая, со свистом полетела стрела каленая пяти четвертей, пролетела она мету урочную, угодила стрела в сосну вековечную, которая росла на другом берегу реки Волхова, исщепала ее в черенья ножевые. Тут все вече диву далось о такой силе молодого витязя, который первый спор выиграл.

После этого пошли четыре соперника к копью Болотову, которое лежит на земле, что мачта корабельная. Простен и Верхотур метать его отказываются: это-де забава мужицкая, а не богатырская. Стамед-богатырь от этого не пятится: эта забава ему сведома. Кидает он его в мету урочную - далеко-далеко не докинул до нее. Настала черед метать его Светозвезду-молодцу, детинцу заносчивому, так его спорщики прозвали. Берет детинец копьё Болотове в свои руки богатырские, у него оно в руках, как перышко, мечет он его со всего богатырского розмаху. Полетело копьё долгомерное прямо к мете урочной, на лету воеет, словно буря громовая, пролетело оно далеко мету урочную и там воткнулося в Мать-Сыру землю и ушло в нее наполовину ратовища, с трудом его оттоле выручили. Прогремела хвала вече народного, что молодой пришелец второй спор выиграл. Остался последний спор: борьба трехприемная. Охотников никого не выискалось со Светозвездом-молодцом силой мериться. И третий спор остался за ним.

Тогда старейшины пяти концов и все вече народное нарекли Светозвезда старейшиной Великого Словенска. Тут все пред ним клонятся и просят володети ими по старине. Светозвезд повел тут такую речь: "Любо мне слово ваше мудрое. Старшим я между вами остануся. Вы все теперь должны меня слушаться. У меня обычай такой: быть у старшего в послухах, любо мне у Русолюба в послухах быть и быть его рукой правою, судить-рядить, и первому мне впереди победоносные рати водить. Мудрость Русолюба всем вам явлена: то воля моя неизменная".

Люба речь Светозвездова всему вече народному. И стал Светозвезд править всей Славянской землей с Русолюбом мудрым и со своей матерью. Все пред Великим Словенском клонится, всех врагов его сила ломит. Слава о Светозвезде прошла за море. Ратиться с ним все соседи боялися, а брали с ним вечный мир.

Счастливым в правлении своем Светозвезд сокрушался, смотря на тайную печаль своей матери. Он полагал, что она происходит от разлуки ее с его родителем. Запала ему мысль заветная: отыскать родного батюшку, если он еще жив. Вознамерился он спросить об этом старую Турантаиху, которая так ясно рассказала ему о у его матери. От нее теперь узнал он, что отец его - заморский царь и царит он в Скандинавской земле, на Меларском озере в Сигстуне-городе.

Он немедленно собрался туда в путь-дорогу дальнюю, в землю Скандинавскую, к Сигстуну-городу, он пошел с небольшой дружиной охотников. Поехали они за те моря синие, за те горы высокие, за те реки быстрые, за те болота топучие и за те леса дремучие. Проехали они Корелу неразумную, проехали они Каину несусветную, где сошлось небо с землею. Там есть одна дорога к красному солнышку, а другая - к светлому месяцу, а проселочные дороги - к частым звездам. Минули они все дороги эти торные, пошли они дорогой неторной в то царство Скандинавское. Обступила его вокруг рать-сила великая, а та ли Ямь Закоптлая, и та ли Сумь Голодная. Не пропускают их в стольный город Сигстуну, хотят Скандинавское царство в полон полонить. Тут князьям нашим, а в особенности Светозвезду, за беду это показалось. Вынимают они из влагалища булатные мечи, а в руки берут копьа долгомерные, напускаются они кто на Ямь Закоптлую, а кто на Сумь Голодную. Как ясные соколы напустились они на стадо серых утиц, так и они - сколько мечом бьют и копьями долгомерными колют, а вдвое более конями топчут. Скоро прибили они рать, силу несметную, а остальные все наутек побежали.

Скоро отворялись тут ворота Сигстуна, стольного города, опускались тут мосты подъемные, выходил тут встречать победителей сам Скандинавский царь, а то Светозвезд родной батюшка. Они друг друга сродясь не видывали. Брал тут царь победителей князей Туросвета и Светозвезда за руки белые и вел их в палаты царские, сажал он их за столы дубовые и за скатерти браные. Первое место князьям давал подле себя, а другое - напротив себя, а третье - на волю им дал. Выбрали они себе место по конец стола, на коннике.

Стали кушать князья калачи крупитчатые. Тут стал Светозвезд нижнюю корочку откладывать, а верх калача выламывать. Заметил это Скандинавский царь. Сказал он молодому витязю:

"У нас калачи не так кушают: нижние корки не откладывают и верхние не выламывают". Светозвезд на это отвечал ему: "У тебя, царя, калачи пекут в курных печах, немуравленных, а под метут сосновым помелом. Оттого у вас нижние корочки нечистые, а верхние переуглились. У моей государыни-матушки Царь-девицы пекут калачи в печи муравленной, а под метут помелом шелку шемаханского, те калачи я и с корочкой кушаю".

За эти слова Светозвездовы ухватился Скандинавский царь и молча стал смотреть на него пристально, открыл в лице его черты знакомые, и в это время увидел на руке его свой обручальный перстень Сестоприса-царя. А узнал он его по камню самоцветному. Вскочил он тут со скамьи царской на ноги, уронил на нее паволоку златотканую, от радости едва мог такое слово выговорить: "А ты, той еси, витязь млад! Где взял ты этот перстень, что вижу я на руке твоей?" А тот ему в ответ говорит:

"Это подарок моей государыни, родной матушки, а по имени она Царь-девица".

Опознал тут Скандинавский царь свое чадо милое, стал его выпрашивать о его родной матушке Царь-девице, а сам горячими слезами заливается: "Где теперь-то она находится? Где досюль она скрывалась? Я искал ее по всему свету белому!"

Тут князь Светозвезд рассказал ему все в подробностях как о себе самом, так и о своей матери, Царь-девице. Много пролил тут слез Скандинавский царь, когда сын его про все это ему рассказывал.

Спустя немного времени отец Светозвезда Скандинавский царь скоро собирался с молодыми князьями в Великий Словенск повидаться там с Царь-девицей. Приезд их туда принес великую радость как самой Царь-девице, так и всему Великому Словенску. Скандинавский царь остался княжить в Великом Словенске и стал называть себя князем Великого Новгорода. Он известен был под именем Мечислава Храброго и Мудрого.

В одно время князь Светозвезд охотился на берегу реки Волхова и там к удивлению своему увидел летящих в одну сторону с великим криком множество черных воронов. Любопытствуя знать причину этого, он пошел следом за ними и прошел пути немалое пространство и все дремучим лесом. Наконец на пути своем слышит он жалобный голос будто бы умирающего человека. Он немедленно спешит туда и к удивлению своему видит там молодого и красивого юношу, привязанного крепко к дереву, борющегося с голодной смертью. Князь, не медля нимало, спешит к нему, развязывает верви, связующие его. Ослабевший и обессиленный юноша взглянул на своего спасителя и упал на землю в беспамятстве. Светозвезд, видя это, спешит к близтекущему ручью, на берегу которого тот был привязан, и черпает в шелом свой воды, которой оросил лицо, голову и грудь умирающего. Тот от этого пришел в себя и просил воды, чтобы утолить жажду свою. После этого скоро он совершенно пришел в себя и едва слышно пробормотал заботившемуся о нем князю: "Спаситель мой! Избавил ты меня от лютой голодной смерти. С этого времени я принадлежу тебе душой и телом. Располагай мной по своему произволу. Я вечный раб твой!"

Светозвезд как мог старался успокоить и утешить его словами, дав ему немного пищи из своего охотничьего запаса, и сделал все возможное, чтобы юноша встал на ноги. Светозвезд спросил у него: "Кто ты такой? И каковы твои дедина и отчина?" Вот что рассказал ему:

"Я сын князя Устюши, внук князя Ваги, проживал с племенем своим в пределах Великого Словенска. Женат я был на внучке князя Перея-Тучи княжне Любославе. Родина моя - берега реки Паши. Имя мое - Рамир. Я - единственный сын у своих родителей. В одно время я с пестуном своим охотился на берегу реки Паши, когда был пленен князем Рядком, живущим на берегу реки Сяси, непримиримым и исконным врагом моего отца. Жил он на правом берегу той реки. После похищения моего он стал опасаться мщения моего родителя, поэтому долго скрывался на берегах реки Свири, затем на берегах моря Невы, пока не дошел до реки Волхова. Здесь он жил немалое время, где, к несчастью моему, влюбилась в меня дочь его - старая и отвратительная девка. Отказ мой вооружил против меня отца и дочь. Чего я от них только не вытерпел! Какого только не делали мне истязания! Наконец, видя безуспешное всякое свое домогательство, удумали они между собою совершить варварский поступок, от которого великодушие твое меня избавило. Злодей мой, как я мог понять из его разговора с дочерью, ушел на Алаунские горы. Здесь я видел уже близкий конец моей жизни, видел и предвестников моей смерти - плотоядных воронов. Пронзительным криком своим они еще больше раздирали мое сердце. Скоро я пришел в беспамятство. Не видел я и не слышал, что вокруг меня происходило. Неожиданное твое вмешательство спасло меня от мучительной смерти".

Вскоре после этого события князь Светозвезд с дозволения своих родителей отправился с князем Рамиром к его родителям и решил отыскать злодея князя Рядка и наказать его.

Когда они приехали на реку Пашу, радость родителей Рамира была неопишуемой. Они не чаяли его видеть живым. Узнав обо всем случившемся с ним, со слезами на глазах благодарили князя Светозвезда. Оттоле князя ездили на устье реки Сяси, но и там не открыли злодея. Пробыв немалое время у родителей Рамировых, Светозвезд стал собираться в Великий Новгород. Рамир едва упросил родителей отпустить его вместе с князем Светозвездом. Получив на это согласие, два молодых князя уехали в Великий Новгород.

Спустя пять лет после начала княжения в Великом Новгороде князя Мечислава Храброго, князя Светозвезд и Рамир счастливо жили в Великом Новгороде. Наконец князь Светозвезд вознамерился побывать в Великом Ростове, куда и поехал вместе с князем Рамиром. Путь их продолжался до берегов реки Улеймы безовсякого приключения. Здесь они нечаянно наехали на селище князя Рядка, похитителя Рамира и злодея. Князья немедленно вступили с ним в бой, и пал Рядко от руки князя Светозвезда. Остальные злодеи рассыпались по дремучему лесу. На месте селища остались старики, жены и дети малые, которые со слезами на коленях просили помиловать их. Победители не стали им мстить, а убежавших не стали преследовать, но только приказали им тут жить всем мирно и никого не обижать.

После этого приключения два князя и друга продолжали свой путь по берегу реки той, вели речи о прошлой их битве. Внезапно услышали они жалобные женские голоса. Кони их вздрогнули, всадники приникли ухом и, подобрав поводья богатырских коней своих, они стрелой помчались туда, откуда раздавались вопли. Резвые кони их быстро прискакали с ними туда, где была вековая дубрава, находящаяся недалеко от реки Улеймы. Тут открылась пред ними прелестная поляна, посередине которой стоял небольшой, но уютный терем. Перед ним на небольшом лугу в толпе отвратительных злодеев стояли две юные девы дивной красоты, привязанные к двум деревьям, а костлявый старичишка с редкою седою бородою в великолепной одежде, казалось, любовался прелестями их, которые были едва не все обнажены. Он уж выхватил из-за пояса сверкающий двуострый кинжал и подошел к одной из жертв, намереваясь пронзить им грудь, но Светозвезд и Рамир с быстротою молнии вторглись в толпу любопытных и отвратительных личностей и по обычаю

богатырскому без суда стали мечами своими поражать злодеев: кого пощадил меч, того растоптали кони их, кто мог бежать - бежал. Только один старый развратник еще думал сопротивляться им силою волшебной науки своей. Но блеск перстня Сезострисова сделал оную бессильной. Видя это, злодей устремился с кинжалом в руке на свои жертвы, но меч Светозвезда предупредил его: с рассеченною надвое головой пало чудовище пороков на землю и земля поглотила труп его.

Каждый победитель бросается к одной из красавиц, меч быстро рассекает верви их, которыми они были привязаны к дереву; на нежных телах их остались багряные знаки. Почерпнутая шеломами их из ключа, бьющего тут в шумящем ручье, вода привела их в чувство. Девушки осмотрели поле битвы и чувствительно благодарили своих спасителей, а затем бросились в объятия витязей. Два пламенных поцелуя горели на устах удивленных и восхищенных юношей, и прежде, нежели они успели опомниться, красавицы, крепко обнявшись одна с другой, быстро поднялись к облакам и скрылись вдали от взоров их.

Изумленные победители только и успели крикнуть о любви своей к ним и услышали от них в ответ, что они дочери русалки Проворы-Тихонравы и ждут их к себе.

Князя хотели было уже продолжать свой путь к Ростову, как Рамир увидел на земле лежащее белое покрывало с вышитыми золотом лаврами. Оба витязя бросились к покрывалу и подняли его в одно время. "Моей незнакомки покрывало, оно мое", - вскричал Рамир. "Моя, я видел, его оставила, - возразил ему Светозвезд, - оно мое!" Прощай вечная любовь и дружба! Кровавопролитный и жестокий бой завязался между бывшими друзьями над трупами только что павших от их рук злодеев. Искры сыпались после каждого удара мечей. В это самое время внезапно видят они прилетевшую птицу с златовидными перьями великолепно украшенную, какой они нигде не видывали. Птица схватила своими пурпурными когтями покрывало, повешенное Светозвездом на куст, и улетела. Тут Светозвезд, видя это, прервав бой, сказал: "Какие мы глупцы: из-за пустяков хотели погубить друг друга!" - "Ты прав, - сказал Рамир, опустив в ножны меч свой. - Мы точь-в-точь петухи! - и подал товарищу своему в знак мира окровавленную руку свою. - Теперь нам надо отыскать, где живут владетельницы таких покрывал". - "Правда! - сказал Светозвезд, - но для памяти место это, находящееся на берегу реки Улеймы, назовем Зачатьем. Здесь зачалась наша сердечная любовь, запечатленная битвой".

По приезде своем в Ростов Светозвезд ни отца своего богатыря Вышату, ни учителей своих в живых не застал. Первый помер от преклонности своих лет, а последние были замучены до смерти за веру. Застал он только одного друга и товарища Вышатины богатыря Иверца, доживающего век свой в своем белодубовом тереме, стоящем на берегу глубокого ручья. К нему ездил Светозвезд и узнал подробности об их гибели.

Долго сетовал Светозвезд. Оставленное красавицами покрывало не давало князьям покою. Долго они рассуждали между собою, где отыскать им незнакомок, в какую сторону направить им путь свой. Вдруг Светозвезд, к великой своей радости, вспомнил о чудной жабе-вещебнице, от которой названный отец его всегда получал в нужных случаях советы. По примеру его и он пошел к ней узнать, найти этих красавиц. На известном месте он увидел сидящую жабу, которая, не ожидая вопроса его, сказала ему: "За ум ты хватился, добрый молодец, что пришел навестить меня, жабу-необидчицу. Благо тебе, что помнишь ты отца названного, а за приход твой ко мне не быть тебе внакладе. Скажу я тебе всю правду-истину, зачем ты пришел ко мне и что тебе от меня надобно: суженые ваши есть две сестры родные, живут они с детства в Добрадином тереме. Они ожидают вас с нетерпением, чтобы быть вашими невестами. Держите путь прямо на полдень, там на горе стоит великолепный терем. Храни перстень: будешь счастлив". С этим словом жаба прыгнула в воду и скрылась там.

Вскоре после этого князья поехали на полдень отыскивать себе суженых. Недолго они ехали по Святой Руси отыскивать заветный терем. С восходом солнца они выехали, а к вечеру они приехали к высокой горе, на которой стоял великолепный терем, окруженный высокою стеною с семью высокими башнями. Из крепкого первобытного гранита построена

была эта гордая крепость. С громом опустился пред ними подъемный мост по первому звуку щита Светозвезда. На статных конях своих князя въехали на широкий двор. Богато одетые служители окружили их, с почтением взяли от них поводья коней богатырских и с поклонами просили их идти в терем. "Разве вы знаете нас?" - изумленно спросил Светозвезд. "Как нам не знать таких храбрых витязей, Светозвезда и Рамира, знаменитых мужеством и храбростью, - отвечал ему старший служитель, - вас в чертоге ждут госпожи наши".

По великолепной мраморной лестнице взошли они в дивно украшенные чертоги. Там толпа служителей, еще роскошнее одетая, принимала их раболепно, растворяли они пред ними все двери на пяты богатых чертогов, наконец растворились все двери великолепного наособицу чертога, посередине которого стояли две юные красавицы, каждая из которых держала по золотому турью рогу, украшенному самоцветными камнями и наполненному червлёным вином. Каждая из девушек приветствовала своего избранника, говоря ему так: "По древнему обычаю сим рогом приветствую своего избавителя от смерти". Каждый витязь выпил досуха вино из турья рога, и каждый просил руки подносившую турий рог себе в супружество, и каждый получил просимое. Вскоре в Новгороде Великом отпраздновали две веселые свадьбы.

Князь Светид, как конец света искал, на дно океана опускался, к Красну Солнышку летал От Рождества Христова 406 лето

Князь Светид, сын Тучегонов, с самых юных лет был столько храбр, сколько и предприимчив и любознателен. Однажды он испросил дозволения у своего родителя чистом поле погулять, людей посмотреть и себя показать. Главная же его охота была - испробовать три вещи: первое - узнать, далеко ли конец земли или света; второе - узнать высоту небесную, сколь высоко небо от земли; третье – узнать глубину морскую. Получив дозволение от родителя, он поехал в неведомый путь один-одинешенек. По долгом своем странствовании по белу свету много он видел невиданного, наконец приехал в Великую степь одного вертячего перекаточного песку, которую называют Ливийскою. Доехал он до горы Поднебесной, где живут народы Масаманские. Там пришел он на горы Горамантовы, прошел он землю Негрицкую, которая вся изусеяна озерами великими и малыми, перешел он горы Гделефинские, пришел он в землю Ефиопскую, где живут ефиопы, люди черные, как крыло птицы ворона. Там шел он путем-дорогою, видит: по одну сторону киян-море Атланское, а по другую - киян-море Маримаруфское, а промеж этими окиянами и конец земли. А на том конце земном стоят палаты белокаменные, о которых нельзя ни в сказке сказать, ни пером описать: за кровлю их позлащенную задевают облака ходячие, а окон у них - счету нет, каждое окно боле ворот наших и боле ворот Стовратных Фив. Все они были со стеклами хрустальными, а деланы они в Венецейской земле Тувулканом, премудрым ковачом, они всякими узорочьями изукрашены в Цыцарской земле.

Долго смотря, дивился на эти палаты белокаменные: такого дива он сродясь не видывал. Думает он тут думу крепкую: дальше идти - пути нет: палаты эти стоят по конец земли; в палаты идти без зову – следу нет: хозяина стенишься. Но потом сказал сам себе: "Смелость города берет, пойду в палаты непрошенный, и нежданный гость лучше Жданова, худо будет - поправимся, за обиду свою стеной постою!"

С такими мыслями он пошел в палаты белокаменные по лестнице вальящатой, перила у лестницы красна золота. Входит он в чертоги царские, видит он в них - там девица в цветном платье одна-одинешенька, ростом та девица была три сажени мерные, красива она лицом и румяна она, что маков цвет, груди белые, что копны сена обыденного, вполовину прикрыты они сорочкой белоснежною, ферьязь на ней златотканае, что жар горит.

Лишь только завидела она князя Светида, вошедшего к ней, как закричала зычным голосом:

"Фу, фу! Досель русского духу было слыхом не слышать, а ныне русский дух воочью совершается!" С этими словами встала она с беседы адамантовой и с князем таку речь повела: "Долго я ждала тебя, добрый молодец, таких девки не жалуют, скучно мне было ждать тебя, сидеть одной-одинешенькой. Я уж девица на возрасте, по-вашему, по-русскому, на выданье, захотела и я на выданье: не густой волос - почету ему нет, девичье житье мне опротивело, то ли дело молодойкой быть, по-вашему, по-русскому, бабою, и ребят родить. Тебя стенишься мне нечего, сам ты видишь, что я правду говорю.

Будь ты теперь мой суженый, а я тебе буду ряженая, заживем мы с тобой припеваючи наношу я тебе ребят семью немалую, и буду водиться с ними, что курица с цыплятами. Заупрямишься, то я тебя в бараний рог согну иль в ступе пестом истолку, охоту у девки молодойкой быть не оставливай. Теперь я жду от тебя слова приветливого, как говорят у вас парни девкам на беседе, когда гасят лучину, от этих слов кипит вся кровь девичья, от них она тает, что на огне ярой воск, на то она и девкою слывет!"

На это князь Светид, насупившись, сдвинул свои брови черные и на речи красавицы отвечал ей так: "Глупая ты девка, неразумная, мяса много да волчья сыть, у нас на Руси так девки не делают и не так молодец воймут. Пришел молодец - девка души не слышит в нем, накормит его пряженым, напоит его сытою с зеленым вином и сама его в бане выпарит. А коль не в бане, то на перине пуховой своей с собой спать укладет,

ляжет с ним красной девушкой с вечера, а поутру проснется молодухой".

Тут красавица за ум хватилася, стала вокруг князя увиватися, наварила ему всего и нажарила и братины с сытой и зеленым вином на стол поставила, после обеда баню истопила, камни на каменке там докрасна накалила и сама князя мыла и парила цыцарским мылом, смыла всю дорожну пыль. И добре веселая из бани в палаты пришла, и точно молодича с князем речи повела, на како время ему сделать зыбку приказывала, не с привыку от бани истому свою сказывала. А после турья рога зелена вина созналася, что без истомы нельзя молодкой быть, а пьяная баба вся чужая.

Скоро князь увидел, что от бабы баласами неотделаешься: не отпустит она его от себя в чисто поле гулять, придется, зная, с нею век вековать, как с подушкой. Стал князь думати думу. Придумать надо, как бабу обмануть: "И тягу сдам от нее, силой теперь с ней не совладать: баба матерая, сбесится, теперь же она на снос пошла, надо покуль с ней поласковой быть, пенять не на кого - сам виноват, сам хотел конец земли узнать".

На взносе бабы здесь ходят не по-нашему: не сорок недель, а сорок лун. Породила она его Святогорушкой, году Святогорушке не исполнилось - стал ратиться ростом в сажень мерную, голова стала быть с пивной котел, промеж глаз ляжет калена стрела пяти четвертей. Не по-нашему его мать поила: по целому котлу вливала ему в златокованный рог; для того паслись пол-третья сорока дойных коров.

На десятом году стал Святогорушко силу свою мерити. Берет он в руки бел-горюч камень с копну сена обыденного и бросает его вверх выше облака ходячего. Мало время произойдучи, берет он в руки гору кремнистую, о которую облака разбивалися, и бросает ее в киян-море. Там горе той и век вековать.

Прошло с тех пор много времени, как князь Светид узнал, где конец земли. Стал он опять думу думати, как бы ему узнать глубину киян-моря. Стал об этом говорить своей молодой жене так: "О, гой еси, ты моя лада милая! Узнал я теперь, где конец земли. Как бы узнать мне глубину киян-моря?" А та ему в ответ говорит: "Хотел это узнать Искендер, македонской царь, да морского дна не видал. Таких нахалов отец мой не жалует. Помню, я еще ребенком была, когда это было".

Неотступные просьбы князя Светида склонили, наконец, молодую княгиню дать ему волю и путь показать, где самая глубина киян-моря. Хрустальный пузырь Искендера-царя хранился в подвалах палат белокаменных, который и нашла она, посадила в него супруга милого, покрыла пузырь крышкой плотно-наплотно, чтобы не прошла в пузырь вода киян-моря, привязала к пузырю бесконечну вервь и отнесла его на киян-море. Три дня и три ночи она спускала его в киян-море. На четвертый день была весть подана, чтобы скорее назад его вытащить. Скоро-то княгиня назад его из киян-моря вытащила. От испугу он едва жив из пузыря вышел, не вышел, а вынула его молодая жена и отнесла его в палаты белокаменные, и там стала его спрашивать, дошел ли он до дна киян-моря и что видел на дне. От страху у него два дня языку не было. А на третий день он стал рассказывать: "Спускала ты меня, ладо, в киян-море добре хорошо, видел я там дива дивные, видел я чуда чудные, всяких рыб и морских зверей, видел я тех трех китов, на которых земля стоит, мерой те киты полтретья ста верст, пошевелиятя они - вся земля ходуном идет, города на земле, как воробьи запрыгают. Вдруг почувял я, что в киян-море я более не спускаюся. Смотрю - ан пузырь мой держит в клешнях своих рак, Чудо Морское, у которого каждая клешня величиной по две версты мерных. Проговорил тут рак зычным голосом: "Кабы ты не зять был киян-морю, сдал бы я тебя в клешнях моих тоньше блина овсяного! Ступай назад к молодой жене, рано еще зная вам, народу Руси Святой, глубину киян-моря! Не послушаешься теперь - живу не быть, не печаль молодую жену, не делай сирым чада милого, млада детища Святогора, богатыря белорусского!" С тем я и назад пошел, закаялся зная глубину киян-моря.

Тут стала молода жена журить-бранить своего лада милого, что пускался он на верну смерть, не пожалел он оставить вдовой молодую жену и сиротой сына своего.

Прошло с тех пор время немалое, как князь Светид спускался в киян-море, стал он

опять такую думу думать, как бы ему узнать высоту поднебесную, высоко ли от земли стоит солнце красное и высоко ли светел месяц с частыми звездами. Стал он опять говорить своей ладе, молодой жене, так: "Гой еси ты, моя лада милая, узнал я, где конец земли, узнал я глубину киян-моря, теперь с ума нейдет узнать высоту поднебесную, высоко ли поставлено солнце красное или высоко ли светел месяц с частыми звездами. Знаю я, что без тебя мне начала нет".

Тут лада его стала уговаривать: "Не за дело ты, мой лада, принимаешься, не по летам ты теперь ребятишься! Чего ты в уме-разуме набираешься? Тебе ли узнать высоту поднебесную? Много было на это охотников, все они потеряли свои буйны головы, всех Красно Солнышко в уголь сожгло!"

Такие и подобные им разговоры молодой княгини охоты у князя Светида не убавили; о чем он думал день и ночь - стал неотступно просить свою ладую милую, чтобы ему не перечила. Она, снисходя неотступным его просьбам, соглашалась с его желанием. Стала его в новую путь-дорогу снаряжать, велела сыну своему Святогорушку, которому наступила семнадцатая весна, наловить полтретья ста гусей и лебедей - залетных птиц, другие полтретья ста сизых орлов - птицы заоблачной. Тот скоро исполнил заказ матери, наловил гусей и лебедей на тихих заводях киян-моря. А на высоких Ефиопских горах наловил сизых орлов - птиц заоблачных. И принес их всех зараз к своей матушке и дал каждое стадо особо.

Когда все было готово, тогда княгиня сделала две колесницы бесколесные с сиденьем из дорогого рыба зуба. К первой колеснице привязала гусей и лебедей и поставила в нее три чана мерных по сороку ведр, и насыпала в них полным-полно гороху моченого: то пища в пути гусям и лебедям. В другую колесницу привязала сизых орлов и поставила три чана мерных по сороку ведр с солониной волов украинских: то пища орлам сизым. Тут стала она ладе своему наказывать: "Садись, мой лада милый, в колесницу первую, они донесут тебя до облаков ходячих, [дальше им пути нет: до тех облаков им корм в колеснице стоит. Не жалея его, досыта корми. А там пересядь в колесницу с сизыми орлами. Они пронесут тебя по всей поднебесной высоте до самого неба синего, дальше им пути нет. Корм им в их колеснице стоит, не жалея его, корми их досыта, на них обратно и возвратись ко мне".

Садился князь Светид в колесницу гусей и лебедей. А с орлами колесница сзади пошла. Скоро долетел он до ходячих облаков, до тех мест, где ходят тучи громовые, далее этого пути им не было. Сели они на туче громовой себе роздых взять, а князь пересел на колесницу сизых орлов. Они полетели с ним в высоту поднебесную, по пути к Красну Солнышку. Летел он туда три дня и три ночи. На четвертый меженной день он уж был на полпути, вдруг начал тмиться солнца свет, мрачней и мрачней, и стало быть темно пополудни, как в осеннюю ночь.

"Что за чудо, - тут князь думает, - отчего померк свет Красна Солнышка, тучи громовые далеко снизу идут". Стал он тут вверх призматривать, не туча ли над тучей идет. И видит, что не туча громовая то была, а летела прямо на него от Красна Солнышка Рок, птица вековечная. Она пурпурно-златовидными перьями вся была изукрашена. Эта птица всем птицам отец, она же и Стрфокамил называется. Каждое крыло у ней полторы версты мерные. Умеет та птица по-человечески говорить. Стала она с князем такую речь вести: "Стой, не лети больше вверх, ниже тебя взлетел Искендер, македонский царь, рано захотел узнать ты высоту поднебесную, не тебе со мной силой мериться. Хошь, подниму когтями твой Великий Ростов, хошь, тебя я клювом проглочу? Хошь, за один прием выпью все твоё Ростовское озеро? В когти взять тебя не стоит труда, для пищи ты мне - что пшеничное зернышко, ступай скорей в обратный путь да на Матери-Сырой земле ты не хвастайся, что пролетел всю высоту поднебесную до самого Красна Солнышка!"

С тем князь Светид и назад пошел к своей ладе милой. А порожни чаны из колесницы все выкидывал. Они у него в разные места попадали: первый чан упал на горы Ефиопские, второй чан упал на широкую степь Ливийскую, третий чан упал на каменистую Аравию,

четвертый чан упал на землю Гессемскую, пятый чан упал в Евксинский понт, а шестой - на грозную тучу громовую, которая шла на Святую Русь, где он с громом упал на землю Белорусскую, на берег Ухтомы, живет там народ базилики Ахейские.

Недолго после этого князь Светид со своей ладой жил. Стал он скучать о святой Белорусской земле, пища и сон ему на ум нейдут. Стал он проситься у своей лады, княгини молодой, побывать ему на Святой Руси, перевидеться со своим родом-племенем, показать им свое чадо милое, Святогорушка-богатыря, росту с двумя локтями три сажени мерные. А лада его ему в ответ говорит: "Здесь будешь ты жить со мной в веки вечные, на Русь пойдешь - свой век коротать. Оставишь ты меня молодой вдовой век вековать. А вдовья жизнь не добре красна".

В те поры князь Светид своей лады послушался, не верил он тогда ни в сон, ни в чох, стал он в путь-дорогу снаряжаться, берет он с собой чадо милое, Святогора-богатыря, показать его всем на Святой Руси, какие есть люди, которые живут по конец земли.

Приехал князь Светид на Святую Русь, а сын его Святогорушко пешый шел. Там родители Светида преставились, вся дружина его храбрая состарилась, и много ее преставилось, полегли они костью в чужой земле. Дрогнуло тут сердце князь Светида, обуяла его кручина рьяная, отчего он едва не преставился.

Богатырь Святогор, сын князя Светида, получил себе в наследие терем своего родителя, стоящий в дремучем лесу на берегу реки Улеймы. Святогор был сильный и храбрый богатырь земли Русской, наполнил своими подвигами всю землю Русскую до моря Синего.

Князь Ладом-Святополк-Святослав, княжна Лида и новгородский князь Буривой От Рождества Христова 800 лето

По смерти супруги князя Аппония княгини Атенaiды остались на его руках три сына: Катулус, Ладон и Олег, и дочь по имени Людмила, виновница преждевременной смерти матери своей. Младенец этот был у князя Аппония тайно похищен бесследно. Это ускорило смерть его.

Родная сестра князей народа кривичей Тукая и Усола по имени Будислава, княгиня Великого Новгорода, по смерти супруга своего правила этим городом и всей его областью, имея довольно многочисленное и малолетнее семейство.

В одно время княгиня Будислава озадачена была братом своим князем Усолом, который принес ей младенца женского пола, сказав, что он нашел ее на поле битвы, между трупами, горько плачущую на груди своей матери. Князь Усол просил сестру свою взять эту малютку и воспитать среди своих детей.

Княгиня Будислава, имея свое многочисленное семейство, отказалась и посоветовала ему отдать ребенка бездетному и богатому вельможе и князю Онеге. Князь Усол, по совету сестры своей, отдал этого младенца князю Онеге, который с великою охотою взял ее вместо дочери и назвал Лидою. Полюбил он ее вскоре как родную дочь.

Прошло с тех пор немало времени. Лида вполне оправдывала попечения о ней и с каждым днем становилась для князя Онеги все ближе и все дороже. Красота душевная и телесная княжны Лиды была у всех на устах. Все добрые качества ума и сердца соединились в ней. Красота лица ее, доблести душевные и телесные пленили старшего сына княгини Будиславы, и по общему согласию рука ее была отдана ему. Брак же их был отложен до возвращения Буривой от варяг, живущих на берегу моря Невы, куда ушла с ним вместе и ростовская рать. Войском же командовал тогда молодой ростовский князь Святослав-Ладон.

Дружба двух князей - новгородского Буривой, старшего сына княгини Будиславы, и ростовского Святослава была примером для всех, доколе не встала между ними княжна Лида. А произошло это так. После возвращения князей Буривой и Святослава из похода с берегов Варяжского моря после блистательных побед над немирными варягами, новгородцами было устроено в их честь великолепное почетное пиршество. А ему предшествовали народные игры: борьба, бег и метание копий. Князь Буривой из-за друга своего князя Святослава отказался участвовать в этих играх, предоставив право получить награду за победу над другими из рук первой красавицы Великого Новгорода. Князь Буривой мог бы быть среди первых витязей в этих играх, но из-за князя Святослава по обычаю гостеприимства занялся приготовлением пиршества. Игры начались торжественно при громе труб. Князь Святослав во всех состязаниях остался победителем как в борьбе, так и в беге и в метании копий. Соперником ему был гигант ростом, но не силой и искусством, молодой князь кривичей, по имени Вала. По обычаю того времени победителя должна была увенчать венком, из дубовых веточек сплетенным, юная красавица. Выбор этот пал на княжну Лиду, дочь князя Онеги.

Еще во время игр красота ее пленила сердце князя Святослава. Он не спускал с нее восхищенных глаз. А когда пришло время получать ему награду, и пленившая его сердце красавица должна была увенчать его венком победным, тогда лицо его покрылось живым румянцем, и он с потупленным взором пошел к ней за наградой.

Лицо царицы красоты, в свою очередь, тоже покрылось прелестным румянцем и дрожащими от робости руками она возложила венок на голову победителя, и по народному обычаю поздравила его с победой.

Роскошный почетный пир завершил это торжество, на котором князь Святослав узнал, кто была эта царица красоты, а также тут узнал, что она была невестой его друга князя Буривой. Сердце затрепетало у него в груди, когда он узнал всю правду. "Прощай,

братская любовь и дружба! Своя рубашка к телу ближе", - так подумал на пиру князь Святослав, и с этого времени стал придумывать, как бы ему достать себе княжну Лиду в жены. Эта неотвязчивая дума стала для него смыслом жизни. Она не выходила никогда у него из головы - ни днем, ни ночью, и, наконец, ему удалось ее осуществить.

Во время одной темной ночи исполнил он свой замысел: с помощью золота увез из девичьего терема княжну Лиду, и тайными окольными путями с верным своим оруженосцем отправил ее в пределы Ростовские, в удел друга своего князя Мечелюба-Вески, находящийся на берегах реки Мочвы. А сам во избежание подозрения остался утешать в скорби друга своего. Пропажа княжны Лиды наделала много шуму как в домах княгини Будиславы и князя Онеги, так и во всем Великом Новгороде; всего более печалились друзья и товарищи, в особенности князь Святослав, соблезновавший и утешавший друга как только мог. Все поиски княжны Лиды оставались безуспешными. Спустя немалое время нарочный скоротеча известил князя Святослава о том, что князь Муромы идет войною на Ростовскую область. Плача горючими слезами, князь Святослав расстался со своим другом князем Буривоем.

После отъезда князя Святослава вскоре в одно утро перед княжим домом остановился воин, вооруженный с головы до ног, со спущенной решеткою своего шелома. Он требовал немедленного свидания с князем Буривоем. Его сразу же провели к нему.

Незнакомый витязь, придя в чертог князя Буривова, не поднимая решетки своего шелома, окинул взором покои и удостоверился, что он с князем остался один на один. "Князь, - сказал он - я сведом о том, где находится теперь княжна Лида. Знаю я и то, кто ее похититель".

Князь Буривова сперва удивился, а затем обрадовался такой вести незнакомца и спросил у него, кто он. Но тот промолчал, а только повторил сказанное и, продолжая говорить, отвечал:

"Тебе, князь, я думаю, нужно более не дедина и отчина моя, а правая весть о княгине Лиде. К чему тут сомнения? Вот если бы я требовал от тебя за это какой-нибудь награды, вот тогда это дело было бы другое. А я так хочу сказать тебе именно о том, о чем ты так желаешь знать".

Князь Буривова не стал более спрашивать незнакомца о его дедине-отчине, а спросил только о том, где сейчас находится княжна Лида и кто ее похититель.

На это рыцарь отвечал ему твердо: "Княжна Лида находится в Ростовской области, а похититель ее - твой друг князь Святослав!"

При упоминании имени князя Святослава Буривова задумался немного, потом пришел в великое негодование, слушая такую клевету на друга своего, и подумал, что этот незнакомец или сам враг другу его, или прислан кем-либо, чтобы рассорить его с ним. С презрением он сказал ему: "Такому таинственному вестнику, полному зависти и злобы на друга моего, и говорить более не следует. Если бы это случилось не у меня в доме, а на поле брани, то эта клевета была бы последняя в твоей жизни. Удались немедленно с глаз моих прочь, если хочешь быть еще цел! В противном случае я за себя не ручаюсь!"

"Не спеши, князь, так гневаться на правду, отвечал ему незнакомец. - Удалиться мне с глаз твоих у меня и в мыслях нет. До тех пор, доколе ты с княжной Лидой не придешь в Великий Новгород - понял! Тогда меня никто не удержит. Я сам удалюсь от тебя. А до тех пор я - пленник твой, если мало тебе слова честного витязя. А что касается до решетки моего шелома, то знай и об этом: я подниму ее пред тобою только тогда, когда понадобится остановить тебя от безвинного убийства брата супруги твоей. Будет время, я напому тебе эти слова мои, будучи с поднятой решеткой шелома, и сделаю это тогда, когда ты будешь христианином".

"Жалко, что я не буду вечно иметь чести видеть лица твоего без решетки", - со злобной усмешкой сказал ему Буривова. "Не издевайся так над правдой, князь! - отвечал ему кротко незнакомец. - Сперва узнай, справедливо ли я сказал о княжне Лиде. А после будет речь и о христианстве".

По совету того же незнакомца князь Буриной с одним своим оруженосцем в смурых кафтанах во время ночи тайно отправились в Великий Ростов, куда прибыли они благополучно. И там, хоть и не скоро, но нашли удел князя Мечелюба-Вески. Придя туда, Буриной стал разведывать о княжне Лиде и действительно узнал, что у князя Вески содержится какая-то пленница под неусыпным надзором княгини Мечелюбихи.

Справедливый гнев князя Буриной запылал на ложного друга своего. Теперь он то хотел обличить Святослава в похищении княжны и в лицемерии и притворстве, но в чужой земле боялся лишиться ее безвозвратно, то вдруг он хотел уйти обратно в Новгород и собрать там наскоро дружины новгородские и с ними прийти на выручку княжны Лиды и освободить ее силою из рук похитителя. Но все ему это не нравно было. На все надо было немалое время, да притом и жребий войны был безвестен. Наконец он придумал гораздо более верное средство: нельзя ли ему под именем гусяра проникнуть в дом князя Мечелюба? И если это осуществится, то там будет удобнее известить о приходе своем княжну Лиду. Потом по общему с ней совету придумать, как удалиться из дома князя Мечелюба.

Задумано - сделано. Для нового ремесла князь Буриной с одеждою гусяра достал и все принадлежности его и таким образом превратился в сельского Бояна и притом великого знахаря, с длинною седою бородою. Раскрасил он лицо свое красками, приличными старику, а местами - сажею котельною и под видом настоящего старого Бояна пришел в удел князя Мечелюба к его терему. Гусли старика и гаданье о будущем скоро собрали вокруг него молодых слушательниц и немалую толпу народа. Все любопытные слушательницы удивлялись такому знахарю и гусяру и превозносили его до небес.

Старший сторож караула княжны Людмиллы-Лиды зазвал его в свою сторожку, где гусяр натешил всех досыта своею игрою на гусях. Там один из караульных ратников сказал своим товарищам: "Нам, братцы, здесь весело. А каково-то теперь пташке сидеть в клетке? Я думаю, что она охотно бы послушала игры гусяра, а может и быть, захотела бы узнать от него о своем будущем житье-бытье. Не сказать ли об этом Мечелюбихе?"

Все одобрили мысль его и доложили княгине о старике-гусяре и знахаре. Гусяра немедленно княгиня Мечелюбиха велела к себе привести. Седой и с виду дряхлый старик, с огненными сверкающими очами, согнувшийся в дугу под тяжестью лет и гуслей, он едва взошел в терем по высокой лестнице. Мечелюбиха внимательно его осмотрела с головы до ног и спросила его, отколе он. Тот отвечал ей, что он безродный сирота, не видал ни отца своего, ни матери, и живет как всегда где день, где ночь; ходя по Цыцарской земле, научился на гусях играть. А живши у финнов, научился науке по рукам гадать. За последнее слово княгиня Мечелюбиха ухватилась и поговорила с княжной Лидой о гусяре-кудеснике. Та ни в чем Мечелюбихе не перечила. Мечелюбиха велела старику потешить княжну игрою на гусях.

Тут гусяр под старой своей оболочкой едва не изменил себе: хотел княжну, невесту свою, в объятия заключить, забывши гусярство свое. Но скоро образумился, стал на гусях поигрывать и старческим голосом припевать новгородскую песню "Близко города Словенска, на верху крутой горы, знаменитый жил боярин, по прозванью Буриной!"

Удивление великое обуяло княжну Лиду, когда она услышала любимую песню новгородцев и вставленное в текст песни имя своего жениха. И подумала она, что это неспроста. Лида даже немного повеселела, велела гусяру повторить эту песню. Но тут Мечелюбиха сказала: "Мне жалко гусяра, ты замучаешь старика: заставляешь его петь все одно и то же. Не лучше ли будет тебе погадать? Говорят, он хорошо сказывает, что будет впредь".

Молчаливое согласие княжны было ей ответом. Кроме княжны Лиды, все санные девки стали показывать старику свои ладони и получали каждая от него удовлетворительные для себя ответы: которая, когда и за какого вида молодца выйдет замуж. "Теперь вот о чем гадай, - сказала ему Мечелюбиха. - Скоро ли перестанет плакать вот эта моя красавица?" Тут указала она на княжну Лиду. "Перестанет скоро, если мне, старику, прикажешь ей без свидетелей один на один на руку взглянуть", - отвечал ей гусяр. "А скоро ли это

сделается?" - спросила его Мечелюбиха. "Ныне же, как только я погляжу, - отвечал ей гусяр. - Я вижу, в ней есть немалая порча". - "Не хвастаешь ли ты, старик? - сказала ему Мечелюбиха. "Есть чем хвастать, - отвечал ей гусяр. - Мудрено только войти куда-нибудь наедине с ней, а потом опять выйти с ней уже веселой". - "Не хвастай так, старик! - сказала княгиня. - Так не сделает и сам верховный жрец!"

"То жрец, а то я, - отвечал ей гусяр. - До слова я господин слову. А сказавши его — тогда оно господин мне. Но я смеяться над собой никому не позволю. Да за что нас и хлебом кормить и за труды дарить?" - "Хорошо, старик, посмотрим твоей удали", - сказала ему княгиня. - Вот перед тобой ее опочивальня. Поди туда с ней и погадай у ней по руке, покажи нам свою удали. Если обманешь меня, цел отсюда не выйдешь: меделянскими кобелями затравлю!"

"Не бойсь, милостивая княгиня", - отвечал ей гусяр. - У меня в Цыцарской земле не только горюны смеялись и переставали плакать, но и мертвые подмигивали".

С великим отвращением пошла княжна Лида в свою опочивальню со стариком-гусяром. Последний только вошел в опочивальню, как затворил за собой дверь и вдруг своим

природным и знакомым ей голосом сказал: "Княжна Лида, не испугайся и не выдай меня! Я - Буриной, пришел выручить тебя из неволи. Будь весела и слушай, что я буду говорить Мечелюбихе. Теперь буду подпрыгивать и кощунничать". Тут он отворил двери и зачал прыгать и петь песню "Близко города Словенска". Громкий и непритворный смех княжны Лиды был ему ответом, которая более не могла смотреть без смеха на то, как ее суженый притворяется смешным стариком.

Удивлению княгини Мечелюбихи и сенных девок не было конца. Всеобщий смех был ответом

на нескончаемые шутки старика-гусяра. От души смеялась и Лида, когда старик-гусяр сказал ей, что хочет от себя заслат к ней сватов. Такой жених и мертвую свою невесту заставит подмигивать!

Когда всеобщий смех поутих, Мечелюбиха стала благодарить гусяра за то, что он сделал веселой и развязною княжну Лиду. Старик отвечал ей так: "Милостивая княгиня! Слову своему я господин, половину главную порчи княжны я уже вылечил, осталась малая толика: эту тебе уж самой нужно вылечить. Это не хитро. Завтра ровно в полдень приди вместе с княжной Лидой на холм, что в Добрынинском лесу. Там сорви ни больше, ни меньше, как три листа мать-мачехи, посуши в печи и истолки мелко, насыпи на хлеб и отдай собаке. А княжну в это время напои водой с трех ключей: вся порча минет, княжна будет здорова. На третий день я пришлю к ней сватов".

Громкий веселый смех княжны Лиды, а с ней и всех сенных девок заглушил дальнейшие слова гусяра. Этого всеобщего смеха гусяр будто и застыдился и ушел больше потому, что якобы для веселой песни надо лучше настроить гусли. Да настраивая гусли, перервал все струны. На это княжна Лида огневалась, велела гусяра прогнать с глаз долой. Об этом и Мечелюбиха пожалела, что так княжна огневалась на гусяра, сердито вон его выгнала.

После ухода гусяра княжна Лида сказала Мечелюбихе, что она хочет надеть на себя те наряды, которые прислал ей князь Святослав, и завтра пойти в них на Добрынинский холм. Княгиня весьма рада была, что княжна сама пожелала то, что прежде с презрением отвергала.

Настал, наконец, ожидаемый княжной Лидой с нетерпением тот день. Утром рано отправились они туда, чтобы к полдню быть на урочном месте, куда они поспели в свое время. Там Мечелюбиха сорвала три листа травы мать-мачехи и села с княжной отдохнуть от пути своего. Вдруг откуль ни возмись два воина, вооруженные с головы до ног: один - красивый и дородный, а другой - немного постарше. Воины быстро подбежали к ним. Княжна, увидя их, ахнула и лишилась чувств. Воины связали Мечелюбихе руки и ноги, положили ее тут же на холме, наказав ей: если хочет быть живой - пусть лежит и молчит

до заката солнца, доколе они побудут с княжной Лидой в лесу. Потом воины взяли мнимо бесчувственную княжну и унесли ее в лес. Там веселая княжна села на приготовленного ей коня. Неудержимой стрелой быстро поскакали три всадника по пути к Новгороду.

Солнце стало клониться к западу, а княгиня стала кричать, прося себе помощи. Косари, шедшие с покосу домой, пришли на ее голос и развязали ее. На вопрос княгини Мечелюбихи, не видели ли они двух витязей и женщину, те отвечали, что видели молодого и красивого витязя, а с ним рядом юную красавицу, которые ехали на бурных конях, разговаривая весело и смеясь на что-то. А третий, вероятно оруженосец, ехал позади них. Рассказали они даже о том, какие на витязе доспехи и какая на красавице одежда.

С приходом Мечелюбихи в терем поднялась великая тревога, поскакали скоротечи с вестью ко князю Святославу. Многих гонцов разослали искать старика-гусяря, считая его шпионом. Так и не нашли его, а нашли только его гусли с оборванными струнами, накладные седую бороду и седые волосы и всю его одежду. Так узнали, что гусляр был не старик, а молодой и, быть может, замеченный косарями витязь.

Получив такое известие, князь Святослав немедленно прибыл в терем князя Мечелюба, где узнал в подробностях о старике-гусяре и о неизвестном похитителе княжны Лиды. Из всего слышанного он заключил, что гусляр и витязь были одним и тем же лицом, но кто именно это был, ни на кого не мог подумать, а князя Буривого и вовсе не имел в виду. В это самое время в конец расстроенному князю Святославу сообщили, что приехал к нему какой-то незнакомый витязь, вооруженный с головы до ног, с опущенною решеткой шелома своего. В мыле был его богатырский конь, что свидетельствовало о быстрой езде его. Витязь требовал немедленного свидания с князем Святославом.

Войдя в терем князя Святослава, незнакомый витязь сказал ему так: "Я принес тебе весть о княжне Лиде, которую ты ищешь. Видел я ее быстро скачущую на добром коне вместе с князем Буривоим и оруженосцем его уже близ Великого Новгорода, видел их и отдыхающими на Славяновом кургане". И рассказал даже о доспехах одного и об одежде другой. "Теперь они, должно быть, давно приехали в Великий Новгород".

От такой вести гнев князя Святослава еще более усилился. Он поклялся, что жестоко отомстит похитителю княжны Лиды и ей самой, считая, что имеет больше прав на Лиду, нежели князь Буривоим. На последнее будто бы намекнул и сам незнакомец: "Я дал себе клятву, - сказал он, - не поднимать решетку своего шелома до тех пор, доколе не приведу в твои объятия княжну Лиду, и исполню свою клятву".

По совету незнакомого витязя князь Святослав собрал многочисленное воинство как свое, так и многих соседних князей, недовольных Новгородом, и пошел к Новгороду сводить счеты с князем Буривоим. Однако поход этот не удался. Князь Святослав позвали назад, так как князь народа мери, обитающего на низовьях Волги и по реке Мере, с великою ратью пришел в Ростовскую область и стал ее разорять. Князь Святослав возвратился вспять, пошел войной против князя Славомира, разбил его наголову и самого взял в плен и заключил его в темницу.

Вскоре после этой блистательной победы приходит к нему незнакомка с лицом, закрытым непроницаемым покрывалом. Князь Святослав был поражен роскошным станом ее, стройным и высоким, а также ее походкой. Она близко подошла к князю и стала его просить, чтобы он освободил от оков князя Славомира и заключил с ним мир. Князь Святослав тут же сообщил ей об условиях мира, на что незнакомка робким и дрожащим голосом отвечала ему: "Я - беззащитная женщина и не могу произвольно располагать землею, принадлежащей князю Славомиру. Если я сделаю что-нибудь такое, что ему не понравится, то он останется мною недоволен и я заслужу его порицание, а это паразит меня жестокою скорбию".

Чудный голос и прекрасное телосложение девушки весьма пленили князя, и он согласился заключить перемирие, но с условием, чтобы она сняла с себя прежде всего это несносное покрывало. Незнакомка этому воспротивилась, а князь настаивал на своем. Спорам не видно было конца. Наконец волей-неволей необходимость заставила

просительницу уступить воле победителя, и она подняла девственное свое покрывало. Красота ее так сильно поразила князя Святослава, что он забыл, о чем шла речь у них между собою, и вместе с тем забыл он и княжну Лиду да и всех красавиц на свете. Придя в себя и узнав, что она княжна и дочь князя Славомира, он стал просить руки девушки. "Можно ли говорить об этом, - отвечала ему красавица, - когда родитель мой томится в это время в оковах?" - "Рука твоя теперь же может разорвать оковы князя Славомира", - отвечал ей князь Святослав.

Разногласий между ними больше не было. Скоро князь Святослав получил себе руку юной и прекрасной княжны Мирвоны - так звали дочь князя Славомира, которая сама пошла в сопровождении князя Святослава в темницу и освободила немедленно от оков своего родителя. С торжеством вывела она из темницы своего отца, который тут же дал согласие на брак своей дочери.

Прошло немало времени с тех пор, как князь Святослав получил себе в супруги княжну Мирвону. С ней в пределы Ростова Великого переселилось много ее родных и близких с берегов реки Мери. Многие осели на местах предков своих с родом своим.

Однажды пришел из Тавриды знаменитый гражданин Ростова Михей Русин и принес князю Святославу такую весть, которую как тайну сообщил ему умирающий князь кривичей Усол, говоря, что он похитил младенцем дочь князя Аппония и Атенаиды и отдал ее новгородскому князю Онеге. Напоследок для удостоверения в этой истине он передал вместе с ней золотое изваяние на золотой цепи. От этой вести волосы у князя Святослава встали дыбом, а сердце облилось кровью. Он долго был безгласен. Князь хорошо знал историю дочери князя Онеги и видел на груди княжны Лиды золотую цепь с каким-то изваянием. Вспомнил он и слова княжны Лиды:

"С этим знаком я, рано или поздно, найду своих родителей". Тут он вспомнил и все прошлое свое, и ужаснулся: что бы с ним стало, если бы он стал супругом сестры своей? К счастью, этого не случилось.

Узнав теперь, что княжна Лида - сестра его Людмила, князь Святослав немедленно собрался в путь с малою свитою своею к князю Буривою с повинною и для свидания со своею сестрою. Дошло до него только что и приглашение от князя Буривого на брачное торжество. Скоротечу, привезшего это приглашение, князь ранее заключил в темницу, а теперь освободил и наградил его.

На пути своем в Новгород князь Святослав случайно встретился с учителем христианства Мефодием, от которого он узнал, что незадолго перед этим им был крещен в пределах Чешских новгородский князь Буривой. При крещении были даны новые имена: князю - Ростислав, а княгине - Людмила: именно это имя было написано на не большой золотой гривне - "дочь князя Аппония и Атенаиды Людмила". Эту гривну она и досюль с младенчества носит на своей шее.

Князь Святослав весьма удивился, когда узнал, что учитель христианства крестил сестру его и зятя. И не будучи расположен к христианству, князь промолчал. Напротив, Мефодий вступил с князем Святославом в пространную беседу об истинной христианской вере, но князь, защищая свою языческую веру, держался обычая отцов своих, крепко стоял против учителя христианства, сказывая ему то, что он слышал от жрецов своих о богопротивных делах христиан, о кровавой вере их, основанной якобы на пролитии крови, которую они затем смывали водой.

Мефодий с кротостью учителя рассказывал ему, как по книге, всю прошлую его жизнь, раскрыл все тайные, сокровенные дела его и помыслы, добрые и злые, где и когда они были. От Мефодия же раньше приходил к нему скоротеча в Ростов с вестью о похитителе княжны Лиды. Страх и трепет обуяли князя от слов учителя христианства. Увидев это, Мефодий сказал ему: "Крестись здесь, сын мой, в христианскую веру в пределах земли твоей, добро тебе будет от этого. Гораздо хуже будет тебе в чужой земле и притом в темнице сделаться христианином". Но князь остался непреклонен, с тем они и расстались.

Не успел князь Святослав дойти до Славянова кургана, находящегося на берегу реки Меты, как был пленен дружинами князя Буривого, которые вышли ему навстречу с целью наказать его за прошлое вероломство. Весть о плене его весьма обрадовала князя Буривого и супругу его княгиню Людмиллу, но только радостные чувства были различными. Один радовался тому, что ложный друг, наконец-то, попался так легко в его руки. Другая радовалась тайно тому, что вскоре увидит брата своего. Об этом до удобного времени она не находила нужным сказать супругу своему. Князь Буриовой приказал пленника своего заключить в оковы и ввергнуть в темницу, объявив, что исхода ему из темницы как язычнику не будет, разве только если он сделается христианином. Тут вспомнил князь Святослав слова учителя Мефодия. И он попросил свидания с князем Буривым или с его супругой, но ему в этом было отказано: свидание может состояться, если он примет крещение.

После такого ответа князь Святослав пожелал быть христианином. К нему в темницу был послан священник, а также восприемник от купели. Последний был тот самый воин, который сказал ему о своей решетке, что он поднимет ее только тогда, когда приведет его в объятия княжны Лиды. При крещении ему было дано имя Ярополка. Восприемник его и теперь не поднял решетки шелома своего.

Княгиня Людмила предупредила супруга своего о свидании с новокрещеным братом своим. Только он вышел из дверей темничных, как она бросилась в распростертые объятия брата. Тут только слышны были возгласы их: "Брат!" - "Сестра!". Тут восприемник князя Святослава поднял решетку своего шелома и сказал: "Теперь смотри мне в лицо. Я сказал тебе правду: княжна Лида находится в твоих объятиях!", и потом опустил решетку шелома своего.

Князь Буриовой не знал, что князь Святослав - брат супруге его, шурин. Он увидел издали, что они бросились в объятия друг друга и не расходятся. Ему представилось, что их старая любовь повторяется. Ревность закипела в нем. Он с великой яростью, обнажив меч, спешно бросается на них, желая наказать неверную супругу и ложного друга своего. Но тут на пути оказался восприемник Святослава, он перехватил поднятую с мечом руку князя Буривого и так сказал ему: "Стой, князь! Вспомни слова мои, которые я раньше говорил тебе: я подниму решетку шелома моего пред тобою тогда, когда надо будет избавить тебя от безвинного убийства брата супруги твоей! Это время пришло. Теперь я поднимаю решетку шлема своего. Пред тобой находятся в объятиях брат и сестра единоутробные!"

Восприемник Святославов оказался бывшим духовником его, который крестил его при учителе христианства Мефодии в Чешской земле.

Князь Катулус Мудрый От Рождества Христова 820 лето

Князь Катулус, сын князя Аппония, по смерти отца своего наследовал престол его и по молодости братьев своих Ладона и Олега управлял всем княжеством. Он известен был как славяно-русский князь, водил свои победоносные дружины далеко за пределы своего княжества. Слава военных подвигов его гремела далеко за рекою Дунаем и Босфором Фракийским. Соперник в славе его в то время был король франков Карл Великий, который в одно время в непроходимых горах Карпатских напал неожиданно на князя Катулуса с победоносными своими легионами и жестоко поразил его. В этом сражении Карл Великий взял в пленую супругу князя Катулуса княгиню Софарису, которая, оставив своих троих малолетних сыновей, билась с неприятелем плечо о плечо со своим супругом. За военные ее подвиги и красоту лица ее и дородство Карл Великий содержал ее в плену приличным образом.

Княгиня Софариса имела воинственный предприимчивый дух. За это князь Катулус горячо полюбил ее. Ведь она из любви к супругу своему никогда не была при обозе, как другие женщины, но всегда в дружинах супруга своего, и не редко сама водила дружины его к победам, а в битвах почти всегда билась рядом с супругом своим.

После такого поражения князь Катулус возвратился в свое отечество без любимой супруги, а к малолетним своим детям - без матери. Не? мог склонить Карла Великого ни на какой выкуп супруги своей. Великая скорбь и туга объяли его, от которых он находил себе удовольствие только среди детей своих.

Победитель князя Катулуса Карл Великий после такой блистательной победы в непродолжительном времени пошел обозреть Святую землю - Иерусалим и его окрестности, которую подарил ему знаменитый в истории Востока арабский халиф Гарун Аль-Рашид.

Прежде отъезда своего в Святую землю Карл Великий позаботился о судьбе пленницы своей княгини Софарисы и вознамерился привести ее в христианскую веру. Потому поручил он объявить ей догматы христианской веры духовнику своему. А тот приложил старание свое не к обращению ее в христианскую веру, но, прельстясь красотой и молодостью ее, вознамерился прежде обольстить ее и иметь ее своей наложницей. Коварный духовник решил прибегнуть к различным истязаниям и мукам, чтобы достичь своей цели.

Но княгиня Софариса, хотя и была язычница, оказалась тверда как в вере отцов своих, так и в верности супругу своему, как скала гранитная среди моря обольщения и соблазнов, хорошо помня, что она - жена и мать.

Такое неповиновение язычницы разгневало королевского духовника, который стал приводить свои угрозы в исполнение: первоначально начал морить ее скудной пищею.

В это самое время пришел в столицу Карла Великого изгнанник, глава всего христианского мира папа римский Лев Третий. Это его за богопротивные поступки взбунтовавшиеся римляне во время одной торжественной процессии стащили с лошади и изгнали его вон из города Рима.

К изгнаннику-папе присоединен был и "благочестивый" учитель язычницы, который известил о трудах своих в обращении в христианство язычницы и закоренелой идолопоклонницы.

Для сильных и красноречивых религиозных увещаний папа Лев велел привести к себе ту, которую не могло поколебать неопровержимое красноречие духовника. Папа заставлял ее забыть верность супруги и достоинство матери. Но эта грубая язычница дерзнула укорить главу христианского мира за безнравственность и притом публично при многочисленном народном собрании. Хитрый папа скоро увидел, что красноречивыми словами не удастся покорить ему эту язычницу, не послушную ему овцу. Он принял другие меры к обращению ее, а именно: пошел путем королевского духовника, стал претить ей различными муками, но и это ни в чем не помогло ему, и такую закоренелую язычницу папа после различных истязаний осудил послать прямо в ад, т.е. сжечь на костре. Так в мучениях закончила

свою жизнь княгиня Софариса.

Могущество Карла Великого возвело еще раз на римский престол низверженного и обезображенного одноглазого папу Льва Третьего. Но король оскорбился, когда узнал о смерти княгини Софарисы. Он весьма уважал ее за ум, красоту и храбрость и свободно говорил теперь против папы везде о том, что не язычество было причиной смерти ее, но красота ее и супружеская верность.

За такое богохульство и расположение к язычнице главы Империи франков папа Лев дал благословение на умерщвление Карла Великого любыми средствами его духовнику, дабы очистить землю от такого богохульника. И это едва не случилось. Духовник едва не сбросил Карла Великого с одной высокой башни, за что Карл хотел самого того духовника низвергнуть, но духовника спасло только чистосердечное раскаяние.

Князь Катулус старался всеми силами узнать о судьбе своей супруги, и только мог уведать, что она была передана Карлом Великим духовнику его для обращения в христианскую веру, а от него была передана самому папе. А далее что с ней случилось, он не мог узнать, даже давая золото. Это привело его в великую печаль и породило отвращение к жизни, которую он берег только ради несовершеннолетних детей своих.

Хотя и не скоро, но время исцелило сердечную рану князя Катулуса. Дети его подросли, и он всецело занялся благом своих подданных. Он обнаружил новый закон на браки. Красавицу, какого бы она ни была состояния, должен был взять за себя красивый и богатый жених, заплатив за нее ее родителям, если они бедны, хорошую цену, и такую же часть отдать в общую казну, в приданое вено девицам, менее богатым и некрасивым, которые с хорошим приданным венном скоро находили и для себя женихов.

В Великом Новгороде князь Катулус часто говорил своим приближенным: "Хорошо там жить, где все подчинено закону и где закон сильнее людей". Один вельможа советовал князю основать такое правление народное, в котором бы последний гражданин имел столько же важности, как и самый знатный. "Попробуй, - сказал ему Катулус, - сперва заведи порядок такой в своем доме". Для общего народного совета он учредил такой закон: когда сойдется народ на место сборное, тогда глашатай возглашает: "Не желает ли кто говорить, кому более пятидесяти лет?"; такие люди идут на место, где им должно говорить людям правду, не боясь властителей. Ныне обычай этот забыт и о нем тысячи лет никто не вспоминает. От того и повывелась правда-истина в Русской земле. Погиб древний Киев, пала вольная Новгородская республика. Только Москва белокаменная гордо стоит в середине Русской земли на радость всем россиянам.

Не слишком еще возмужавший меньшой Катулусов брат Олег, который не по летам своим имел склонность к воинским подвигам и стремление повидать иные земли и иные народы, узнать нравы и обычаи их, научиться чему-либо полезному для себя, видел неисцелимую печаль старшего брата своего о супруге его, которого он почитал вместо отца своего. И отпросился у него побывать в соседних княжествах и иных странах. Князь Катулус из-за его малолетства долго этому противился. Но после убедительных просьб наконец согласился отпустить его.

Долго скитался князь Олег по иным странам, наконец направил путь свой в знаменитую страну Тавриду, в пресловутый город Корсунь. А оттоле кораблем пошел в Греческую землю. Там на пути своем, сойдя с корабля, в дремучем лесу наехал он на разбойников, грабивших тут караван проходящего купца.

Князь Олег, видя такой грабеж, встал на сторону купца и вступил в единоборство с атаманом разбойников, которого убил, и разогнал всю его шайку. Таким образом избавил он купца и его служителей от разбойников и развязал всех связанных людей.

Спасенный от гибели купец предложил князю Олегу щедрую награду за спасение своего богатства, но князь от награды отказался, а пожелал только узнать, кто он, отколе и куда едет. Купец сказал, что он родом из Великого Ростова, зовут его Русин: "Иду я из Цареграда к хазарам с торгом". Он живет подолгу в городе Корсуне, куда приносят дань хазарам с Ростовско-мерянской земли.

"Я был жителем города Ростова, званием купец, - начал свой рассказ Михей Русин, - а вел я меновую торговлю в Корсуне и в Греции местными своими товарами - мехами, кожами и медом. И там все выменял, а теперь с прибытком еду на Русь. И везу я с собой богатырские различные доспехи и оружие, как-то: различные калантары, мечи, шлемы, латы, кольчуги и - Другие ратные вещи. Здесь у меня есть и дорогие различные товары, как-то: камни самоцветные, жемчуга и бисеры дорогие, поставь и ткани шелковые.

При торговых своих делах исправляю я еще и мирские дела. Ведь со мной посылают дань, платимую Ростовскою областью хазарам по белке и веверице с дыма.

В настоящую путину мою случилось со мной дивное событие. В это самое время по просьбе хазарского кагана пришли из Цареграда присланные императором Михаилом Третьим два учителя христианства, два родных брата, - Кирилл и Мефодий, для прения в христианской вере с самарянами иудейскими. Они высадились на Крымском берегу и прибыли в город Корсунь, остановились тут на некоторое время. Оттоле пошли они в столицу кагана. Там они были приняты каганом с почетом, как послы могущественного византийского императора. Сидя за столом, уставленным яствами и питьем, они были окружены мусульманскими и еврейскими мудрецами. Были и славяно-русы.

Тут каган, поднимая чашу по обычаю того времени, провозгласил: "Во имя Бога единого и Творца всей твари!" Кирилл тоже поднял свою чашу и сказал: "Во имя Бога единого и Его Слова, и Духа Животворящего!"

Назначены были дни и очередь, кому с кем вести прение. Первое состязание учителям христианства назначено было вести с самарянами. На этом состязании поразило меня следующее: один из иудеев, уличая Кирилла в поклонении иконам, говорил так: "Моисей, по слову Господню, написанному на скрижалях Завета, не велел творить всякого подобия, а вы творите и поклоняетесь рукотворным изображениям". Кирилл на это отвечал ему: "Вот если бы было написано, а Моисей не велел бы творить никакого подобия, тогда бы он был прав, а вы виноваты. Всякое и никакое имеют великую разницу. Он не велел творить всякого, какого бы вы ни вздумали творить, подобия и поклоняться ему, как вы поклоняетесь золотому тельцу. Это-то и не должно быть. А достойное творить и поклоняться он никогда не запрещал, а показал и сам еще тому пример: сотворил херувимов, осеняющих кивот Завета. Ему последовал и царь Соломон, когда в своем храме поставил двух ангелов. Следовательно, одно к другому не относится: так и есть, - заключил Кирилл. - А где ваши жертвы кровавые, где скиния и храм? Где царство и отечество ваше? Все это прошло, когда настал Новый Завет христианский, данный по предсказанию многих пророков уже не для одних евреев, но для всего мира".

Тут в ответ на это последнее утверждение мусульманские мудрецы стали превозносить свою веру. Кирилл на это отвечал им так: "Наш закон христианский широк и глубок, как море, поэтому не каждый одинаково успеет его исследовать и переплыть. Человек сильный и трудящийся успеет более, слабый и ленивый - менее. А ваш закон похож на узкий и мелкий проток, который перескочит всякий. Что высокого и мудрого в нем? Он даже потакает грубым и скотским страстям, так что унижает человека, тогда как закон Христов ведет нас горе, т.е. возвышает к небу. Но если человек пал чрез гордость и сладострастие, то на прежнюю высоту он уже не сможет подняться и взойти на небеса путем смирения и воздержания. Горек этот путь, но бесконечно сладок, и блаженна вечная жизнь, к которой он ведет всех верующих в него".

В другое время начальники иудеев сказали Кириллу: "Много было писано различными пророками о пришествии в мир Мессии, и мы ждем его и верим, что он должен прийти и спасти Израиль".

Кирилл так отвечал им: "Не Моисей ли сказал:

"Не оскудеет князь от Иуды" и прочая, или "Воссияет звезда от Иакова и восстанет человек от Израиля" и прочая, или "Пророка от братии твоя поставит, якоже мене". Исайя-пророк про кого сказал: "Се дева во чреве приимет и родит сына" и прочая, или "Яко отроча родился вам сын и дадеся вам" и прочая, или "Изыдет жезл из корене

Иесеова" и прочая, или "Кто сей, пришедый от Едема" и прочая, или "ПриступиТ к пророчице, и во чреве зачат и роди сына, и нарици имя ему" и прочая? Давид, царь и пророк, не ясно ли вам говорил о пришествии Мессии и страдании его в своих псалмах? А Соломон о ком сказал: "Уловим же лестию праведного, яко непотребен нам есть, славится Отца и мести Бога" и прочая? Подобное Исая о ком сказал: "Несть вида ему ниже славы, но вид его бесчестен" и прочая? Иеремия о ком сказал это: "Убил и не пощадел еси, покрылся еси облаком, да не дойдет к тебе молитва"? Не об этом ли облаке пророк Амос сказал: "И будет в той день зайдет солнце в полудни, и померкнет на земли свет"? Не об этом ли и пророк Захария говорил: "И будет день един, и не день, и не ночь, и при вечере будет свет"? Не Захария ли пророк назначил вам цену Мессии, так говоря: "Поставиша мзду мою тридесят сребреник"? Не Аввакум ли пророк сказал:

"Посреде двою животну познан будеши", то есть посредине двоих разбойников? О ком так говорил Исая: "Аз же не противлюся, ни противу глаголю, плещи мои вдах на раны, и ланиты мои заушения, лица же моего не отвратих от стыда заплевания"? Не об этом ли и Иеремия сказал: "Вси, иже к вам приходящий путем обратица, и видите, аще есть болезнь, яко болезнь моя"? Ведь все это говорили пророки ваши о Мессии, и все это вы сотворили с ним и еще ждете прихода его". В иное прение начальный иудей сказал так:

"Посуди ты сам, учителю, возможно ли без мужа зачатие? И не повреда ли девству рождение?" На это Кирилл отвечал ему: "Когда ты сомневаешься в пророчестве Исаином, вероятно, ты слышал, что Симеон, толкуя это место Писанием, увидел его исполнение. А по проще этого посмотри, что перед глазами твоими делается. Обычно всякому древу для воспроизведения плода тшатся воспроизвести прежде цвет, а потом уже и плод. Смоковница воспроизводит ли что для своего плода? Это образ божественного зачатия. Луч солнечный сквозь стекло проходит в твою храмину окном, освещает тебя, вредит ли этому стекло? Это образ божественного рождения".

Такие и подобные сему словопрения продолжались много дней. Они все более и более умножали любознательность мою, которая побудила меня прийти лично в дом их, где они обитали. Там просил я уяснить мне слова пророков, которых он упоминал и кому они так говорили. Объяснения этих пророчеств привели меня к тому, что и я сделался христианином с именем Михея. За это я научил их славянскому языку, которого они не знали. На этом наречии составили они письма славянской азбуки, по которой первого меня выучили читать и писать".

По окончании Михеем своей повести он вынимает из заветного своего хранилища драгоценное жемчужное ожерелье, украшенное многими драгоценными разноцветными камнями, и, подавая оное князю Олегу, говорит: "Это ожерелье ты должен принять от меня на память обо мне. За это ожерелье заплатил я великую цену, и то малую часть его цены, и не продам его ни за какую цену. Купил я его в Цареграде у одного еврея, а тот купил его в Риме у любимца папы Римского. Любимцу этому досталось после какой-то княгини славяно-русской, которую там сожгли на костре. Об этом одни говорят, что она за то сожжена, что не захотела быть наложницей папы, а другие говорят, что она упорно хранила языческую веру отцов своих, не хотела быть христианкою. На память о такой княгине я и купил это ожерелье, которое носила молодая и красивая неустрашимая героиня, как мне рассказывал один заморский гость слышанное от духовника короля франков Карла Великого. Мне учителя христианства о ней говорили, что и "во языцех делаяй правду, приятен есть Богу", вот почему я дорожил этим ожерельем, которое носила такая мученица. Может быть, она пострадала по красоте и молодости своей за целомудрие. Тебе одному как достойному наследнику моего имени дарю это ожерелье!"

Князь Олег, принимая это ожерелье от Михея, в кое пришел изумление и жалость, когда признал его за ожерелье супруги брата своего Катулуса. Смотря на него, он горько плакал о ее смерти и о судьбе брата своего. И многое рассказал Михею о владельнице этого ожерелья, подарка супруга ее.

Такое открытие заставило скоро возвратиться князя Олега к брату своему Катулусу с

такой печальной для него вестию и его подарком.

На пути своем князь Олег в Моравии случайно встретился с учителем христианства Кириллом. Кирилл имел с ним продолжительную беседу, в которой, между прочим, сказал, что Олег будет князем земли Русской и посетит отечество Михея Русина.

Рюрик, князь Варяжский и Новгородский От Рождества Христова 861 лето

В одно время князь Катулус заболел. Готовясь к смерти, призвал он к себе детей своих князей Рюрика, Синеуса и Трувора, и младшего брата своего Олега. Старшему из детей своих князю Рю-рейку завещал он главное, так ему говоря: "Сын мой, я умираю более с тоски по матери вашей, кончившей жизнь свою на костре в самом цвете лет своих, оставив вас малолетними на руках моих. Виновник смерти ее есть король франков Карл, которого они называют Великим. Заклинаю вас всех отметить за смерть матери вашей этому Карлу. Этим вы утешите за гробом дух мой". Тут друзья его, стоявшие у смертного одра, спросили у него, где погребсти тело его. "Бросьте меня в поле", - сказал он им. "Но ты будешь добычею хищных птиц или лютых зверей", - отвечали ему вельможи его. "Нет, положите подле меня палку. Я стану отгонять их", - сказал им Катулус. "Как это можно? Мертвый ты не будешь чувствовать ничего", - отвечали ему. "А когда так, - отвечал им князь, - когда я не буду ничего чувствовать, то что мне нужды, что звери растерзают меня или хищные птицы расклюют меня?"

По смерти князя Катулуса князь Рюрик с братьями и с немалым числом дружин собрался исполнить заповедь отца, наложенную им на него: отомстить Карлу Великому за мать. Они свободно вошли в пределы земли его, с мечом и огнем, по причине отсутствия его и дошли, наконец, до столицы его Лютеции, или Парижа, которую они обложили и взяли приступом. Во время осады и приступа князь Рюрик имел единоборство с одним знаменитым витязем Карла Великого. Он весьма храбро защищал столицу отчизны. Однако с великою опасностью для жизни своей Рюрик побеждает его: рассекает острым мечом шлем его; такой жестокий удар по голове обычно лишает расположения чувств, и рыцарь этот падает с коня своего на землю к ногам победителя. Внезапно князь Рюрик видит в столь опасном своем противнике юную и прекрасную героиню. Он приказал отнести ее бережно в свой шатер, а сам занялся подготовкой решительного приступа к столице Карловой, хотя и с немалым трудом, но взял он город, и в знак своей победы сам повесил свой победоносный щит над воротами столицы. Приведя все в порядок в столице его и будучи в чертогах Карловых, приказывает он привести к себе побежденного им в единоборстве прелестного витязя, который предстал пред победителем не робея, и стал вести неробкий и свободный разговор с победителем, так что Рюрик, наконец, признал себя побежденным и пленником героини.

Пленница и победительница князя Рюрика оказалась дочь одного из первых полководцев Карла Великого, любимца его, ушедшего с ним в Святую землю. Ее имя было Аглаиса. Победитель и враг отчизны ее победил сердце ее. Веселая жизнь ее с князем Рюриком протекала не слишком долго, хотя она и совершенно очаровала его своими прелестями.

Во время раздела пленных одному воину досталась дивная красавица, стройная и высокая и притом в самой ранней юности. Скромность ее при разделе добычи обратила на себя внимание князя Рюрика. Разговор его с ней открыл ему в ней великий ум, тихий и скромный нрав. И он до того ею пленился, что забыл героиню свою Аглаису. Эта юная красавица была дочь умершего уже вельможи Карла Великого и притом круглая сирота; воспитывалась она у родных матери в небогатом семействе; целомудренный нрав ее охладил пыл князя Рюрика к новой победе и заставил его уважать образ мыслей ее, который убедил его оставить навсегда Аглаису.

Новая любимица души князя Рюрика называлась по имени Астерия. Гордая красавица Аглаиса, хотя и знала ее, знала и то, что отцы их равны между собою достоинством, но по бедности пренебрегала и презирала ее.

На предложение князя Рюрика ехать с ним в его отечество в Варяги она охотно согласилась по своему сиротству, а более по убедительной просьбе князя Рюрика, обещавшегося ей с клятвою оставить во всем свободу ей и ни в чем не стеснять волю ее.

Пылкая героиня Аглаиса, оставленная совершенно князем Рюриком, от великой ревности, почитая ее соперницей своей, обратилась в мстительное карающее существо. Она удумала наказать чувствительнее оболстителя своего, оставившего ее. Молнией блеснула в голове ее пагубная мысль отомстить прежде сопернице своей, а потом расплатиться и с изменником. Такую созревшую пагубную мысль свою отложила она до более удобного времени.

По убедительной просьбе Астерии князь Рюрик при своем выходе не учинил ни какого разорения и опустошения столицы Карла Великого Лютеции, но только взял с города наложенную им дань и со многими пленными обоих полов пошел в обратный путь в свое отечество, в Славяно-Руссы-Варяги.

Во время пути мстительная Астерия ехала с подругой своей пленницей в колеснице, запряженной двумя белее утреннего снега конями. Подле колесницы ехал на своем бранном коне князь Рюрик, весело разговаривая с красавицей Астерией. Въезжая в один дремучий лес, завел он с ней горячую речь о разных прошлых событиях ее отечества, и о победах Карла Великого над лангобардами, баварцами, саксонцами, гуннами и славянами, и о короновании его папою Львом Третьим.

Поздно заметил он, что из лесу выехал на вороном коне неизвестный витязь, остановился против колесницы, натянул лук и выстрелил в красавицу. Стрела стремительно летит и глубоко вонзается в грудь спокойно сидящей и разговаривающей Астерии. Рана оказалась смертельной. Астерия громко вскрикнула и лишилась чувств.

Князь Рюрик видит, что пустивший стрелу убийца спешит спастись бегством. Князь стрелой летит вослед его, настигает его и вступает с ним в единоборство. Бой длится недолго. Князь наносит смертельную рану врагу своему, вонзая глубоко в грудь его меч свой. Злодей со стоном падает на землю с коня своего и, умирая, весьма тихо произносит: "Я умираю теперь спокойно. Стрела моя напитана ядом. Она достигла своей цели. Изменник, не торжествуй своими победами над нами!"

По голосу Рюрик узнал в умирающем своем ревнивую и мстительную Великого Новгорода Аглаису. От истекшей из глубокой ее раны крови она тут же умирает.

Испуганный словами убийцы о том, что стрела напитана ядом, князь быстрее стрелы летит в обратный путь к оставленной им в колеснице Астерии. Он слышит издали плач и рыдания подружки ее и близких к ней рабынь и застаёт ее, испускающую последние вздохи. Она только и могла сказать: "Прости, мой дорогой Рюрик", - и умерла.

Победитель столицы Карла Великого возвратился грустен и нерадостен в свой стольный град, с великою корыстию и печалию.

Такая блистательная победа мирных варягоруССов над столицей до того поразила Карла Великого, что он не мог перенести такого позора его громкой военной славе. Непобедимый полководец не решился отомстить победителям, зная хорошо великую храбрость народа того, и заболел. В непродолжительном времени он помер в городе Аксне, где и погребен был с великою честью. Сын его Лудовик Кроткий, король франков, не решился отомстить победителю, повесившему щит свой над воротами города Лютеции.

Не скоро исцелилась сердечная рана князя Рюрика, хотя он для исцеления и ходил воевать далеко за пределы своего княжества. Возвращался он всегда с великою корыстию в дом свой, а слава о военных его подвигах гремела повсюду. Достигла она и Новгорода Великого.

Призвание варяжских князей От Рождества Христова 862 лето

В это время знаменитые князья мирных поморских варягов гремели своими военными подвигами далеко за пределами своего княжения. Слава о князьях братьях Рурейке, Синеусе и Труворе распространилась и между полунощными славянами, которые прослышали о них, что они с храбрыми дружинами своими взяли приступом столицу Карла Великого, короля франков, город Лютецию, над воротами которой князь Рурейк повесил свой победоносный щит. Это случилось в отсутствие Карла Великого, путешествовавшего в Святую землю, подаренную ему арабским халифом Гарун Аль-Рашидом, вторым Александром Македонским на Востоке. "Егда же в великом междоусобии и многим нестроении россиянии народи быша и несогласующеся во избрании от своих себе властелине советоваше, он нарочит и разумен муж в Великом Новгороде живуц Гостомысл, да пошлют к варягам и триех братии, уже бяху князи изящнии и в храбрости воинской изряднии на княжение Русское умолят."*

Князья эти три брата родные по именам Рюрик, Синеус и Трувор. Они произошли от колена Августа, Кесаря Римского.

На всеобщей думе в Новгороде согласились, наконец, все славяно-русские народы по завещанию Гостомыслову призвать княжить над собою варяжских князей, и для этого "поидоша за море к варягам; словени варягом реша: "Прииде звати храбрых князей в Новгород на княжение, земля наша велика и всем изобильна, только лишена суда и расправы, которые вы утвердите"**.

*Хлебниковская и Трехлетовская летописи, ныне утраченные, но находившиеся в 1850-х годах в руках А.Я. Артынова.

**Там же.

"Тогда по прошению россов князи варяжский от немец три роднии братия Рюрик, Синеус и Трувор или Тривор, приидоша в землю Русскую и прияты быша от всех россов с великою радостью и благодарствием. Абие и государство Русское, добровольно от народа добровольного поданое, на три части между собою разделиша. Старейшина Рюрик восприем себе княжение Велико-Новгородское, а столицу свою на острове озера Ладоги заложи. Синеус объа страны Российския над Белым озером, над ним же себе град и столицу созда. А Трувор восприем княжение Псковское, столицу же свою заложи в Сворцах или во Изборску."*

*Хлебниковская и Трехлетовская летописи.

Самодержавный же над многими землями великий князь Рюрик жил постоянно в городе Ладоге как более безопасном для себя месте, нежели в Новгороде, где был его великокняжеский наместник князь Олег Вещий. А в Изборске и Белозерске - старейшины. Раздав боярам своим города и области для управления ими, в Полоцк и Ростов послал их с роды их и многими россами, дабы они соединились со славянами и чудью в один народ и тем бы укрепили общую тишину в его владениях. В Ростове великокняжеским наместником был боярин Свенельд, сродич великому князю Рюрику.

Князя Синеус, Громосил и Княжна Милослава От Рождества Христова 863 лето

Ростовский князь Громосил, сын князя Мечислава, был любимцем белозерского князя Синеуса. Он управлял Ростовскою областью с великою славою, будучи под рукою великого князя Рюрика. Последний имел тайное намерение выдать за него меньшую дочь сродича своего князя Вагги, приехавшего с ним из Варяжской земли на Русь.

Однажды князь Синеус вознамерился объехать и осмотреть Ростовскую область и вместе с тем посетить столицу оной Великий Ростов и там повидаться с князем Громосилом.

При въезде в пределы Ростовские из-за большого тумана он потерял дорогу и заблудился в лесах, находящихся на восток от города. Долго блуждал он там, доколе не попал на торный путь, по которому доехал он до одинокостоящего терема на берегу быстротекущей реки Устьи. Тот терем окружен был дремучим бором. Усталый князь Синеус подъехал к этому терему в надежде найти себе там приют, если не гостеприимство. В последнем предположении он не ошибся: вежливо предложили ему жители терема гостеприимство по данному им единожды приказу от своей княжны. Князя Синеуса препроводили в терем, а утомленного коня его поставили в спокойное стойло на обильный корм. В сопровождении служителей князь входит в великолепный чертог, где радушно встретила его молодая и прекрасная хозяйка терема. Красота и любезность ее с первого раза очаровали князя: она была окружена своими подругами и сияла как луна среди звезд. Роскошное пиршество расположило князя к веселости, которой весьма способствовала любезность хозяйки терема. Последняя не назвала своего имени, осталась неизвестною, скрыв свою дедину отчину от князя Синеуса. После веселого пиршества князь Синеус бодро продолжил свой путь к Ростову, который указала ему прелестная хозяйка терема.

В продолжении пути охватила его тяжкая дума. Глубокие складки пролегли на челе его. Когда Громосил увидел князя Синеуса, им овладело сомнение. Он стал сомневаться в том, достойно ли он встретил своего покровителя и не имеет ли тот чего против него от великого князя, брата своего. Все старание и внимание его было обращено на то, чтобы согнать тяжкую думу с чела дорогого своего гостя. Все средства были испробованы им, но тщетно, князь Синеус остался по-прежнему погруженным в глубокую думу.

Любимое занятие князей того времени - охота - и та теперь опротивела князю Синеусу. Смотря на это, князь Громосил не знал, что в таком случае ему надо делать. Наконец он не мог утерпеть, чтобы не спросить у князя Синеуса о причине такой глубокой его думы. На это ответом ему было одно молчание. Напрасны были все уловки, предпринимаемые князем Громосилом. Он успел только подметить на охоте, что гость его каждый раз, когда нападет на него тяжкая дума, порывается от него удалиться по какому-либо встретившемуся ему пути, но потом вдруг остановится и озирается вокруг себя, как бы всматриваясь во что-то знакомое, но не находит его, и тогда как от сна пробуждается.

Такие частые случаи не на шутку стали тревожить князя Громосила. Он предположил, что князь Синеус болен душою. С этого времени он стал зорко следить за ним всюду. В один из таких порывов души, случившийся на охоте, князь Громосил остановил Синеуса, летящего стрелой по неизвестной ему дороге, и грустно спросил его: "Куда порываешься, одинокий?" - "Оставь меня!", - отвечал ему князь Синеус. "Куда ты бежишь, одичалый - продолжал говорить ему Громосил. - Я буду следовать за тобой всюду как тень или как олень за ланью. Зачем скрываешь от меня свою тайну? Ужели не стало ко мне доверия твоего?"

"Не то, друг мой", - сказал ему князь Синеус. "Какое несчастье постигло тебя? - спросил у него князь Громосил. - Не брат ли твой чем оскорбил тебя?" "Нет", - отвечал ему Синеус. "Забыл рассчитаться в чистом поле с кем-нибудь или кто-нибудь оскорбил тебя?" - спросил у него Громосил. "Нет!" - отвечал ему Синеус. "Что же ты печален? - спросил его Громосил. - Не по- ложил ли ты в мыслях сделать на кого набег. Ринемся, князь, туда, пойдем, дадим простор погулять молодецкой удали в руке с булатным мечом,

потопчем поля раленые друга и недруга твоего бурными конями своими, все спалим огнем, где пройдем ратью, пленим табуны коней, стада говяд будут тесниться у твоего княжего терема.

Почему же твой взор не проясняется радостью?" - "Нет, нет!" - отвечал ему Синеус. "Ну, что ж, не думаешь ли ты помериться силами за морями синими, за горами высокими?" - спросил его Громосил. - Тогда пусть мне старая старуха вместо булатного меча даст в руки свою кочергу, если меч мой отстанет от твоего, обидчиков я не дарю жизнью!" -

"О, друг мой ненаглядный, нет! отвечал ему князь Синеус. - Знаешь ли ты, кто принудил меня променять веселье на думы и рьяные битвы на злую тоску?" - "Кто? - круто спросил его князь Громосил. "Дева!" - отвечал ему Синеус. "Кто она и где живет, и как достать ее? Скажи, и я полечу туда быстрее каленой стрелы и скажу ей счастливую весть о любви твоей. Какая красавица откажет такому витязю сорвать покрывало ее?" - спросил его князь Громосил. "Не знаю", - отвечал ему князь Синеус, и тут рассказал ему в подробности о встрече своей с безвестной красавицей, в глуши лесной живущей.

Князь Громосил, слушая такой рассказ, призадумался о том, что ему не сведения такая красавица, ни терем ее, близ столицы его стоящий.

Когда они вернулись с охоты, пошли у князя Громосила распросы и дознания о таком тереме и хозяйке его у приближенных своих. Один из свиты его сказал ему, что где терем тот и кто живет в нем ему ведомо: стоит он отселе к ночи от города на берегу реки Устьи. А живет в нем единственная отрасль знаменитого в древности ростовского богатыря Верзилы, дева, по имени Милослава, круглая сирота.

Получив такие подробные сведения о княжне Милославе и ее местожительстве, князь Громо сил не преминул собратиться скоро с князем Синеусом, чтобы посетить ее. Радушный прием князей молодой княжной различно подействовал на князей и произвел у них разные впечатления. А именно: что чувствовал прежде Синеус после своего первого свидания с княжной Милославой, то же самое стал чувствовать и князь Громосил. Синеус скоро заметил, что красавица часто бросала взоры свои, полные огня, на князя Громосила.

Видя это, умом он понимал, что княжна подходит по летам более Громосилу, нежели ему, и он решился повиноваться рассудку, нежели минутной страсти своей, тут он положил в уме своем неперемное намерение соединить Громосила с Милославой брачными узами, но до времени хотел скрыть все это от князя Громосила и пошутить над ним.

На обратном пути от Милославы князь Синеус почувствовал довольство и веселость на своем сердце от предпринятого им намерения. Он было уже стал смеяться над князем Громосилом, который ехал с ним молча, в крепкой думе, как жертва, обреченная на заклятие. С трудом отвечал Громосил на вопросы князя Синеуса, спрашивавшего его, когда он быстрее стрелы полетит объявить счастливую весть княжне Милославе.

С этого времени князь Синеус стал замечать в князе Громосиле сильную душевную борьбу, которая была заметна. Снедающая его грусть о безнадежной любви как бы подавляла его. В одно из таких душевных настроений князь Синеус застал его утопающим в слезах. Он спросил Громосила о причине слез. Ответа не последовало. Поговорив немного с ним о посторонних событиях и уже выходя от него, Синеус сказал: "Вспомни, друг мой, когда я был в подобных твоим обстоятельствах, то я не был так молчалив, как ты, хоть не скоро и не добре охотно, но сказал тебе все, что было на сердце". Через некоторое время после этого князь Синеус, не сказавшись никому ни слова, стрелой полетел к терему Милославы, чтобы вести речь о добром деле, о сватанье ее за князя Громосила без его ведома. Поэтому, по приезде туда, Синеус стал вести речь и сватать за Громосила княжну Милославу. Та недолго со противлялась его предложению и согласилась быть супругою князю Громосилу.

Получив желаемое от княжны Милославы, Синеус рассказал ей, в каком состоянии находится князь Громосил, и, наконец, предупредил ее при этом, рассказав ей в подробностях, какие теперь у них между собою отношения. Потом с общего с Милославой совету придумали они, как устроить первое свидание князя Громосила с Милославой и как

поступать им впредь.

Скоро после этого свидания князь Синеус приходит к сетующему князю Громосилу. При виде вошедшего к нему с веселым лицом князя Синеуса Громосил подавил в себе все грустные мысли, принял самый веселый вид и после различных оживленных разговоров встал на ноги пред князем Синеусом и с веселым лицом сказал ему:

"Прости меня, князь, и мою глупость. Я дважды оскорбил тебя, гостя своего, своим безрассудным молчанием. Забудь прошлое. Тогда я жил для себя, теперь я буду жить для дружбы. Нынче я еду к княжне Милославе исполнить то, что обещал тебе!" - "Едем", - отвечал ему князь Синеус, и оба собрались в путь.

Сборы их были недолгими, вихрем помчались два князя по пути к терему княжны Милославы, оба имели одну и ту же мысль: пожертвовать любовью для дружбы. Скоро они прибыли в заветный терем, поспешно сошли с коней своих и вошли в терем. Князь Громосил был впереди князя Синеуса и первый взшел в чертог Милославы. Там он скоро встретил стоящую Милославу, окруженную своими подругами, великолепно разодетую, как будто бы приготовившуюся к брачному торжеству. Красота ее затмила все драгоценные украшения ее одежды. Тут она с невыразимо прелестною улыбкою приветствовала князей и просила их быть участниками девичьей их куртаги. Князь Синеус весело поблагодарил ее за ее приглашение. Грустный князь Громосил, напротив, поражен был дивной красотой княжны Милославы и хотел ей рассказать, зачем пришел, но язык его не повиновался ему. Слезы невольно готовы были заблестать на глазах его при мысли, чего он теперь лишается. Взор его от этого помрачился. Синеус и Милослава это заметили и переглянулись между собою.

Тут князь Громосил внял голосу рассудка и с геройским видом подошел к княжне Милославе и попросил ее быть супругой князя Синеуса. Та не долго сопротивлялась такому его предложению, изъявила свое на это согласие и подала князю Громосилу свою руку. А он передал ее руку князю Синеусу. А тот передает оную обратно князю Громосилу, говоря ему: "Она твоя!" Громосил от этого слова встал как истукан: смотрит - и не видит, и слышит и не понимает ничего, что вокруг его происходит, но от прикосновения руки княжны Милославы он как от сна пробуждается и, придя в себя, говорит князю Синеусу: "Князь, что ты делаешь?" "Она твоя!" - повторил ему князь Синеус. "Напротив, - отвечал ему князь Громосил, - она не принадлежит мне, но тебе! И я добровольно отказываюсь от нее!"

И с этим словом он передает обратно руку Милославы князю Синеусу. А тот, не принимая от него оную, напускает на себя строго повелительный вид и сурово выговаривает ему: "Князь, я приказываю тебе повиноваться мне, власть моя, данная мне братом моим, повелевает тебе его именем повиноваться мне!" Что после этого случилось с князем Громосилом! Он не верит ни глазам, ни ушам своим. Едва не задушил он в объятиях своих князя Синеуса. Исконная любовь и дружба были причиною обильных слез из очей обоих князей. Это были слезы радости. К плачущим скоро присоединилась и княжна Милослава.

Вскоре после этого совершенно было брачное торжество князя Громосила с княжной Милославой в присутствии белозерского князя Синеуса, который до смерти своей любил князя Громосила и Милославу как детей своих.

Восстание ВАДИМА Храброго От Рождества Христова 864 лето

Великий князь Рюрик видит против себя великий заговор. Знаменитый новгородский вельможа Вадим руководил им, считавши себя более Рюрика законным правителем Руси как зять Гостомысла. Для подавления мятежа Рюрик потребовал к себе брата своего Синеуса с Белоозера, владеющего сильным народом весью. Князь Синеус прибыл для скорой помощи брату своему Рюрику с весью и дружинами ростовскими любимца своего ростовского князя Брючислава. Того Брючислава он перед тем дивно оженил на красавице княжне Милославе. Предание об этом событии дошло до наших дней в славных ростовских летописцах П. В. Хлебникова, Е. В. Трехлетова и Ф. С. Шестакова. Я собрал из них один сводный текст и поместил в "Сказках Ростова Великого" всем на удивление, а молодым на похваление.

Дружины князей Синеуса и Брючислава окружили новгородский Кремль, где засели мятежники. Это навело великий страх на сообщников Вадимовых, и они, спасая свои жизни от разгневанного князя Рюрика, предали Вадима в руки новгородского князя. И убил Рюрик Вадима Храброго и иных многих избил новгородцев, советников его.

В это время молодой ростовский князь Брючислав своими военными способностями и личной храбростию обратил на себя внимание великого князя Рюрика. За такие доблести великий князь надел на князя Брючислава золотую цату.

Новгород Великий в одно время вознамерился посетить князь Олег Вещий, о котором много чудесного наслышаным бышо от купца Михея Русина. Там князь Олег свел тесную дружбу с вельможей и любимцем новгородского князя, которого звали Чудоделом. Тот рассказал о себе следующую историю.

"Когда я был молод, то все звали меня красавцем. И тогда я был другом и товарищем старейшины, правителя Великого Новагорода Ильмуса. В меня тогда влюбилась супруга Ильмусова. Она жестоко преследовала меня любовью своей, от которой я, по мере сил своих, благоразумно уклонялся. Страстно влюбленная в меня супруга Ильмуса во что бы то ни стало захотела привести в исполнение давно задуманное желание: прельстить любимца супруга своего. Однажды она отпросилась у супруга своего повидаться со своими родителями. Тот охотно отпустил ее к ним, а в провожатые ей назначил меня, Чудодела, чего супруге его и так страстно хотелось. Я знал, зачем она ехала к родителям своим, и чувствовал, что мне теперь не устоять против обольщения красивой и молодой женщиной. Тогда я решился на крайнюю меру.

Острое железо полностью лишило меня способности быть любовником княгини и вообще какой-либо женщины. Честную дружбу я ценил всего дороже и ради нее готов был на любые муки и страшные страдания. Едва залечив рану свою, высушил я остатки отнятые части тела своего, вложил их в коробку, запечатал ее и вручил ее на хранение до возвращения своего старейшине Ильмусу. Как я предвидел, так и случилось. Красавица так искусно довела свое желание до того, что надо было бы немедленно удовлетворить ее страсть похотную. Но тут открылся я ей о своем состоянии, что теперь навеки не вполне человек. Княгиня сперва испугалась. Потом поняла, что я сделал над собою из любви к ее супругу. С этого времени она стала уважать меня и даже почитать за то, что я избавил ее и от гнусного проступка, и от позднего раскаяния. После этого она уже никогда с ним не расставалась.

Прислуга видела все это, но не знала причину. После возвращения ее к супругу было все донесено старейшине Ильмусу и в превратном свете, что будто бы супруга его в отлучке своей имела весьма тесную связь с вельможей Чудоделом. Старейшина жестоко разгневался на меня, заключил меня в смрадную темницу и велел осудить за обольщение супруги своей, которую он тоже заключил под стражу. Судьи ненавидели меня за независимый нрав и правду и боялись меня. Они с радостью осудили меня на смерть позорною казнью.

Все было готово к совершению казни. И когда надо было исполнителю оной, заплочному мастеру, совершить казнь, в это время я пал ниц и стал просить старейшину,

чтобы он открыл данную ему мною пред отъездом на хранение коробочку. Тот это немедленно исполнил, раскрыл ее и увидел в ней доказательство моей невинности и чистоты супруги своей. Гнев его был страшен. Он жестоко наказал оклеветателей - слуг своей супруги".

Князь Олег Вещий и воевода Свенельд От Рождества Христова 880 лето

Великий князь Олег был сыном поморского князя Аппония, братом Катулуса, отца великого князя Рюрика, ближайшим боярином его и пестуном сына его Игоря. По смерти великого князя Рюрика за малолетством князя Игоря он принял бразды правления над всей Русской землей. В это самое время ростовский наместник и боярин великого князя Рюрика Свенельд воспользовался этим случаем и вместе с князьями киевскими Аскольдом и Диром отложились от великого князя Игоря и опекуна его Олега. Политические обстоятельства государства того времени благоприятствовали Свенельду.

Итак, наместник великого князя Свенельд провозгласил себя великим князем всей Ростовской земли и принудил многих младших князей ростовских повиноваться себе и признать его великим князем. Многих он обольстил лестью и дарами, а иным пригрозил своим гневом и опалю. А некоторых стал притеснять: отнимал уделы их и терема и раздавал их своим любимцам и единомышленникам. В числе непокорных ему были князья Громосил и Тунило-Вихорь. А за ними стояли многие князья и бояре ростовские. Они остались верными великим князьям Игорю и Олегу. Сперва Свенельд хотел заключить их в оковы и ввергнуть в темницу, затем оставил это до другого времени, опасаясь раздражить их.

Преемнику великого князя Рюрика Олегу весьма не нравно было то, что словущие вассалы отложились от него и величают сами себя великими князьями. Он хотел, избегая междоусобной брани и не желая умалять пределы великого княжения Русского, соединить все земли под одну власть. Прежде всего послал он свою великокняжескую грамоту наместнику ростовскому Свенельду, извещая его о смерти великого князя Рюрика и восшествии своем на великокняжеский престол как соправителя великого князя Игоря и приглашая его к себе в Великий Новгород на почетный пир. Свенельд, получив от Олега такую грамоту, с тем же послом послал ему свою, называя себя в ней не наместником великокняжеским, а великим князем Ростовским. Получив от Свенельда такой гордый ответ, великий князь Олег захотел сам лично узнать, о чем думают ростовские князья. Одевшись простым латником, он отправился в путь и благополучно, без всяких приключений в пути достиг пределов Ростова Великого. Однако в лесу, окружающем Ростов с западной стороны, потерял показанный ему путь, заплутал и по едва приметной тропинке по берегу широкой и глубокой реки приехал к одному холмистому возвышению. И там видит, что под тенью вековых дубов стоит какое-то древнее здание, все в развалинах, которые, громоздясь, образовали высокий холм. На нем стояло не большое, но удобное жилище, из которого вышел опирающийся на жезл маститый старец.

Князь стал у него просить себе приюта, чтобы отдохнуть от дальнего пути. "Мой князь, - отвечал ему старец, - пустынная хижина моя пусть будет в твоём полном распоряжении вместе с хозяином ее, и я почту себя счастливым, если удостоюсь принять тебя под ее кров". Олег весьма удивился словам старца и, не желая ему открываться, сказал: "Ты, верно, не видывал военных людей, если простого латника принимаешь за князя". - "Едва ли ошибается старик Орел, древняя отрасль князей ростовских, - отвечал ему старец. - Если ты не хочешь быть просто князем, то будь великим князем Олегом, и еще прибавлю: Вещим. Но здесь не место вести такие речи. Пожалуй в хижину, в ней все к твоим услугам!".

После этого они вошли в жилище старика. Там их встретил еще один старик, еще старше, согбенный, с клюкой. "Это друг и товарищ бранный мой, - представил его князю старец, - по имени Сокол. Он тоже отрасль древних князей ростовских. Он сохранил для меня прадедовский свой терем среди дремучих лесов севера на прелестном возвышении за рекой Ухтомой. Между нами, князь, не должно быть секретов. Я сведом и о том, для чего ты приехал сюда теперь простым латником. Ты поступил благоразумно, и я постараюсь, сколько моих сил станет, быть тебе полезным. Верь мне! Предприятия твои все

благополучно кончатся. Не все князья изменники, есть много и за тебя!" После таких речей князь Олег не стал уже более скрываться перед старцами. А стал просить у них совета, как лучше начать это дело. "Не спеши, князь, - посоветовал ему Орел, - поспешность не всегда бывает полезной. Отведай прежде моей скромной трапезы, а потом поговорим и о деле". За столом старец Орел посоветовал князю отправиться к соседу его князю Тунилу-Вихрю, который живет теперь в тереме супруги своей Всемилы на крутом берегу реки Кость. "Он самый благонадежный и верный тебе помощник, его уважает и крамольник Свенельд. Другой помощник тебе - князь Громосил-Брячислав, любимец бывшего белозерского князя Синеуса. Он больше всех пострадал от злого Свенельда. Он живет теперь на берегу реки Устья в тереме княгини своей Милославы: они - ни тот, ни другой - не пойдут с тобой на открытый разговор о Свенельде, доколе ты не скажешь им, что я послал тебя к ним. Тогда все опасения у них пропадут". По указанной дороге князь Олег скоро доехал до терема князя Тунилы. Князь выдал себя за княжеского скоротечу, потерявшего путь к Ростову в дремучем лесу. Тем более его удивил радушный прием супругов, оказанный простому латнику. Княгиня Всемила расположила его к себе. Он никак не мог поверить, что она - дочь мятежного боярина Диры.

Тут князь Тунило стал выпрашивать путника о великом князе Олеге. Тот отвечал весьма сдержанно, как и подобает простому латнику. Потом завел речь о мятежнике Свенельде, о его притеснениях и о других текущих событиях в Ростове, слышанных им от старцев Орла и Сокола. Князь Тунило отвечал ему весьма уклончиво и сухо. Но когда князь Олег сказал, что его послал к нему старец Орел, имя Орла развязало языки князю Тунилу и его супруге, и за столом завязался новый оживленный разговор. Горячо заговорили о недавних событиях в Ростове, и о непомерной гордости самозванца, и о его расправах с непокорными ему князьями и боярами, и о том, как Свенельд напал и самовольно низвергнул бывшего великокняжеского посадника Нечая, потомка древних князей ростовских, лишил его родового терема, стоящего на берегу реки Сахты. Только за одно слово в пользу великого князя Олега подобная же опала постигла князя Громосила и многих других. "Меня же, как близкого к князю Диру, - продолжал Тунило, - доколе еще воймуют, и не знаю, как долго это продлится. А кто поладит с ним и величает его великим князем, те по милости его все теперь живут припеваючи, получая от него дареные чужие уделы и терема. Я же клялся над мечом отца моего служить верой и правдой великому князю Рюрику и его роду и племени. Этой клятвы я еще не позабыл".

Долго князь Тунило перечислял опальных князей и бояр ростовских. Латник все слушал и дивился терпению опальных. Наконец он спросил у князя Тунилы: "А что теперь собираются делать опальные князья и бояре?" - "Да что делать? - отвечал ему князь Тунило. - Быть в опале и ждать, что будет дальше от великого князя, иль забыть свою клятву? За Нечая и посла великокняжеского великий князь Олег добре огневался на Свенельда. Быть может, он и пойдет на Свенельда войною, тогда мы пристанем к великому князю. А не то - волей-неволей Свенельда при мем за великого князя". "А если бы пришел сюда теперь сам великий князь Олег, то что вы тогда стали бы делать?" - спросил латник. "Сражаться и сложить головы за него", - отвечал ему с воинственным жаром Тунило. "Не нужно это, великий князь не хочет междоусобицы, сказал латник. - Ему только нужна ваша верность! Поди и оповести всех опальных князей и бояр, что великий князь Олег пирует теперь в тереме у князя Тунилы и желает их всех видеть на общем совете".

Радость, смешанная с глубоким почтением к великому князю, охватила пирующих супругов, оказавшихся так неожиданно лицом к лицу с самим великим князем Олегом. Первым по зову князя Тунилы явился к великому князю князь Громосил. И по общему между ними совету решено было оповестить всех опальных быть в урочный день и час в пригородке Угожи, в тереме Нечая. Князь Тунило оповестил свою сторону, а князь Громосил свою. Это им сделать было не так-то легко, потому что многие опальные скитались по чужим углам, в числе их был и посадник Нечай.

В урочный день и час все опальные князья и бояре собрались в Угожи, в терем Нечая, где били челом великому князю Олегу, просили у него суда и расправы над Свенельдом. Князь Олег обещал удовлетворить их просьбу. Он составил под своим предводительством общий совет, на котором было решено идти всем к Свенельду во главе с простым латником и свергнуть со стола великокняжеского Свенельда как самозванца.

Как было решено - так и сделано. Все опальные князья и бояре, а между ними простой латник пришли к Свенельду в Брусяной его терем, не сразу, а поодиночке, как будто с повинной. В это время Свенельд весело пировал там с клеветами. Когда он увидел самовольно вошедших к нему опальных князей и бояр, то весьма огневался и грозно спросил у них: "Зачем без зову вы пришли ко мне?" На это князь Громосил отвечал ему: "Мы пришли все просить у тебя суда и расправы, как было при великом князе Рюрике". Свенельд и без того был гневен, а тут его гнев перешел в бешенство. Он неистово закричал на пришедших князей и бояр с яростью: "Путы железные и подвалы глубокие - то суд вам и расправа!" Потом как бы смилостивился над ними и почти ласково им сказал: "Кто со мной, садись за почетный стол, а кто супротив меня - того теперь в бараний рог согну! Дались вам суд и расправа великокняжеские, когда я сам вам великий князь, кого хочу - милую иль наказываю!" - "Не след пред старшими тебе, мизинному, такую речь вести, - отвечал ему латник сквозь опущенную решетку своего шелома. - Не смертина и огневитина у тебя суда спрашивает. Тут самый младший старше тебя, и суд твой - не суд вовсе!" На это Свенельд закричал зычным голосом: "Не дивья, что смерд такую речь ведет, а дивья, что великий князь ее слушает!" Тут он приказывает того латника заковать в цепи железные и бросить в подвалы глубокие, и засыпать его песками сыпучими. Многие из собеседников Свенельдовых из-за стола повыскакивали и хотели взять и сковать латника и бросить его туда, куда указано. Но мнимый латник не допустил их до себя, поднял решетку своего шелома и грозным голосом проговорил: "Стой! Ни с места! Здесь пред вами налицо сам великий князь Олег, пестун и соправитель великого князя Игоря! Узнал ли ты меня, Свенельд? Я - тот самый Олег, сын Аппониев, которому ты в Варягах и в Новгороде стремя держал".

Тут Свенельд узнал Олега и пришел в великий страх. Он падает на колени пред великим князем и молит его о прощении, но Олег пнул ногой его в грудь и велел с ним сделать все то, что тот приказывал сделать с латником. Все было немедленно исполнено. Затем великий князь назначил в Ростов князем под рукой своей князя Громосила, а князя Тунила сделал наместником, а Нечая - посадником ростовским. Опальным же князьям и боярам указал быть по старине и возвратил им с лихвой все отнятые у них имения.

Богатырь Ратмир-Демьян Железный пояс и боярышня Татьяна От Рождества Христова 987 лето

В старину в одно время правили Ростовской землею как наместники сыновья богатыря Демьяна Куденеича Претич и Фрелаф. Придумал однажды Претич послать своего сына Ратмира, по прозванию Железный пояс, к другу своему и соратнику по бранному полю новгородскому тысяцкому боярину Константину, сыну знаменитого богатыря Добрыни Никитича, людей посмотреть и себя показать. Ратмир-Демьян, снабженный отцом своим всем нужным в путь-дорогу, благополучно приехал в Великий Новгород. Остановился он у бедной доброй старушки близ Словенска или Старого Новагорода. В это время боярина Константина в Новгороде не было, он ушел с великим князем Владимиром воевать с болгарями дунайскими. А у старушки-хозяйки был внук - недоросток, малец ловкий и послушливый, по имени Стамед. Он был для Ратмира сущий клад и спутник по всему Новгороду и окрестностям. Стамед рассказывал Ратмиру-Демьяну о словущих новгородцах и об их обычаях. От него тот узнал, что старшая дочь боярина Константина Татьяна - первая краса всему Великому Новгороду и при этом лихая наездница и смелая охотница на красного зверя. Перечислив ее достоинства, Стамед заключил тем, что она якобы просилась в поход с отцом своим, желая поучиться бранной науке, но тот не взял ее. Отец всей душой любил свою Таню и считал, что бранное дело - занятие не девичье.

Много женихов сватались к Татьяне, но без успеха, знать, не нашла она себе под стать суженого. Вишь ты, верховный жрец имеет у себя дурака-волшебника, который прозвал ее Демьянихой Ростовской, а почему - никто не знает. С его легкой руки теперь все называют ее так - Демьяниха Ростовская. Она на это не сердается, хотя и не знает, отчего такое прозвище.

Ратмир через Стамеда захотел узнать, что Татьяна без отца делает. И стал он искать средства, как бы ему самому увидеть красавицу, но крепко ее охраняли в тереме. А няня Бирюковна стерегла Таню наособицу. Неожиданный случай помог Ратмиру-Демьяну. Рассказывая о диковинках новгородских, Стамед упомянул словущий новгородский Холопий городок, что расположен в двух верстах ниже нынешнего Спасо-Преображенского Хутынского монастыря, у места, где Волховец впадает в Волхов, что в двенадцати верстах от Новагорода Великого. В одно утро Ратмир пошел посмотреть Холопий городок и там долго любовался природой. Вдруг услышал невдалеке от себя стук оружия и возгласы сражающихся не на жизнь, а на смерть. Он поспешил туда и увидел, к великому своему негодованию, что один витязь бьется против троих. При этом видно, что силы его слабеют и он с трудом уж отражает удары трех мечей. Ратмир немедленно пристал к слабейшей стороне на помощь. Бой закипел с новой силой. Ратмир напал, ругая трех воинов за подлый разбойничий поступок. Вскоре стал он теснить их ударами своего меча, они стали отступать от непрошеного защитника и уж не нападать, а защищаться. В это время одинокий витязь отдохнул, снова собрался ' с силами и хотел уж помочь Ратмиру, но силы все же не выдержали, и он в изнеможении упал на землю. Воины захотели этим воспользоваться и с удвоенной силой набросились на Ратмира. Это заставило последнего применить все свое бранное искусство. Закрываясь щитом, он снова и снова разил их мечом, тесня нападавших. Вот уже двое повержены на землю, из их глубоких ран текла кровь. Третий воин, увидав столь печальный исход, поспешил укрыться за сенью дерев в чаще леса. Победитель же поспешил на помощь избавленному им от злодеев витязю. Ратмир отбросил прочь его пернатый шлем и - о чудо — увидел прелестную красавицу, находящуюся в беспамятстве. Смертельная бледность покрывала лицо ее. Тогда он спустился к реке Волховцу, набрал в свой шлем воды и принес, чтобы оросить лицо красавице. От того она скоро пришла в чувство, открыла томные глаза и увидела перед собою прекрасного юношу, стоящего перед нею на коленях с шеломом воды. Румянец заиграл на ее бледном лице. Тут она встала, поправила бранные доспехи и увидела в отдалении поверженных наземь злодеев. Тут же вспомнила она все случившееся сражение и

поблагодарила витязя за услугу его.

"Не стоит памяти, - отвечал Ратмир, потупив взор. - Счастлив я обычной услугою помочь тебе вовремя. За кого я так счастливо бился?"

"У девиц по месту имя и лета спрашивают, - отвечала ему незнакомка. - А здесь для этого не место. Я вечно буду благодарна тебе, большего ты у меня не заслужил еще". И гордо усмехнулась.

"Когда так, то дозвожь мне вечно быть рабом твоим", - проговорил Ратмир, все еще не вставая с колен.

"Ну, об этом речь впереди, таких рабов нанимают старшие", - надменно промолвила красавица, опуская решетку своего шелома.

Ратмир не знал, что и ответить, помолчав, только спросил ее: "А знаешь ли ты своих злодеев?"

"Как не знать. Они достойны такого наказания, которое ты учинил, будущий раб мой!"

"Не будущий, а настоящий", - возразил с жаром Ратмир. Ответа на это не последовало.

Оставив на месте тела павших в битве злодеев, Ратмир вызвался проводить незнакомку до дому, до города, не далее - таков был уговор. Красавица спросила у Ратмира, спрашивают ли у рабов о дедине-отчине, когда нанимают их, и откуда он в Новгород пришел. Ратмир с улыбкой заметил ей, что она о себе все скрывает, а у других выпытывает. "Не я иду в рабы, а ты", - отвечала, смеясь, незнакомка.

"Я из Бежицкой пятины Мезгринской волости; послан к боярину Константину", - сказал Ратмир. При имени Константина незнакомка вздрогнула и немного изменилась в лице. Помолчав немного, сказала: "Не Бежицкой пятины речь твоя, а иной. То же самое скажет тебе и боярин Константин, но говорят, что его дома нет".

Ратмир заметил: "Нужда, знать, его гонит. Хотел исповедь держать его дочери, да, как говорят, следу нет".

"Капля воды камень точит, подожди пороши - будет след, - отвечала незнакомка. - Я знаю дочь Константина. Она любит речь вести только с людьми Бежицкой пятины, а ты не Бежицкий, не обманешь ее, у нее зоркий глаз".

Далее шли у них разговоры о сторонних вещах. За речами добрались они до предместья, пригородка новгородского. Тут Ратмир снова предложил себя в рабы незнакомке. А та сняла с себя меч и, подавая ему его, говорит: "Теперь он мне более не надобен, я дарю его на память о себе. И если буду рядить раба, то не иначе как с этим мечом - или никакого!"

Расставшись с незнакомкой, Ратмир с ее мечом в руках долго стоял на одном месте и смотрел ей вслед, пока не скрылась она в толпе народной. Теперь ему до боли захотелось узнать, кто же была эта прекрасная незнакомка. Судя по виду и одежде, она должна быть из словущих новгородок. Речи ее не казались игрой слов, но было в них и что-то таинственное. Погруженный в свои мысли, Ратмир не заметил, как дошел до хижины старухи. Та спросила, где он был так долго. И Ратмир отвечал, что ходил гулять в Холопий городок. Она осталась этим довольна.

Прошло несколько дней, а Ратмир не мог забыть встречу у Холопьяго городка и часто вынимал из заветного места и разглядывал подаренный ему меч. В такое время пришел к нему Стамед и увидел у Ратмира новый меч. "Где ты взял этот меч?" - спросил Стамед.

"Купил на торгу у какого-то старого воина, - отвечал Ратмир. - Разве ты видел у кого-нибудь такой меч?" - "Да, конечно, видел, только, кажись, покороче, у Демьянихи Ростовской. Человек на человека походит, а меч на меч и подавно".

Любопытный Стамед взял меч у Ратмира и, рассматривая его, нашел под рукояткой письма: "Боярин Добрыня". И сказал он Ратмиру, что меч этот принадлежал точно молодой Демьянихе, потому как боярин Добрыня - родной дед Демьянихе Ростовке.

В ожидании боярина Константина праздная жизнь в Новгороде наскучила Ратмиру. Он слышал, что боярин прежде должен возвратиться в Киев с великим князем. Тут ему

захотелось посмотреть на столицу великокняжескую и там встретиться с боярином Константином. Быстро он собрался в путь-дорогу и поехал в Киев. До пределов киевских доехал благополучно, без всяких для себя приключений. Там он узнал, что какой-то печенег, по имени Володарь, с братом своим осадил стольный град великою ратью печенегов и хочет пленить его. Тут Ратмир призадумался, что же ему делать, как попасть в Киев и подать помощь осажденным. Пути в город нет: ворота крепко заперты. Наступившая ночь заставила его искать приюта, который он нашел под столетним деревом. Усталость и сон сморил его на мягком ложе зеленой муравы. В глухую полночь звук военной трубы и гул ратный коснулись его слуха. Тут Ратмир окончательно пробудился, сел на коня своего и стрелой полетел туда, где слышался шум битвы. На печенегов, как он узнал, напал Александр Попович, воевода киевский, богатырь великокняжеский. Ратмир этому обрадовался и напал с Другой стороны на рать - силу вражескую. Страшная сеча закипела вокруг Ратмира. Река крови потекла по следам битвы его, груды тел отмечали кровавый путь его в стане врагов. Увидев это, брат Володаря, великий ростом, наделенный громадной силою, вооруженный вместо меча большой палицей, которой он помахивал, как пером, спешит навстречу Ратмиру, желая с ним силою помериться и поразить его своею палицей. Но палица во тьме ночной не улучила сопротивника, напротив, меч Ратмира нашел грудь исполина и рассек ее, причинив рану смертельную. Страшно зарычал печенег и упал, истекая кровью. Видя это, обратились в бегство печенеги. В это самое время в другой стороне такая же участь постигла и Володаря от руки Александра Поповича, а остальные наутек пошли.

После столь блистательной победы Александр Попович скоро отыскал своего ночного сподвижника и к великой радости узнал в нем сына бранного своего товарища Претича Демьяна, которого в свое время видел отроком.

Возликовал Киев славною победой над печенегами, о чем скоротечю был извещен и великий князь Владимир. Тот скоро возвратился в стольный Киев-град с победою великою над болгарам дунайскими. А с ним вместе пришел и Константин Добрынич, который, как Александр Попович, рад был видеть такого молодца, победоносного витязя, оказавшегося притом сыном друга и ратного сотоварища. Золотая гривна на шею и соболья шуба с плеча великого князя была наградой Ратмиру за его победу. Получил он и почетное место на скамье богатырской на пиру великокняжеском. Когда поехал князь Константин в Новгород с дружинами новгородскими, он крепко стал звать с собой Ратмира. Сборы его в дорогу были недолгими.

Еще при первой встрече с Ратмиром боярин ? Константин заметил на нем меч свой, который хранился у его дочери. Он тогда промолчал об) этом. Теперь же на пути к дому он спросил Ратмира, какими путями попал к нему этот меч.

"Он подарен мне за спасение чести, а может быть, и жизни", - отвечал Ратмир. "Чьей жизни?" - спросил у него со страхом боярин. "Это тайна, - заметил Ратмир, - тайна такая, что я и сам не знаю, кому спас жизнь". И он рассказал все по порядку: про Холопий городок, про незнакомку, про злодеев и свою послугу ей.

"Знаешь ли ты, что та незнакомка — дочь моя? - спросил боярин. - Полюбил я тебя, как сына, поедem со мною в Великий Новгород". И Ратмир согласился. Новгородцы с великой честью встретили боярина Константина. Ратмир же был самым почетным гостем в доме его.

Скоро пошел слух, что боярин привез из Киева жениха своей дочери — великокняжеского витязя. Молва со многими прибавлениями о красоте и доброте витязя скоро дошла и до девичьего терема. Сперва до сенных девок, а потом и до Константиновой дочери Татьяны.

По свойственному женскому любопытству боярышня сама захотела посмотреть на великокняжеского витязя и почетного гостя отца, хотя сердце ее нашло уже себе суженого в защитнике от злодеев. К тому же он скоро пообещал быть в Новгороде. Спустя некоторое время боярин Константин вошел в терем дочери своей и повел с ней речь о походе на болгар. Будто в одной из битв сломался меч его и он заменил его

другим, но тот оказался не нравен Константину. Теперь он хотел заменить его на тот, что оставил когда-то у дочери: "Он некогда принадлежал отцу моему. Теперь я пришел за ним".

Дочь его от этой речи вся зарумянилась и, потупив очи долу, сказала: "Я отдала его защитнику моей жизни, но кто он, я не знаю". И рассказала отцу всю историю, которую ранее поведал ему Ратмир. Тут боярин попенял ей за неумеренную страсть к охоте, потом похвалил за то, что она подарила меч достойному, который успел прогнать этим мечом печенегов от Киева.

Рассказал все, как было, только умолчал об имени витязя. И, продолжая речь свою, сказал: "Все хорошо, только вот что не больно домыслимо. Ты поставила меня в тупик. Защитник твой еще в Киеве попросил у меня руки твоей. Но вчера пришел ко мне из Ростова еще один жених твой - сын единственного искреннего друга моего Претича Демьяна. И этот просит руки твоей. Ни тому, ни другому мне отказать нельзя. В таком случае придумай теперь, что мне делать, чтобы не огорчить ни того, ни другого. Оба они молодец к молодцу, что братья родные, единокровные, ростом и дородством схожи".

Как Татьяна услышала все это от отца, пришла в великое смущение, не знает, как ей быть. Она уже полюбила своего защитника и рада была вести, что он привез с собой ее меч из Киева. Но явление второго жениха озадачило красавицу.

Слова юрода, верховного жреца, о том, что быть ей Демьянихой Ростовской, пришли на память. Она едва собралась с духом, чтобы ответить своему родителю: "Я покорна воле твоей, отец мой любимый!" - "В таком случае я приведу к тебе обоих, сперва Ратмира-Демьяна - ростовца, а потом защитника твоего, - сказал отец. - Воли я тебя не лишаю, которого выберешь, тот и будет твой. Мое дело тут сторона. Только не поссорь меня, старика, с ними и не оскорби ни Демьяна, ни защитника твоего".

После этого боярин пошел к Ратмиру и стал его благодарить за спасение дочери от злодеев: "Я рад, что защитник моей дочери - сын единственного моего друга, надеюсь, ты не станешь гневаться на дочь мою за ее скрытность". Тогда Ратмир стал просить у боярина Константина дочь его себе в супружество. Отказу ему в этом не было. После пошли они к ожидающей их боярышне Татьяне. В великом смущении со страхом ждала она гостей. Внутренне красавица боролась сама с собой, не зная, кому отдать руку и сердце и как поступить, чтобы никого не обидеть и не огорчить отца своего. Войдя в светлицу, боярин Константин сказал: "Вот, дочь моя, привел я к тебе сына единственного моего друга Ратмира-Демьяна. Он просит тебя у меня в супружество себе. Теперь я схожу за другим женихом, твоим защитником, и пусть свершится воля твоя!"

При виде своего защитника Татьяна подумала, что отец ее шутит, назвав его Ратмиром. Зарумянившись, она стояла молча посреди светлицы, недоумевая, как все это случилось. Заметив смущение дочери, боярин сказал ей: "Ты хочешь быть Демьянихой Ростовской, а не другой чьей-то женой. Видно, уж мне за защитником твоим не ходить, довольно тебе и одного жениха Демьяна".

Боярин Константин Добрынич и ратарь Кудим От Рождества Христова 1005 лето

Князь Борис Владимирович, сын великого князя Владимира Святого, вступил на ростовский престол после брата своего князя Ярослава Владимировича, переведенного великим князем в Новгород. Этот князь Борис был любимым сын великого князя Владимира и мудро правил своим уделом. Ему способствовал немало поселившийся в Чудском конце некто пришелец из стороны Чухломы по имени Авраамий своими молитвами к Богу и советами князю Борису, который довел удел свой до полного совершенства. Торговля процветала во всей своей силе. По его ходатайству у великого князя ростовские купцы невозбранно торговали во всех городах княжества Русского. В это время наместник ростовский Ян Ушмович присоветовал князю Борису усмирить вятчан, теснивших болгарских купцов, для чего он послал в Вятку дружины свои с воеводой Крепкомыслом Повали рать и витязем Дикун Золотой пояс, которые усмирили их совершенно.

В мудром правлении князю Борису немало помогал советом боярин Константин, бывший тысяцкий Новагорода, поселившийся в восточной стороне Заозерья от города Ростова. К нему нередко ездил и сам князь Борис Владимирович под видом охоты, чтобы отдохнуть от дел правления княжеского, и проводил иногда у него немалое время, рассуждая об управлении областью.

По смерти князя Бориса Владимировича дремучий лес, где жил боярин Константин, окрестные жители стали почитать заколдованным, а боярина Константина за великого чародея и лютого волшебника. Эта народная молва избавила боярина Константина от взоров любопытных посетителей и докучливых путешественников, вследствие чего он жил мирно и безмятежно, воспитывая юную дочь меньшую свою Марию, которая росла и с каждым годом хорошела.

На опушке этого страшного леса жил в убогой хижине бедный ратарь-дровосек, по имени Лазарь, с женой своей, имел одного только сына, по имени Кудим. Супруги были уже престарелых лет. Сын их молодец был редких душевных качеств, при этом красив лицом, строен телом, высок ростом, кроток, благоразумен и трудолюбив.

Однажды у них в хижине прилучилось быть опальному иноку, теперь архимандриту Богоявленской обители Аврамию. Тот возвращался от великого князя из Владимира в Ростов. И сказал Авраамий старику Лазарю: "Сын твой в этом дремучем и страшном лесу найдет себе великое счастье. Тогда не держите его, а отпустите туда, куда он пожелает и когда настанет к тому время".

Прошло с тех пор немало лет. Старики-супруги еще более состарились, а их сын возмужал совершенно и стал быть детиною кровью с молоком, как говорили о нем тогда люди. В одну ночь старик Лазарь слышит неведомый голос, который велит ему послать сына своего Кудима в дремучий лес, где найдет он свое и их благополучие.

Старик Лазарь, хотя и был об этом предупрежден, но теперь весьма испугался: как послать в такой лес, и Бог знает зачем, сына своего, единственную подпору своей старости? Но он не сказал об этом никому. На следующую ночь он слышит опять тот же голос, который велит послать Кудима в лес. Этот голос теперь слышали все. Перепуганные этим супруги ударились в слезы. Они никак не могли расстаться с сыном и решиться отпустить его в лес и, быть может, на верную смерть. Сын уговаривал родителей оставить их, быть может, напрасный страх, напоминая им слова святого старца, столь всюду прославляемого. Настала, наконец, и третья ночь, в которую тот же голос повторил прежнее с прибавлением:

"Горе неимущим веры!" После этого делать было нечего. Старики наконец должны были расстаться с сыном своим, напутствуя его благословениями и слезами и давая ему пищу скудную.

Посох довольно почтенной толщины в руке Кудимовой и котомка за плечами были благонадежными его спутниками, с которыми он шел безбоязненно в дремучем лесу по

узкой и извилистой тропинке, с невозмутимым и спокойным духом, не зная сам, куда и зачем идет, не встретив ничего достойного какого-либо страха в пути своем, кроме веселого пения разнородных птиц и кузнечиков. Наконец к половине дня вышел он на довольно просторную поляну, пересекаемую на две половины гремучим ручьем, поросшим ольхою. Ручей игриво вился по поляне той. Тропа привела Кудима к перекинутому через ручей мосточку, небольшому, но со вкусом построенному. Это очень его удивило. Он шел по прямой дороге, проходящей чрез небольшой вертоград, пестреющий различными цветами, сияющими от полуденного солнца, да и сама дорога эта по обеим сторонам была усажена подсолнечниками и усеяна разнородным и разноцветным маком. Тропинка упиралась в небольшой, но красивый домик, окруженный хозяйственными службами.

Под длинным навесом того домика на его привалине видит он сидящего маститого старца преклонных лет, а подле него юную девицу чудной красоты. Старик читал вслух на коленях у него лежащие книги. Собеседница его со вниманием слушала чтение. Она одета была в пурпурную одежду, препоясана по чреслам золотым поясом. Длинные темно-русые ее волосы на голове связаны были искусно лазоревою лентою. Красота девицы и невиданный Кудимом наряд ее поразили его. Перейдя через ручей, он остановился в нерешимости, идти ли ему далее или нет. Старец извещен был девицею о приходе незнакомца, которого она издали хорошо рассмотрела. Старец немедленно закрыл книгу и обратил взор свой в ту сторону, где стоял Кудим. Он назвал его по имени и пригласил его на беседу к себе. Удивленный этим Кудим повинуется ему и робкою стопою приближается к ним с потупленным взором и пылающим лицом. Старец ласково приветствовал Кудима, обласкал и успокоил его, а потом посадил его рядом с собой. И, помолчав немного, как бы собираясь с мыслями, потом сказал Кудиму:

"Юный друг мой! Ты прежде всего узнай, с кем будешь речь вести. Я был некогда посадником и тысяцким новгородским. Имя мое Константин. Смерть супруги моей повергла меня в несказанную печаль. Для утolenия ее я занялся воспитанием дочери своей Марии, виновницы смерти своей матери. Зависть людская, подстрекаемая крамолами новгородскими, успела очернить меня в глазах юного князя новгородского Владимира Ярославича, пред которым я принял за стыд себе оправдываться в чем бы то ни было: ведь отец его Ярослав обязан мне многим, потому и имеет мудрый правитель Киевский ко мне особое расположение и любовь. Тогда я удалился с трехлетней дочерью моей из своей родины в Великий Ростов, где цвела в тереме Демьян старшая дочь моя Татьяна, супруга Ратмира-Демьяна. Но там не нравна стала казаться мне шумная жизнь столицы Ростова. Она заставила меня вспомнить эти места, где я поселился теперь и на которых допрежь сего с ростовским князем Ярославом Владимировичем охотился, который часто возил меня с собой то в свою удельную собственность слободу Угожь, то в заповедные Песьи луга. Живя у Демьян, я вспоминал это место, которое так щедро украсила рука природы.

Любовь к наукам и тишина сельской жизни заставила меня поселиться здесь. В пустынной тишине воспитывал я дочь мою, до которой не доходил еще городской шум столицы. Она вела жизнь простой поселянки. Тишину моего уединения нарушала нередко дочь моя Демьяниха и князь Борис Владимирович со своим оруженосцем Торопкой Голованом. Он любил здесь в окрестностях охотиться. Всем, кроме его и дочери моей Татьяны, известен я был под именем пустытника Всеведа, а впоследствии слыл напрасно за лютого чародея-волшебника и страшного людоеда. Здесь князь Борис любил со мною проводить время, ведя речи о благосостоянии его удела. В свободные от бесед часы он занимался с юной дочерью моей Марией. Расспросы ее об обьгааях столиц Киева и Ростова располагали его всегда на длинную беседу с ней. Из-за остроты ума Марии он нередко затруднялся отвечать ей. Рассказы князя Бориса о роскоши столичных красавиц и обычаях их пугали ее.

Смерть князя Бориса заставила меня оставить здесь все и ехать к давно призывавшему меня князю Ярославу в Новгород. От него я поехал в Киев к великому князю. Оттоле возвратился в Ростов с супругою его великой княгинею Ингигердой, сыном его князем

Владимиром Ярославичем и дочерью его Анною. Дочь моя Мария находилась в это время у сестры своей Татьяны.

После смерти князя Бориса дочь моя Мария так возненавидела столицы, что с отвращением слушала рассказы о них и не знала, как дожидаться меня из Киева, чтобы переехать сюда. В это время она упросила меня, чтобы я взял с собою сюда и бывшего оруженосца князя Бориса Торопа Голована-Альтю, получившего себе такое имя по реке Альте. Рассказывают, что он был брошен в глубокий овраг, в котором чудесно ожил и с глубокими язвами пришел в Ростов и стал первым там вестником о смерти князя Бориса. И я по желанию Марии Торопа Альтина взял с собою сюда со всей семьей его. С того времени потекла опять тихая и безмятежная жизнь наша. Небольшой сад приносит нам все нужное. Мария, Тороп и сын его Ждан - блюстители саду и вертограду нашему. Жена Ждана - домоправительница, а дочь Торопа - подруга Марии. Небольшое стадо домашнего скота дополняло наше сельское хозяйство. Ты первый после князя Бориса навестил нас. Но эта речь шла только обо мне. Теперь будет речь моя об ином, в котором вся суть. Выслушай, к чему она клонится. Это было давным давно, вскоре после первого приезда моего сюда.

Повстречался со мной в здешней стороне святой инок, теперь - архимандрит Авраамий, шедший от великого князя Владимира из города Владимира в Ростов. О пути его туда рассказывал мне много чудесного князь Борис Владимирович. Не пропустив такого благоприятного случая, я не преминул спросить у старца о некоторых касающихся меня делах. И получил от него весьма удовлетворительные ответы. Наконец я спросил у него о будущей судьбе моей дочери Марии, бывшей еще малолетком. На это он отвечал мне так: "Мария и Кудим Лазарев - одно и то же!"

Далее об этом говорить он мне не стал. Досюль я не мог найти между князьями, боярами и витязями и другими словущими людьми Лазаря с сыном Кудимом. Время все изгладило у меня из памяти. Мария стала взрослою, а я развалиной. Последнее было причиною многих бессонных ночей и дум моих об участи Марии. Пройшей ночью неведомый голос сказал мне вот что: "Завтра в полдни придет к тебе Кудим, Лазарев сын!" И тут я вспомнил слова архимандрита Авраамия. В назначенное время я ждал твоего прихода и дождался. Дочь моя первая увидела тебя и сказала мне о тебе. Теперь к тебе мое слово, Кудим. Перед тобой дочь моя. По слову Авраамия, можешь ли ты сделать ее счастливою? Вместе с рукой ее я передам тебе мое имя, все добро мое и добро моих предков. Взамен всего этого будь ей добрым супругом и спутником в ее жизни. А она будет тебе покорной женой!"

Старец умолк и ожидал Кудимова ответа.

Ответ Кудима был краток. Он спешит лобызать старца и клянется быть его покорным сыном. В это время боярин Константин берет трепещущую руку Марии и соединяет оную с Кудимовою, так говоря ему: "Теперь я благодарю Бога, что исполнилось мое желание. Теперь я надеюсь пожить спокойно среди вас остаток дней своих!"

Солнце стало клониться к западу, Кудим в сопровождении Торопа с великими дарами возвратился к своим родителям, которые, проводя сына своего в лес, не сходили с того места, где расстались с ним, и плакали тут о нем оба безутешно до возврата его оттоле. По приходе своем к ним Кудим рассказал им, что случилось в страшном лесу. И стал он их просить переселиться с ним в дом боярина Константина. Родители Кудима не помнили себя от радости, когда увидели возвратившегося к ним сына своего и еще не одного, а с дарами и вестью, что он нашел себе суженую там, где они ожидали его гибели. От того они еще более обрадовались и решились тотчас идти туда с ним, не заходя уже в убогую свою хижину. И пошли они с Кудимом и Торопом к боярину Константину.

Долго жил боярин Константин среди цветущей семьи своей. Он помер в глубокой старости в лето 6546-е, а по-нашему в 1038-е, мая в 21-день. Ростовский князь Владимир Ярославич предал тело его с великою честью погребению на месте, нарочито избранном в Ростове. Там стоит ныне приходская церковь святых равноапостольных царя Константина и

матери его царицы Елены.

Однажды крестный сын ростовского князя Бориса Владимировича по имени Вадим прозванный Бесстрашным, бил ему челом и просил поговорить с его старухой-матерью, упросить ее, чтобы она отпустила Вадима в чисто поле погулять, людей посмотреть и себя показать.

Князь обещал ему исходатайствовать у его матери то, что он просил. В непродолжительном времени князь Борис пришел к старухе, Вадимовой матери, и уговорил ее отпустить Вадима в чисто поле погулять, людей посмотреть и себя показать, говоря ей так: "Не гоже такому молодцу на печи сидеть и слушать сказки про русских богатырей. Надо самому про себя сказку складывать. Без сказки витязь - что птица без крыльев".

Выехал Вадим в чисто поле погулять, людей посмотреть, себя показать и силу свою померить. Нет ему нигде торного пути-дороги, и не знает он, куда путь держать, не с кем ему и силою помериться. Недалеко от своего боярского терема он наехал в дремучем лесу на три дороги бойные. Не знал он тут, по которому пути ему путь держать. На счастье его идет навстречу ему калика перехожий. Вадим стал тут у него спрашивать: "Ты скажи мне, калика перехожий, куда какой путь лежит?". Калика тут отвечал ему: "Брожу я по белу свету без году полтора сорок лет, исходил я из конца в конец всю землю Святую Русскую во все четыре стороны. Много я видел чудного на Святой Руси. А такого дива я не видывал, как во Славянской земле, на берегу реки Меты быстрые, на кургане Славяновом, у поселка Брони. Там за дверями железными, за замками булатными заперта сидит красна девица. Сродясь я красоты такой не видывал. Она - дочь лютого разбойника и волшебника Ярозлоба Ненавистника: так его прозвали мужики новгородские. Этот разбойник всех любопытных, проходящих близко от его терема, убивает досмерти. А головы их втыкает на железный тын, стоящий вокруг того кургана. Много делает он зла как ближним, так и дальним жителям и всем пятинам Великого Новагорода. На кургане том хранит он несметные сокровища. Тут два добрых дела разом сделаешь: ты очистишь землю от разбойника и выведешь из неволи красавицу".

Такие слова калики перехожего Вадиму добре полюбились и как раз они ему по нраву пришлись. Хочет он побывать в Великом Новгороде, хочет он взойти на курган Славянов, хочет он со злодеем Ярозлобом силами помериться. Для этого брал он благословенье великое от своей старухи-матери на путь-дорогу дальнюю. А от отца своего крестного князя Бориса Владимировича брал грамоту челобитную брату его князю новгородскому Ярославу Владимировичу, чтобы он там призрел его. Ехал Вадим путем-дорогою время немалое, наехал он на пути том на избушку курную среди лесу дремучего. Тут Вадим захотел узнать, кто в этой избушке коротает век.

Взошел в нее и видит он в ней: сидит одна старуха старая, прядет за прялкой куделю чесаную, от веретена по избушке шум идет. Тут Вадим Спасову образу молится и старухе бьет челом. Челобитье его старухе в излюб пошло. Весело назвала она его разумным молодцем, напоила, накормила, а потом спросила у него, куда он держит путь дороженьку. Вадим сказал ей всю правду-истину. На это старуха говорит ему:

"Счастливым ты, Вадимушко, на свет рожден и, знать, в великодневную утреню. Поезжай ты, Вадимушко, теперь на Славянов курган. Там судьба твоя то тебя и дожидается. Не забудь только взять с собой из Новагорода святую часть от Корсунских ворот, которые принес с собой великий князь Владимир к святой Софии из Корсуни-города. Попы соборные за хорошую подачку дадут тебе оную. Без того не ходи ты на Славянов курган".

Вадим поблагодарил старуху за добрый совет ее, простился с ней и поехал путем-дорогою к Великому Новгороду. Путиная его туда была благополучная. По приезде своем туда он прежде всего бил челом князю Ярославу Владимировичу. Отдал ему от брата его грамоту и челобитье его великое. Долго новгородский князь с Вадимом речи водил, что в бывшем уделе его делается. А Ингигерда Ярославиха выпрашивала Вадима на особицу, все ли в Ростове по-старому и по-прежнему. А Ярославич-князь все выпрашивал у Вадима о

богатырях земли Ростовской. С Вадимом они побратались и пошли вместе к старому попу со борному по святыню Корсунскую. Щедрая подача Вадимова на ум старого попа наставила. Он дал волю Вадиму брать святых частей сколько надобно. Служили тут ему попы молебны водосвятные. Тратили на них полпуда ладону и полтретья пуда свеч воску белоярова. Проговорили они Вадиму "счастливой путь" на все четыре стороны, куда он будет путь держать.

Живучи в Новгороде, узнал Вадим место, где стоит Славянов курган, кто живет на нем, о том много худых он речей наслушался от новгородской вольницы. Немало было ему рассказано и хорошего от новгородских князей и бояр. Они того разбойника за хлеб-соль не похваливали и Вадиму советовали побрататься с ним: для хорошего-де он и сам хорош!

Скоро собрался Вадим на Славянов курган, надевал он на себя доспехи ратные из стали вороненой, при бедре повесил свой меч-кладенец, и вместо щита берет он часть святую Корсунских ворот. Садится Вадим на добра коня богатырского. А конь под ним, что лютый зверь. Только его тут и видели. Скоро Вадим будет на берегу Меты-реки. Там для себя чрез реку перевоза он не спрашивает. Перенес его на себе чрез реку ретивый конь в богатырский скок с берега на берег. Дикая пустыня царила вокруг кургана Славянова. Дремучий лес окружал его наверху. Что гнездо орлиное, стоял терем разбойничий. Идет Вадим на широкий двор. Посреди его курган стоит. Въехал Вадим на курган по пути бойному.

Напоил он там ключевой водой своего коня богатырского и насыпал ему пшеницы белояровой, привязавши его к дубову столбу за кольцо, по булату злаченое. И со святынею Корсунскою смело пошел он к неприступному терему. Живой души там нигде не видать. Все двери на пяты растворены. Лестница в терем чисто была выметена и коврами цареградскими устлана. Входит Вадим в сени тесовые. Ни души живой в них не было. В терем вошел — тишина могильная. Входит он, наконец, в опочивальню разбойника. Видит он там девицу дивной красоты. Стоит на коленях и горько плачет пред одром умирающего. Окладистая седая борода покрывала грудь его. Вид умирающего внушал не только к нему почтение, но и любовь. Величественная и мужественная наружность его показывала в нем храброго витязя, который простирает к Вадиму руки и едва слышным голосом говорит стоящей пред ним на коленях плачущей девице: "Дочь моя! Твой посланный небом покровитель пришел и, как было сказано, в руках у него святая часть от тех ворот, которые нес на раменах своих из Корсуна-города до святой Софии Премудрости Божий". После этого он падает в изнеможении на возглавии своем и долго лежит на нем, собираясь со своими силами.

Плачущая красавица, о которой говорил калика переходжий, погружена была в созерцание умирающего отца и не чуяла прихода Вадимова. Теперь только увидела она того, которого отец ее назвал покровителем своей дочери. Она взглянула на него и смутилась. Пред ней стоял высокий, статный и притом красивый и молодой витязь.

Утерев свои слезы, вся покрывшись румянцем, она сказала Вадиму с робкой стыдливостью:

"Подойди сюда поближе, витязь, умирающий не был и не будет никому злодеем, а в особенности при смерти". Вадим повиновался ей, подошел к одру умирающего, встал подле переставшей плакать красавицы и смотрел на борющегося со смертью ее родителя.

Последний, наконец, открыл глаза свои и сказал Вадиму: "Сын мой! Лета мои позволяют мне назвать тебя этим именем. Я желал бы и всегда называть тебя так, но Провидение располагает по-своему. Меня здесь никто не знает.

Здесь известен я был под именем разбойника Ярозлоба. Злые люди, которых я, не щадя, жестоко наказывал, за это ославили меня страшным разбойником. Я не опровергал эту молву, потому защищаемые мною слабые говорили в мою пользу многое. Теперь, умирая, открою я тебе имя мое. Некогда я был одним из витязей великого князя Владимира. Имя мое - Дюк Степанович. По смерти незабвенной супруги моей Всеславы я остался с живым подобием покойной жены дочерью моей Людмиллой и удалился с нею от шума

великокняжеской столицы, Киева, на свою родину в Великий Новгород. Но и там тот же шум городской заставил меня удалиться сюда, на Славянов курган, и на древних развалинах основал я здесь жилище себе. Здесь я с дочерью моей и двумя супругами, служителями моими, жил безмятежно. Наконец, пришло такое время, что я стал иметь думы о будущей судьбе моей дочери. Но человек предполагает, а Бог располагает. Так случилось и со мной. Недавно один старец, житель поморских лесов, повстречался со мной на берегу реки Волхова, близ Холопьево городка. Он предрек мне скорую смерть мою и именно в сей день. И вместе с тем назначил в спутники жизни дочери моей того, кто принесет святую часть Корсунских ворот. Имя ему - Вадим, сын Варсонофья Пужболы Барбаша. "Это сын единственного моего друга и бранного моего товарища по оружию" - сказал я тогда старцу тому. Тот подтвердил сказанное мной. Тогда одна весть старца того опечалила меня: смерть моя. А другая обрадовала: судьба дочери моей. Теперь и обе весты старцевы мне радостны. Я видел сына друга моего и воспитателя супруги моей Всеславы. И если будет угодно Богу, то ты будешь спутником в жизни моей дочери, круглой сироте. Я рад, что все добро мое перейдет в руки сына, отец которого был благодетелем супруги моей. А мать твоя воспитала ее, сироту, и наградила меня ею. Теперь я умираю спокойно и верю, что при сыне друга моего дочь моя не останется сиротою".

Сказав это, Дюк Степанович преставился, испустив дух на руках своей дочери.

Досюль утопающая в слезах Людмила, стоя на коленях у одра умирающего, теперь в беспмятстве упала на грудь своего отца. По слову Вадима плачущие старики-супруги отнесли Людмиллу в ее опочивальню, где ее няня осталась при ней. А старик-служитель с Вадимом занялись устройством всего необходимого для погребения Дюка Степановича. Вадим вел себя как хозяин в доме и зап равлял всем при погребении.

Но всему приходит конец: как радости, так и печали. Поплакали, погоревали о Дюке Степановиче, которого попы соборные похоронили на верху кургана Славянова подле его терема. При погребении его был тут и князь Ярослав Владимирович со всеми своими князьями и боярами: отдал он последний долг знаменитому витязю Дюку Степановичу.

На первых порах, когда Вадим получил себе руку Людмиллы, он старался всеми силами утолить печаль ее. Для того построил он тут над могилой Дюка Степановича небольшую деревянную церковку. Попы соборные взялись служить в ней века вечные: по праздникам обедня с панихидою. В постройке церковки и снабжении оной всем необходимым прошло немалое время. Тогда Людмила жила в тереме у княгини Ярославихи на дворе Ярославовом. А та взялась быть посаженной матерью у сиротки Людмиллы. А Вадим в это время жил на кургане Славяновом и что нужно там устраивал. А после сорочин стал собираться в Великий Ростов со всем добром Дюка Степановича. Сборы его были нешуточные. Приданого вена пошло за Людмиллою полсорока возов добра разного да пять возов золотой казны и серебряной.

Вместо себя княгиня Ярославиха послала с Людмиллой деверем сына своего князя Святослава Ярославича. Нежданно-недуманно подъехал Вадим к своему терему боярскому, куда въехал на широкой двор Пужболы и бесконечный обоз вена Людмиллина. Усмотрела в окно Вадима его родная мать. От радости она под собой земли не чуяла. Выходила тут она скоро навстречу ему. Но вдруг на пути своем опешила: видит - Вадим ведет под руку Всеславу, ее названную дочь, которую она выдала за Дюка Степановича. Стоит и думает: Всеслава моя, как мне сказано, давным давно померла, а Дюк Степанович пропал без вести из стольного Киева. Так говорил ей и князь Борис Владимирович. А Вадим ее живую ведет! Но какая же ей была радость, когда она узнала, что это дочь Всеславы и Дюка Степановича Людмила и что сына ее Вадима она - суженая! Обнимая со слезами Людмиллу, Ярославиха часто называла ее Всеславою.

Вскоре после этого совершилось и брачное торжество Вадима с Людмиллою. У него посаженным отцом был князь Борис Владимирович, а у Людмиллы деверь был князь Святослав Ярославич, тысяцкий был богатырь Святогор, сын богатыря Осой Наложки руку,

дружкой был Дикун Золотой пояс.

Князь Мстислав Новгородский От Рождества Христова 1053 лето

Князь Мстислав Владимирович был старшим сыном великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Чудное событие произошло с ним из-за его неверия. Тем неверием он с избытком напитался от купцов Ганзы. Неверие это состояло в следующем.

Вскоре по принятии им в удельное владение Ростовской области он, по примеру других князей, занялся различными светскими науками. От того он стал гордым и неприступным. Всему виной было его несметное богатство поклады цареградские, добытые его предшественниками. В это время на Ростовском святительском престоле восседал святой Леонтий. Однажды князь Мстислав, находясь в своем тереме, вел пространную беседу со святителем. Он коснулся слов Священного Писания "богатии обнищаша" и засомневался, что такое может произойти. Святитель кротко возразил ему и не посоветовал князю возлагать надежду на несметное богатство свое, представив ему немало примеров из Священного Писания об обедневших богачах. По эти примеры не убедили князя. Он не поверил в тщету богатства земного, в чем его уверял святой Леонтий. Прошло немало времени после беседы князя со святителем. В один знойный летний день князь Мстислав охотился на берегу речки Пуры. Полуденный зной столь утомил его, что он решил выкупаться в этой реке. Будучи большим мастером плавать, он переплыл на противоположный берег. Оттоле он увидел, что в оставленную им на том берегу одежду оделся неизвестный ему человек. А свою тот оставил тут же на берегу и скрылся в чаще леса. Увидев это, князь быстро переплыл реку и обнаружил вместо своей одежды одну только лишь звериную шкуру неизвестного ему зверя.

Долго князь ходил нагой по берегу реки и по лесу, пытаясь узнать, куда же скрылся незнакомец, искал его и звал, но все было напрасно. Князь не считал приличным ходить по лесу нагому, не хотел идти в таком виде в ближайшее селение для того, чтобы промыслить себе одежду и прикрыть ею нагое тело. По долгому размышлению он решил прикрыться оставленной ему тут кожей и все же пойти в селение, чтобы добыть хоть какую-нибудь одежду и в ней возвратиться в город. Князь примеряет на себя кожу и находит, что она плотно облегает тело и достаточна для того, чтобы прикрыть ею свою наготу. Но лишь только он надел на себя эту кожу, как почувствовал, что она крепко прильнула к его телу и не отстает от него. Вдруг мысли его помутились и память его затмилась, и он чувствует себя уже тем зверем, кожу которого он надел.

Тут он побежал вдаль, будучи зверем, гонимым каким-то страхом. По чутью обоняния своего нашел он стадо подобных зверей, щиплющих траву на берегу Ростовского озера. И он присоединился к ним и стал питаться той же травой, как и они. На ночь все стадо тех зверей уходило в находившуюся недалеко оттуда пещеру. Днем не зримые никем звери паслись сами собой на берегу озера.

Сколько пробыл в этом положении князь Мстислав, ему осталось неизвестным. Только в один из дней, выйдя по обычаю из пещеры на берег озера, он вдруг стал мыслить как человек. Кожа звериная спала с него сама собой и упала на землю. И он увидел, что перед ним лежит на земле платье калики перехожего. Он тотчас надел его и немедленно превратился в калику перехожего. Звери увидели среди себя человека и стремительно убежали в лес, скрывшись из глаз князя, ставшего вдруг человеком. Тут князь пожелал разглядеть кожу, которая раньше была на нем, и захотел узнать, какому зверю она принадлежит. Но кожа испускала из себя такое нестерпимое, убийственное зловоние и вся кишела червями, точащими ее. Скоро они ее источили совершенно, так и не оставив ни кусочка. Пещера, где ночевало стадо звериное, превратилась в холмистое возвышение, довольно знакомое ему, где он часто имел отдохновение, когда досюль был на охоте в той стороне. Это возвышение находилось недалеко от города.

Дня за два до того события к наместнику ростовскому Нечаю приходит человек в облике князя Мстислава и говорит ему, что он отлучится из города на два дня по важному

своему княжескому делу и велит ему встретить себя на перевозе через реку Ишню, где стоит церковь, построенная еще святым Авраамием архимандритом. "В это время,- говорит наместнику мнимый князь Мстислав, - я буду в одежде калики перехожего".

Все это с князем Мстиславом воочию совершилось, а на самом деле он был все это время без ума. Когда он получил совершенное исцеление от своей болезни, тогда признал перед святым Леонтием свою вину, оставил надежду на богатство свое и стал верить книгам Священного Писания. И на память о сем дивном чуде велел поставить на том месте, где была пещера, терем и назвал его Звериный стан.

Святой Прохор и новгородские ушкуйники От Рождества Христова 1120 лето

Святитель Прохор, в миру Прокофий, был сыном простого пахаря, по имени Игнатика, небогатого, доброго и верного селянина, имевшего убогую хижину на берегу реки, Прони.

В одно время отец Прокофия работал с ним в лесу: срубали для себя столетние деревья, устудились оба и легли отдыхать под тень большого дерева и уснули. Отец Прокофия видит во сне, что рой пчел сел на уста Прокофия и наполнил их сотами. Такой же сон видел и сам Прокофий. Когда они проснулись, то отец и сын рассказали друг другу свои сны, удивлялись виденному и долго рассуждали о том между собою, но не могли постигнуть тайны сна. Немного времени прошло после того, как в одну ночь, сперва в тонком сне, а потом и наяву, отец Прокофия слышит голос, повелевающий ему отпустить Прокофия во иночество в Авраимеву обитель. И сыну его неведомый голос тоже повелевает быть иноком согласно его же желанию из давних лет. Он и прежде говорил об этом отцу, но, не получив согласие на иночество, не смел уже более напоминать ему об этом, потому как отец Прокофия был давно вдов, имел более желание женить своего сына, единственную подпору своей старости, на красивой дочери соседнего богатого пахаря. Прокофий просил отца своего не принуждать его к этому браку, а отпустить его в обитель, но отец не желал ничего слушать и хотя не стал принуждать его к браку, однако не оставлял своих тайных помыслов, выжидая только время подходящее. Он надеялся на то, что изменятся мысли Прокофия и он все-таки женится.

Прошло немало времени после того, как они в первый раз услышали голос во сне. Отец Прокофия слышит снова тот же голос, который повторяет те же слова с присовокуплением, что у сына его скоро потекут из уст соты медовые. Отцу Прокофия никак не хотелось расстаться с сыном. Он предполагал, как и прежде, женить его на богатой невесте и состариться среди внучат своих. Но Провидение распорядилось иначе. В последующую ночь тот же голос, но уже грозный, страшал неповинующегося наказанием. Устрашенный этим отец Прокофия, хотя и со слезами, но отпустил сына во иночество. Так Прокофий стал иноком. Примерная жизнь скоро возвела его на степень настоятеля Авраимева монастыря и духовника князя Юрия Владимировича Долгорукого. Там в одно время он чудесно остановил движение озерного льда на обитель во время половодья весной, в день святого Антипы Водопола. Тогда лед, гонимый сильным юго-восточным ветром, разрушил многие дома близ Авраимевой обители на Подозерной проезжей улице, но обители не навредил.

Немного времени спустя блуждающая шайка новгородских ушкуйников, числом около двадцати человек, хотела ограбить обитель Авраимеву. Настоятель ее архимандрит Прохор предугадал об этом и помолился преподобному Авраимию о защите обители своей.

Ушкуйники глубокой ночью подошли к обители и простояли пред ней целую ночь на одном месте. Поутру рано живущие окрест обители люди, отправляясь в город на торжище, увидели большую артель чужих людей, стоящих на одном месте и громко между собой разговаривающих.

Затем вдруг все увидели, как они спешно двинулись по дороге, сильно топая ногами и размахивая в такт ходьбе руками. По выговору речи их признали за новгородцев. Земля от топота их ног быстро превращалась в месиво. Видя такое чудо, отовсюду стекался сюда народ, потому что это случилось на самом бойком месте. Все дивились тому и смотрели на них в то время, как новгородцы на словах поощряли друг друга, предлагая поспешить в пути, а сами не двигались с места и ничего не замечали вокруг.

Весть о таком дивном чуде дошла до настоятеля Авраимева монастыря Прохора, который будто бы не зная ничего, послал им туда из обители по наказу святого Авраамия прежде сваренного сочива и по округу хлеба, так говоря принесшим эту весть людям: "Путники эти голодны, накормите их, они утомились в пути своем. Скажите им, что святой Авраамий прислал им это".

Все было исполнено по слову настоятеля, и лишь только сказали им, кто прислал новгородцам эту пищу, как все они как бы пробудились ото сна и стали дивиться, увидев обитель Авраамиеву и великое множество народа, вокруг стоящего и смотрящего на них. От ростовцев новгородцы узнали, что, стоя на одном месте, они топали ногами и размахивали руками. Тогда ушкуйники с радостью приняли присланную им пищу и со слезами раскаяния на глазах стали всем рассказывать, кто они и зачем так долго и спешно шли к обители. И после этого они стали жаловаться, что страдают от утомления ног своих, как будто бы они долго шли издалека. В это время пришел к ним настоятель обители Прохор, которому они со слезами исповедали грех свой и просили у него прощения. Настоятель кротко простил их и поучил их довольно, как должно жить и трудиться без вреда другим, как оставить тот их богопротивный промысел. Тут ушкуйники стали просить настоятеля разрешить им поселиться в Ростове и жить им на том месте, где они так чудесно путешествовали целую ночь, сказавши при этом о себе, что они большие мастера варить новгородские квасы.

Вскоре после этого настоятель Авраамиева монастыря архимандрит Прохор возведен был в сан епископа Ростовского. По принятии этого сана он с князем Юрием старался искоренить зло в своей пастве, причиненное наместниками и тиунами. Одного такого наместника он наказал слепотой, чтобы тот, как аспид, не видел уязвленных им жертв, а только бы слышал их жалобы. Другому тиуну святитель предрек скорую и притом мучительную смерть, если он не изменит жизнь свою, но тот из-за корыстей своих пренебрег увещаниями святителя и только посмеялся над владыкой с друзьями своими верными, но слова владыки скоро исполнились.

Тиун тот, будучи на охоте, убился: расвирипел конь его, и он упал с него на землю, во время падения одна нога осталась в стремени, и та ким образом влачимого и обезображенного, но уже мертвого конь притащил его к дому его.

Князь Юрий Долгорукий, Соколиха и новгородские ушкуйник братья Залешаны От Рождества Христова 1123 лето

В одно время князь Юрий Долгорукий вздумал один без всякой свиты под видом простого латника побывать в Николин день в отчине боярина и воеводы своего Громилы Микульчича в Нагорной пятине. И был тогда Николин день. Погрузившись в думу о своих делах княжеских, он сбился с дороги и совсем потерял направление. С горя он стал блуждать по дремучему лесу. Долго он так блуждал по горам и стремнинам между реками Сарой и Кучебежью, пока, наконец, по извилистой тропинке не наехал на одиноко стоявшие хоромы на небольшой поляне. Утомление от пути не притупило в нем любопытства.

"А кому принадлежат эти хоромы и кто живет в них? - спрашивал сам себя князь Юрий. - Люди добрые, отзовитесь!" - закричал он зычным голосом.

Нет ответа. Тишина. Тогда князь спешился, привязал коня к столбу, а сам пошел в терем. Чистота и порядок без пышности чувствовался на всем. Войдя в горницу, он увидел там накрытый белой скатертью стол, уставленный различными яствами и питиями для многих людей. Не встретив никого в хоромах, князь весьма удивился и не знал, что и подумать об этом, с кем поговорить. На шум его шагов и доспехов выходит к нему высокая и дебелая средних лет женщина, крепкого телосложения, прилично званию хозяйки одетая. Князь, сочтя ее за хозяйку дома, извинился перед ней, что безвременным своим приходом помешал, быть может, ее хозяйственным занятиям и обеспокоил ее. Причина тому одна: заблудился в лесу. Сейчас он узнал от нее, что у них в доме нынче семейный праздник - Николин день. Хозяйка дома стала просить его остаться у нее и быть гостем: так у них для путников исстари ведется. Князь охотно согласился на ее предложение и завел с ней разговор о хозяйстве и о настоящем дне и, наконец, спросил у нее, как зовут гостеприимную хозяйку.

"Меня все здесь называют Соколихой, по имени умершего мужа моего, отвечала ему хозяйка дома. - Я - мать четырех сыновей, которые теперь все взрослые молодцы".

Тут князь спросил у Соколихи, почему он не видит здесь ни одного из них и почему стол накрыт более чем для четырех человек. На это Соколиха отвечала ему так: "Я говорила тебе прежде, что у меня нынче праздник - Николин день, а дети мои все ушли в церковь святого Николая Мирликийского помолиться.

Эта церковь отселе недалече, построена при тереме боярина Громилы. Храм этот чудный всем на диво. Оттоле дети мои придут со своими товарищами, такими же молодцами, как и они. Потому и будет у нас праздничный пир. Мы нарочито празднуем этот день, весьма для нас памятный по бывшему много лет тому назад чуду святого Николая".

Князь стал просить Соколиху рассказать ему об этом чуде святого Николая. В свою очередь и она пожелала узнать, кто гость ее и где дедина-отчина и куда он держит путь свой. На это князь отвечал ей так: "Я - простой латник, послан воеводой Волчьим Зубом к боярину Громиле да заблудился в лесу. Теперь не знаю к нему дороги".

Слова князя расположили Соколиху к откровенности, и она, памятуя его просьбу, рассказала ему о чуде святого Николая. Вот ее рассказ.

"Дети мои и товарищи, которые придут сюда, были людьми легкого промысла, те же ушкуйники новгородские, брали все, что не клали. Теперь ты, я думаю, понял, что они были за люди и чем промышляли. На промысел ходили они всегда на реки Волгу и Оку, доходили они и до царства Хвалисского и до столицы онога, города Ателя, мерились силами с хвалисским царем, с Кей-Магомедом, под рукой царевича хвалисского Анчал-Усана. Главный притон их был в Водской пятине, на реке Которосли, который и прозвали местные жители Братовщиной. Все шло у них успешно и хорошо, только этот промысел их, хотя и был им прибылен, но мне был противен. Скорое умножение богатства нашего было мне не по нраву. Много раз принималась я удерживать их от грабежа, бранила их и грозила уйти от них, но им все было как об стену горох: ни слова, ни советы, ни слезы

- ничто не помогало. Они с покорностью во всем мне повиновались, кроме ушкуйничества. Братья приводили мне в пример новгородцев, у которых дети тысяцких да и сами посадники не гнушаются этим промыслом. Делать мне более с ними было нечего. Оставив это, я принялась за другое, а именно за молитву, и стала молиться ныне чтимому святителю Николаю, чтобы он исправил их, как знает. Молитва моя скоро им была услышана, и он скоро исправил их совершенно следующим образом. Однажды ночью, тому назад уже немало лет, удальцы мои с товарищами своими разграбили недалеко отсюда стоящий терем боярина Громосила, узнав предварительно, когда его не будет дома.

Я этого их поступка тогда, по совести, совсем не знала и не могла даже допустить, что такое может произойти. Весь народ в то время находился в церкви на заутрене, кроме малых ребят и баб-стряпух, готовивших праздничный обед с поставца боярского: так водилось у боярина исстари. Народу о нападении разбойников на терем боярина объявили еще в церкви. Это сделал старик-поп, но никто не тронулся с места до окончания службы. По слову того же священника верующие мысленно вручили заботу о тереме боярина тому же святителю Николаю. Тем временем служба окончилась, все верующие вышли из церкви и спешно направились к боярскому терему, благо тот находился недалеко - напротив церкви. На дворе стало уже тогда светать. К великому удивлению собравшегося парода все удальцы-разбойники находились возле терема. Они стояли на одном месте, как слепцы, связанные одной веревкой, вместе с награбленным добром, ничего перед собой не видели, даже дороги, куда идти. Тут народ их всех без труда повязал и хотел уже было их всех повести в подвал боярского терема и там посадить под стражу, а затем сообщить обо всем боярину, как вдруг видят, что замки отвалились сами собой, двери церковные сами собой растворились с шумом настезь, но не внутрь церкви (как положено), а наружу.

А вслед за этим из церкви вышел старичок среднего роста, в подризнике, точь-в-точь такой, какой написан на храмовой иконе. Увидев его, люди опешили. Старичок подошел тогда к толпе и велел развязать всех связанных разбойников. Их немедленно развязали. Тогда дивный старик обратился к слепым удальцам и к их предводителю. Он назвал старшего моего сына по имени и сказал ему, что он возвратит удальцам зрение и не предаст их в руки правосудия, если только они оставят навсегда свой позорный промысел. Тут они все пали пред ним на колени и клятвенно заверили, что отказываются от этого промысла. А один, хотя и стоял на коленях, но в сердце своем этой клятвы не произнес. По слову старичка все прозрели, кроме одного. Тут все увидели стоящего перед ними благолепного старца, сияющего дивным светом. Тут они пали ниц пред ним и со слезами просили у него прощения за прошлые свои дела. Старичок поучил их довольно, как им надо будет жить, потом благословил каждого из них, называя по именам, не спрашивая подробно о прегрешениях. А последнему слепцу объяснил, сколько времени ему надо молиться Богу, чтобы получить исцеление. На расстанях тот старичок сказал моим сыновьям, чтобы они помнили этот день. Потом в виду всех пошел обратно в церковь. За ним двери церковные сами собой затворились и замки сами собой заперлись. И настала тишина.

С тех пор этот день праздновали все братья и единодушно славилы святителя Николая, которого узнали в том старичке. С того времени и досюль все мы в округе празднуем день чуда святого Николая".

Закончив свой рассказ о причине настоящего торжества, Соколиха добавила, что дети ее и их товарищи ушкуйники действительно оставили свой опасный промысел и живут теперь каждый своим домом. "А здесь ежегодно в этот день в память чуда святого Николая мы собираемся на общее духовное торжество и на братскую трапезу", - сказала Соколиха. Из дальнейших расспросов князь узнал, что Соколиха была дочкой ростовского боярина Щапа Долгой руки и женой внука ростовского богатыря Осоя Наложки руку.

"Удивляюсь я, - заметила Соколиха, - что мои удальцы так долго замешкались. Давно бы им пора быть дома, а не в поле. А их нет как нет, да и только. Разве случилось что

там, или незадача какая им пути не дает? Такое бывает иногда".

Спустя некоторое время князь видит перед собой навстречу идущую толпу давно ожидаемых молодцов. Они были все стройные и сильные, как на подбор. Тихо и чинно взошли они в дом. Увидев незнакомого латника, стоящего рядом с матерью, они все учтиво ему поклонились и по обычаю поприветствовали. Тут Соколиха сказала старшему своему сыну, что за гость у них, и добавила:

"Святой Николай к нам гостя прислал вместо себя". Но сын продолжал недоверчиво смотреть на латника и спрашивает у князя: "Зачем ты послан к боярину Громиле?" Латник спокойно и доверительно отвечал ему:

"Князь Юрий хотел быть в гостях у боярина да припозднился, вот и послали меня объявить боярину, что князь не приедет, да я, по несчастью, заплутал в лесу и вместо терема боярина попал сюда. Теперь я буду просить вас показать мне дорогу, чтобы исполнить порученное", - закончил латник.

"Это не твое счастье, а наше, что ты заблудился, а святой Никола привел тебя к нам", - весело проговорил ему старший из Соколов. Таким ответом остался доволен и латник. "Теперь ты почетный гость наш, посланный святым Миколой. Откушай с нами хлеба-соли нашего, а потом мы проводим тебя к боярину с честью", - сказал старший Сокол.

Пиршество было самое благочестивое и тихое. Разговоры журчали, как ручейки, и все более о виновнике настоящего торжества. Тут Соколиха спросила у старшего сына:

"Почему вы так нынче замешкались?" Тот встал со скамьи и почтительно ей отвечал:

"Причина была в том, что мы ожидали приезда туда князя Юрия, какой обещал боярину Громиле. Нам всем хотелось посмотреть на него. О нем в народе говорилось много хорошего. Мы с боярином и весь народ ждали князя Юрия за околицей да не дождались. И подумали, что князя, видно, дела задержали. Вот почему мы и опоздали сюда прийти".

За столом у братьев Залешан завязался разговор о князе Юрии, о его доблестях, доброте и ратных подвигах. "Добро нам хотелось бы ему послужить в ратных делах, - говорили они, - да не знаем, как это сделать". Тут латник не выдержал, вступил в разговор:

"Ничего нет в том наособицу. Добре я знаю князя Юрия по службе своей: ничего в нем нет особого, он ведь воин так себе".

Тут все пирующие горячо заговорили, заспорили, пошли за князя против латника. Обе стороны судили-рядили, горячились. Латник стоял на своем, что князь-де ни то, ни се.

"Знаю его больше всех, сызмальства, и вдоль, и поперек", - утверждал латник.

Ему не поверили. Спор не кончился. Каждая сторона при своем осталася. Пиршество скоро закончилось так, как началось, - тихо и скромно.

Младший из Соколов проводил латника до околицы терема боярского, дорогой одному ему ведомой. На расстанях взял с латника младший Сокол слово воина: не минуть их на обратном пути.

Попировал на славу князь Юрий в тереме боярина Громилы. Поехал с ним и в обратный путь в Ростов Великий. По пути заехали к Соколихину дому. Князь ему рассказал все. Боярин слышал о чуде святого Николы, но не знал, что раскаявшиеся разбойники – братья Залешаны, соседи его. Гости у Соколихи еще не разошлись. Как увидели они едущих к ним, обрадовались. И немало дивились, что боярин латнику везде дорогу вперед дает, и еще более удивились, увидев, как боярин принял коня латникова и привязал коня к столбу первым, и пошел к дому Соколихи позади латника.

Все вышли из терема на крыльцо встретить таких дивных гостей. Латник подошел близко к ним и сказал с улыбкой всем стоящим, в особенности Соколам:

"До слова - крепись, а давши слово — держись! Вот я и воротился к вам, потому что вы желали видеть князя Юрия и не видали его на празднике у боярина. Теперь он пришел благодарить вас за ваши хлеб-соль и за ласку и просит вас всех пожаловать ко князю Юрию на почетный пир да повести там речь о том, как стать участником ратного дела у князя Юрия".

Тут на коленях с повинной все Залешаны просили у князя себе прощения в прежних

своих грехах. Князь велел им встать с колен и весело отвечивал: "Прощеных прощать нечего, святой Никола вас простил, а я и подавно прощаю вас!"

На следующий день Соколиха с детьми своими и со всеми товарищами их пришла на княжий двор, где на красном крыльце их встретил боярин Громила и ввел их всех в терем княжий, где князь Юрий принял всех радушно и весело, посадил их на скамью богатырскую и назвал их именами богатырскими, какие были у великого князя Владимира Красно Солнышко. Старшего из детей Соколихи назвал Ильей Муромцем, второго - Добрыней Никитичем, третьего - Рогдаем, четвертого - Алешей Поповичем, а товарищей их: Яном Ушмовичем, Дунаем Ивановичем, Дюком Степановичем, Михаилом Казариновым, Костей Новоторжениным. Самые младшие из Залешан - двое - были названы в честь братьев Хапиловых - Хапиловыми.

Онцыфор, новгородский ушкуйник, и князь Семен Луговской: странствования От Рождества Христова 1373 лето

Князь Семен Андреич Луговской, сын князя Андрея Львовича Луговки Ярославского, имел супругу княгиню Матрону, дочь князя Василия Александровича Ластки, от которой у него были два сына Михаиле и Андрей.

Луговской князь Семен Андреич, будучи большим воеводой в городе Орешке, с дружинами новгородскими храбро защищал город Орешек против шведского короля Магнуса и только одно численное превосходство рати шведской обеспечило победу шведам над новгородцами.

Израненный во многих местах боевыми ранами, Семен Луговской был взят в плен. При разделе военной добычи он достался воеводе Фрелафу, человеку нрава грубого и сурового.

Жена его хотя была и красивая женщина, но суровостью своей во многом превосходила супруга. Она, видя у себя молодого и красивого русского пленника, по виду и осанке его не признавала его за простого латника, за которого он себя выдавал. Фрелафиха обратила на него свои сладострастные взоры.

Однообразные занятия князя Луговского в доме Фрелафа сблизили его с юной служанкой жены воеводиной, по имени Прасковья, от которой он узнал, что она - дочь новгородского посадника Онцыфора Лукина. После кораблекрушения она спасена была от гибели морскими разбойниками и продана в рабство воеводе Фрелафу. Жестокое обращение жены Фрелафовой с юной Прасковьей подвигнуло к жалости князя Луговского. Он положил неперемное намерение освободить ее из неволи. Для этого он стал промышлять о побеге своем с ней на Русь. Этой ему самому было весьма нужно. Госпожа его стала в отсутствие воеводы преследовать князя своею преступной любовью. Мужественный вид раба пленил Фрелафиху. Жестокие истязания сулила она ему, если он не будет снисходителен к ее желаниям. Вместе с тем явная и мучительная смерть грозила ему за преступную любовь. Таким образом, князь Семен находился между молотом и наковальней. Теперь он стал более думать о своем побеге.

В одну ночь князь Семен, находясь в самом чутком сне или почти без сна, услышал голос, повелевающий ему бежать с мест сих: "Беги с Прасковьей, одежды и все нужное для этого побега ты найдешь в дупле девятого дерева в саду воеводском и на первом встретившемся тебе корабле на берегу моря Невы плыви на Русь: корабль держит свой путь туда!"

Проснувшись, князь Семен удивился такому сновидению и услышанному голосу не то во сне, не то наяву. Им овладело недоумение. Сперва ему захотелось узнать, насколько справедлив сон его.

Во время дневных работ своих в саду воеводинском князь Семен подошел к сказанному девятому дереву и увидел в нем дупло, подставил к нему лестницу и пошарил рукой в дупле. Оттоле выпали ком с двумя одеждами гостей-корабельщиков и киса серебра, которую помещают на поясе под одеждой вокруг себя.

В наставшую ночь князь Семен с Прасковьей тихо вышли из дому воеводы, надели на себя одежды гостей-корабельщиков, а свои оставили на морском берегу, по которым можно было признать, что беглецы потонули в море. Князь Семен и Прасковья долго шли по берегу морскому, наконец пришли к такому месту, где весьма удобно было приставать кораблям. Там увидели они приставший для своей нужды корабль, идущий на Русь. Корабельщик за условленную плату взял их к себе на корабль и с попутным ветром скоро поплыл на Русь.

Корабль на пути своем остановился у острова Валаама. Князь Семен пошел помолиться в обитель Валаамскую за спасение свое из неволи и поклониться кресту, изваянному из камня и оставленному там святым апостолом Андреем Первозванным, который, когда плыл из Великого Новагорода кораблем по реке Волхову и морю Неве в

пределы Римские, останавливался у острова Валаама. На нем он оставил ученика своего Мунгу-Германа, брата новгородского князя Перея-Тучи, для приведения в христианскую веру жителей того острова.

Там, на острове, повстречался с князем Семеном благообразный инок, в котором, к великому своему удивлению, он узнал единокорца своего, короля шведского Магнуса, с которым он в городе Орешке бился один на один. Старец весьма был рад такой неожиданной встрече с бывшим защитником города Орешка. Он угостил князя Семена хлебом-солью и за трапезой рассказал ему вкратце о том, как он из короля превратился в инока. О том он повел следующую речь:

"Я пошел к Ореховцу со всею Свейскою землею и пришла ко мне весть, что новгородцы под Ореховцом. Я пошел под Копорье и под Копорьею ночью ночевал. И еще пришла ко мне весть, что новгородцы стоят на краю земли. И я, то услышав, побежал за море. И восстала буря вельми сильная: в волнах парусов не знать, и потопила корабль с ратью моею многие множества на Усть-Нарове-реке. И пошел я в землю свою со остатком рати. И от того времени нашла на нашу землю Свейскую погибель, потоп, мор, голод и сеча между собою. А у меня самого отнял Бог ум. И сидел я в палатах, прикованный цепью железной, целый год заперт. И потом приехал сын мой Гаакон из Мурманской земли и вызволил меня из той палаты, и повез меня в свою землю Мурманскую. Но разразилась буря. Корабль мой потонул вместе с людьми моими, а я сам спасся, плавая на едином дне корабельном три дня и три ночи. И по Божию повелению принес меня ветер под монастырь Святого Спаса в Полную реку. И сняли меня с доски чернецы, и снесли в монастырь, и постригли меня в иноки и в схиму. Так спас меня Господь после трех дней и трех ночей плаванья на одной доске. А все-то меня Бог казнит за мое высокомерие, за то, что я наступил на Русь, нарушив крестное целование. А ныне я приказываю моим детям и своей братии не наступать на Русь, не нарушать крестное целование. А кто пойдет на Русь походом, то пусть будет огонь и вода, которыми меня Бог казнил. А все то Бог сотворил мне ко спасению моему!"

И так два бывших врага расстались с великою любовью и слезами.

Один остался доживать в обители, в тишине, бурную жизнь свою, а другой только еще вступил на скорбный путь свой.

От Валаама путь корабля, на котором находились князь Семен и Прасковья, был благополучен. Попутный ветер быстро нес корабль к городу Орешку. Он уже стал виден им на краю небосклона в виде черной полосы. Незаметно поднялось небольшое облако, подул встречный ветер, налетела страшная буря. Корабль ударился о камень и разбился. К счастью, князю Семену попала корабельная мачта, которая и сослужила ему добрую службу ко спасению. На ней он в бесчувственном состоянии был выброшен на берег моря.

Придя в себя, князь Семен увидел, что лежит в светлой и теплой хранине, а перед ним стоит почтенного вида мужчина. Тут прошлое кораблекрушение вспомнилось ему, и он спросил слабым голосом: "Где я?" Стоящий перед ним отвечал ему: "Провидение послало тебя к такому же изверженцу волн морских, как и ты. Но если непонятна тебе краткая повесть моя, я расскажу тебе ее подробнее. Родом я из Великого Новагорода, по промыслу - купец, имя мое Евстрат.

Возвращаясь в свое отечество на корабле из земли Еми Поморской страны с женой и дочерью, мы уже видели издали город Орешек. Вдруг поднялась страшная буря. Корабль качало на высоких волнах, как легкое перышко, то поднимая до облаков, то опуская в бездну. От такого страшного волнения корпус корабля стал трещать и скоро развалился. Мы очутились в воде. Я лишился всего: супруги, дочери, всего моего богатства. Мы с кормчим каким-то чудом спаслись, были выброшены волнами на морской берег. Кормчий мой пришел в чувство прежде меня и подал мне первую помощь, он привел и меня в чувство. Но спасенная жизнь не радовала меня, ведь я лишился дорогих моему сердцу людей, остался одиноким, без всяких средств к жизни. Рыболовная ладья, собравшаяся ехать

Невою в город Нейштадт, взяла нас с собою туда. Нас поселили там в удобной хранине. Здесь промышляем мы рыболовством, выезжаем на взморье для спасения несчастных жертв кораблекрушений, которыми были мы сами. Несколько раз ездили мы в город Орешек и там на море Неве подавали помощь погибающим на месте нашего кораблекрушения. Я всегда там долго смотрю в ту сторону, где лишился супруги и дочери.

Каждый приезд наш туда бывал кстати, всегда кого-нибудь спасали или погребали. В настоящий приезд туда мы нашли тебя лежащим на берегу морском со слабыми признаками жизни.

Мы привезли тебя сюда вместе с находящейся на тебе кисою, которую я сохранил в целости. Земля, где мы теперь находимся, была частью нашей Водской пятины, а ныне она называется Ижорской и принадлежит вольным варягам, которые ведут тут жизнь свою промыслом разбойным. Здесь в Нейштадте совершается главный сбыт добычи их. Сюда приезжают за покупкою невольников и невольниц издалека.

Все это некогда было наше. Но ярл Биргер первый вошел в Неву и встретил его великий князь Александр Ярославич на Ижоре-реке. И самого Биргера прогнал, и рать его победил. Потом великий князь Андрей Александрович с князем Андреем Луговкой и воеводами город Орешек отвоевали, шведов побили, а в городе посадили своих наместников. В последний раз король Магнус пришел с великой силою и город Орешек взял. Так Русь лишилась защитника города - храброго воеводы, предводителя новгородской рати князя Семена Андреича Луговского, павшего там смертью героя. Но рано или поздно мы возвратим себе Орешек и берега реки Ижоры и моря Нева!"

Выслушав вдохновенный рассказ купца, князь Семен стал говорить о себе, но назвался простым латником, по имени Люша, взятым шведами в плен в городе Орешке в последнее нашествие короля Магнуса. Поведал он и о жизни своей у воеводы Фрелафа, и о бегстве своем от него с дочерью новгородского посадника Онцыфора Лукина Прасковьей. При упоминании имени Прасковьи спаситель князя Семена не выдержал. Он не мог более скрывать свои чувства, забыл, что он Евстрат, и громко воскликнул: "Как, неужели жива еще дочь моя Прасковья?!" - "Не твоя, а посадника Онцыфора Лукина", - отвечал ему князь Семен.

"Я сам и есть Онцыфор Лукин, посадник новгородский! Имя Евстратия скрыло меня от врагов Отчизны моей, без него я давно не жил бы на свете".

Из рассказа Люши ходящего (это был князь Семен) Онцыфор узнал, что дочь его погибла в пучине морской почти на том же самом месте. Он снова горько плакал о том, что лишился своей дочери. Последнее известие полностью лишило его надежды когда-либо увидеть живыми супругу свою и дочь. Теперь он принял твердое намерение вернуться в свое Отечество, Великий Новгород, одиноким. Мирная и спокойная жизнь ходящего Люши скоро восстановила ему истраченные силы. Они стали трудиться вместе: ловить рыбу и ходить продавать ее в Нейштадт. Каждый раз, продавши рыбу, Люша ходил на торг, где продавали невольников и невольниц. В одно время, к великому удивлению своему, он увидел среди продававшихся невольниц Прасковью, Онцыфорову дочь. Та узнала его и от радости едва не бросилась к нему. Но князь успел дать ей знак и стал покупать ее у торговца. Вскоре торг состоялся, но так как у князя при себе не было столько денег, он стал просить продавца послать невольницу в его дом за деньгами. Он же, доколе она ходит, согласен остаться заложником. Торговец согласился, потому что ценил невольника дороже невольницы. Получив согласие продавца, князь отвел Прасковью в сторону и стал сказывать ей путь к жилищу отца ее и наказывал ему прислать за нее выкуп с кормчим, взяв серебро из его кисы. Прасковья все поняла и не побежала, а полетела на свидание с отцом.

Условное время пришло и прошло, а кормчего с деньгами все нет как нет. День уже клонился к вечеру, а выкуп за князя все не прислали. Настала ночь, а Онцыфор не давал о себе знать. Не зная причины, князь уже начал подумывать, не обманул ли его человек назвавшийся Онцыфором, не присвоил ли мнимый новгородец его кису с серебром? Тем

временем продавец невольников запер князя вместе с другими под замок в построенную нарочно для этого храмину.

Настал новый день и еще прошли два подобных, а выкупа за князя все нет. Продавец, потеряв всякую надежду получить деньги за невольницу, счел это за обман со стороны князя и стал продавать его вместе с другими. Большого труда стоило князю упросить торговца, чтобы он дошел до дома и узнал, почему не шлют за него выкуп. Обещал он за это прибавить хозяину к выкупу добрую сумму. Продавец сковал князя по рукам и ногам и в таком виде послал его с рабом в дом.

На пути своем князь увидел лежащего убитого человека, в котором узнал Онцыфорова кормчего. Теперь он понял, что кормчий был убит и ограблен, когда нес выкуп. Придя к жилищу своему, князь нашел его пустым. От людей он узнал, что Онцыфор с дочерью и несколькими новгородскими людьми уехал на Русь.

И так князь Семен волей-неволей стал настоящим невольником и поступил вместе с другими на продажу. За него торговец стал просить высокую цену, а потому покупателей на него не находилось долгое время. Наконец один нашелся. Это был воевода Нейштадтский, по имени Колпа, любимец князя земли Ижорской. Торг скоро состоялся, когда воевода узнал о князе, что он когда-то был латником. Ему и был нужен такой латник, который мог бы научить военной науке его сына. По дороге домой воевода Колпа спросил князя о родине его.

Князь назвал себя новгородцем Бежецкой пятины: сперва был ходебщиком – продавцом разных женских узорчий, а потом латником.

Воевода обещал его сделать свободным, если князь добросовестно обучит сына его военной науке. Князь же обещал сделать его вскоре непобедимым витязем.

Немало времени прошло с тех пор, как князь Семен появился в доме Колпы. Теперь он уже не раб, а первый друг и советник воеводы. Сын его, по имени Акул, давно уже стал храбрым витязем. Князь Семен давно уж получил себе свободу и ожидал благоприятного случая к отходу на Русь. Пребывая у воеводы Колпы, он часто по обычаю своему ходил на торг невольников, где он многих уже купил и отпустил на свободу.

Как-то раз он увидел там толпу любопытных. Подойдя ближе, князь увидел невольницу средних лет, изнуренную, по-видимому, не трудами и голодом, а душевной скорбью. Величественная ее осанка свидетельствовала о том, что она была не из простых. Все показывало в ней не простую невольницу. Вид ее скорби приводил в сострадание смотрящих на нее. Скромный взор говорил многое в ее пользу, при всем при том князь находил в ней некоторое сходство с Прасковьей Онцыфоровой. От продавца он узнал, что тот получил ее в обмен на другую невольницу в городе Сигстуне у моряков. Родина ее неизвестна. Князь спросил цену и купил ее.

Покупка эта пришлась по нраву и воеводе Колпе. Женщина в его доме не лишняя, только затрудняло дело малое знание языка. Вскоре домоправительница Колпы сказала князю Семену, что купленная им рабыня часто бредит во сне на каком-то странном языке и обещала сказать ему, если что услышит у ней вновь.

Спустя некоторое время домоправительница известила князя о том, о чем он желал знать. Вскоре князь пришел в комнату, где спала эта женщина вместе с другими рабынями. Он услышал, что купленная им рабыня тревожно мечется во сне и произносит несвязные слова о море и кораблекрушении на самом чистом новгородском языке. Затем речь сменилась плачем. Но князь сказал домоправительнице, что не знает такого языка.

Вскоре князь призвал к себе купленную им рабыню и стал спрашивать ее о родине на ее родном языке. Женщина отозвалась, что не понимает языка, на котором он ей говорит. Но князь, не обращая на это внимания, стал ей сказывать на том же языке, как он, будучи невольником, убежал из неволи с дочерью новгородского посадника Онцыфора Прасковьей.

При имени Прасковьи молчаливая рабыня не могла уж больше скрыть чувств своих, упала перед князем на колени и просила прощения в вине своей, состоящей в том, что она обманула его. Теперь она назвала себя женой Онцыфора Лукина и умоляла князя поведать

ей что-нибудь о дочери ее Прасковье. Князь рассказал ей все.

Обильные слезы благодарности проливала супруга Онцыфора, узнав, что князь сделал для ее дочери, как стал ради ее свободы невольником. Сколь она была рада, что живы ее супруг и дочь, которых она не чаяла видеть живыми! Потом женщина рассказала князю о своем невольничестве. Воевода Колпа весьма удивился, слушая такой рассказ о семействе воеводы Онцыфора и тут же объявил ее свободною и гостьей в своем доме.

Через малое время воевода Колпа получил известие о том, что сильная новгородская рать под началом воеводы Онцыфора Лукина наводнила все Поморье и взяла приступом город Орешек. Теперь эта великая сила идет к городу Нейштадту. Воеводе Онцыфору всюду сопутствует победа.

Страх и уныние охватили город Нейштадт. Что могла поделать против сильной и многочисленной армии горсть воинов воеводы Колпы? На скорую помощь никто и ниотколе не мог рассчитывать. Закручинился воевода Нейштадтский: ждала его тяжкая година испытаний. Только один князь Семен утешал его тем, что все окончится миром. Когда новгородцы обложили кругом Нейштадт и готовились уже к приступу города, в новгородский военный стан пришло из города посольство вести речь о мире. Среди послов были два воина с опущенными на лица решетками шеломов. Посольство было введено под намет Онцыфора, где заседал он среди победоносных воевод новгородских. Там стали вести речь о мире, но далеко не мирно: чего требовал Онцыфор, не согласно было на то нейштадтское посольство, а ' чего требовали послы, на то не соглашался Онцыфор. Послы стали было выходить из-под намета ни с чем. В это время один из них через решетку своего шелом громко закричал: "О, Онцыфоре!" и бесчувственный упал на землю. Знакомый голос потряс Онцыфора до глубины души. То был голос жены его. Он едва собрался с духом, чтобы вымолвить: "Всемогущий Боже! Я ли слышу голос жены моей?" - "Она и есть, - отвечала ему сквозь решетку шелом супруга.

- Я - раба воеводы Колпы, заложница мира, теперь я должна возвратиться к нему, а мир не состоялся!"

"Нет, теперь будет мир", - возразил Онцыфор и бросился к жене своей. Шелом и латы уже были сняты с нее, холодная вода оросила лицо ее, и она мало-помалу пришла в себя. Трогательным было свидание супругов после долгой разлуки. Мир был немедленно заключен самым выгодным образом для обеих сторон.

Всеобщая радость от возвращения в стан новгородцев супруги Онцыфоровой была непритворной. По заключении мира воин с опущенной решеткой на лице сказал Онцыфору твердым голосом: "Теперь мы свершили половину посольства, примемся за другую, а именно, затебя, Онцыфор! Люша ходебщик за дочь твою еще томится в жестоком рабстве и стоит на торгу с невольниками, ожидая часу, когда его кто-нибудь купит. Что ты на это скажешь?"

"А вот что я скажу, - отвечал ему с жаром Онцыфор, - жизнь за жизнь, рабство за рабство. Теперь я более не воевода". С этими словами передал он достоинства полководца старшему после себя новгородцу и спросил своего собеседника, у кого находится Люша ходебщик, чтобы заступить его место, если не состоится денежный выкуп. Ни просьбы воевод новгородских, ни слезы только что найденной супруги не могли остановить Онцыфора. Он вырвался из объятий супруги и спешно вышел из-под намета своего. Супруга его чуть живая от переживаний упала а землю.

Но тут строгий голос сквозь решетку шелом велел Онцыфору остановиться. Таинственный воин взял его за руку, говоря: "Когда тебя ни просьбы, ни слезы супруги не могли остановить, прими приказ от главного воеводы новгородской и ростовской рати, князя Семена Андреича Луговского: останься!" С этими словами поднял он решетку своего шелом. Воевода Онцыфор узнал в князе Луговском друга своего Люшу ходебщика. Шумен и радостен стал мир новгородцев и нейштадтцев с новым воеводой князем Луговским в стане военном, то же было и в городе. Все радовались, что благополучно покончили со страшной войной.

Вскоре рать новгородская собралась в обратный путь под началом князя Луговского. До Новгорода пошел с ним и ученик его, молодой воеводский сын Акул. Росстани князей Луговского и Колпы были самые чувствительные.

Храброго воеводу, защитника Орешка против короля Магнуса, весь Новгород встретил с великой радостью и сотворил великое торжество всем городом!

Князь Луговской с молодым Акулом стали почетными гостями в доме Онцыфора. Тем временем юная Прасковья приглянулась молодому Акуле. Тот попросил князя приехать из Ростова в Новгород, чтобы быть сватом. Скоро варяжский витязь получил Прасковью себе в супружество. Свадьбу справили в Новгороде, а потом новобрачные уехали в Нейштадт, а князь Семен возвратился в Ростов.

Когда князь Луговской отправлялся в поход на Магнуса, короля шведского, он оставил в доме своем двух малолетних сыновей, Михаила и Андрея. Безвестный и многолетний плен князя совершенно расстроил здоровье супруги его. Все знакомые считали князя Семена покойником, так сказывали воины. Они будто видели князя на поле брани, всего обрызганного чужой кровью, среди горы трупов неприятелей, с которыми он до того доблестно сражался. Такие печальные вести повергли его супругу Матрону на одр болезни в самом расцвете лет. Княгиня уже более не вставала. Нежданная весть, что супруг ее жив и скоро возвратится к ней, не помогла поправить ее здоровье. Нерадостен был приезд князя Семена домой в Великий Ростов. Супруга его Матрона, увидев мужа, заключила его в объятия и тут же испустила дух свой.

По смерти княгини князю оставалась лишь одна отрада - дети его Михаил и Андрей. Черты матери проступали в лице каждого из них, они напоминали князю Семену о любимой супруге. Наследственная телесная крепость рано стала проявляться у них, особенно у князя Андрея.

Однажды утром вошли в терем князя Семена четверо путников. Это были воевода Колпа и посадник Онцыфор, а с ними Акул с Прасковьей. После лобызаний они сказали так:

"Теперь мы все изгнанники. Такова нам, видно, плата от неблагодарных соотечественников за мир в Орешке. Мы все пришли сюда искать себе убежища в лоне дружбы твоей".

"И не ошиблись, - отвечал им князь Семен. - Мой терем - ваш терем. Располагайтесь, доколе не придумаем далее чего-нибудь лучшего".

Великая была отрада князю Семену от приезда его друзей. Но сможет ли она, однако, утолить его печаль? Он размышлял об обете, данном над гробом супруги своей: он не отдаст детей мачехе, а станет иноком. Теперь же будет на кого оставить детей своих. Обходя вместе с гостями владения свои, князь Семен нашел два весьма удобных места для постройки теремов: одного на высоком берегу реки Устья (где ныне стоит деревня Акулово), другого - недалеко от своего терема, в месте, что зовется Глухое дворище (там ныне село Филиппово).

Спустя некоторое время князь Семен поручил детей своих и уделы друзьям своим Колпе с Онцыфором, а сам принял иноческий постриг в Ростовском Авраамиевом монастыре под именем Арсения. По благочестивой жизни из настоятелей обители тот Арсений был произведен в епископы Ростову и стал известен как Арсений Первый. Умер он в лето 6888 (1380), декабря 10-го дня. И положено было честное его тело с пением псалмов в Ростовском кафедральном соборе. Вечная ему память!

Онцыфор, новгородский ушкуйник, княгиня Каптелина и Люша Сильный От Рождества Христова 1394 лето

Ростовская княгиня Каптелина, дочь князя Ивана Федорыча Щепина, молодая вдова князя Дмитрия Федоровича Приимкова, героя Мамаева побоища, была из первых красавиц в ростовской округе. И влюбилась она в ясельничего князя Ивана Андреича Яна, по имени Люша, которого из-за атлетического телосложения и силы прозвали Люша Сильный.

То был молодой и красивый удалец, сын одной вдовы преклонных лет, которая привила ему хорошие правила жизни. Посевы дали свои всходы. Люша избегал преследований княгини Каптелины, отвергая ее весьма благоразумно, не променял своего простого звания на боярское. Ни хитрость, ни лесть, ни ласка не могли привлечь к княгине доброго молодца. Видя это, она оставила совершенно преследовать Люшу и избрала себе в любовники знаменитого новгородского ушкуйника Онцыфора, сына новгородского посадника Богдана Абакумовича.

Ушкуйник Онцыфор с ватагою вторгнулея тогда рекою Которослью в Ростовскую землю, причинив Водской пятине великое опустошение, и остался со многими своими удалцами в Ростовской округе. Поселился он недалеко от города Ростова Великого в дремучем лесу за рекой Ишной. Там он себе построил веселый притон*, где бывали у него пиры, словом, разгул молодой жизни в полном смысле слова.

Винные возлияния были в притоне почти каждодневно, песни и пляски со скоморохами, блудные женщины. Здесь, посреди дремучего леса, были зарыты несметные сокровища, которые Онцыфор награбил - достояния целых городов и речных караванов.

**На его месте стоит деревня Анцифорово Зверинцевской волости. (Прим.А. Я. Артынова)*

Заветными товарищами его были князь Дмитрий Дмитрич Приимков-Третьяк и князь Петр Иванович Катырев. Для них Онцыфор был свой человек.

По слову княгини Каптелины Онцыфор разграбил терем князя Ивана Андреича Яна и увез оттуда дочь пестуна князя Яна, невесту Люши Сильного, заключил ее в тереме князя Дмитрия Третьяка. Так приказала сделать из ревности княгиня Каптелина.

Мщение за доброго князя и похищенную невесту вскипело в груди Люши Сильного, и стал он думать, как бы ему отплатить разбойнику Онцыфору. Долго не мог приискать себе удобного случая, пока он, наконец, не открылся неожиданно сам собой.

В одно время Люша был послан князем Иваном Яном к князю Ивану Семеновичу Щепину. Дорога пролежала сквозь дремучий лес. Надо же было случиться тому, что Люша попал на ту тропу, по которой ходил Онцыфор из своего притона в терем княгини Каптелины. В это самое время Онцыфор шел один из терема со счастливого свидания со своей любовницей. И от избытка чувств и веселого расположения духа громко пел песню новгородских ушкуйников, волжских своих молодцов. Недалеко от терема княгини Каптелины и повстречались два молодца, два заклятых врага. Люша был весьма рад такой встрече. Он знал Онцыфора в лицо, а тот не знал Люшу.

Мщение к врагу своему закипело в груди Люши, к великому своему удовольствию он увидел, что Онцыфор не имел при себе никакого оружия. Причиной ссоры их послужила тропка, по которой оба шли навстречу друг другу и не хотели сторониться один другого. Слово за слово, дело дошло до брани, угроз, наконец, и до драки. Онцыфор начал драку, будучи разгневан заносчивостью молодого грубияна. Он толкнул его в грудь с намерением очистить себе дорогу. Люша и без этого хотел начать с ним рукопашный бой. Теперь он в свою очередь поспешил отплатить тем же Онцыфору. Схватились они в борьбе грудь с грудью. Молодая сила Люши сломила Онцыфора. Поздно тот увидел невзгоду свою, лежа

поверженным в ногах победителя Люши. Видя неизбежную свою погибель, взмолился Онцыфор о пощаде, предлагая взамен жизни все свои сокровища, клялся возвратиться навсегда в свое отечество, в Новгород Великий, оставив Ростовскую землю.

На это Люша отвечал ему: "Об этом будет речь впереди. А сейчас скажи мне по правде-истине, почему ты разорил терем князя Ивана Яна и куда ты увез дочь кравчего Маручи?"

На это Онцыфор отвечал ему: "Это сделано все было по приказу княгини Каптелины. Дочь кравчего живет в тереме князя Дмитрия Третьяка у Макарьина ручья, но без моего перстня достать ее живую никак нельзя. Поэтому всякое самовольное насилие причинит ей смерть. Так от княгини Каптелины наказано, так и будет ис- Я полнено. Перстень мой otvorит там все ворота и -7 двери. Только надет он на палец _~ княгини Каптелины, которая у 1 меня его выпросила. А это была моя заветная вещь". Сказав это, Онцыфор почувствовал, что Люша ослабил свою хватку. А он от речей Онцыфора крепко задумался. Ушкуйник захотел воспользоваться этим и, собрав все оставшиеся силы, повергнуть Люшу на землю. Но увидел, что и тут силы его не прежние, он только разозлил Люшу.

Тут стал он умолять победителя о пощаде, так как чувствовал, что конец его приближается. Сказывал, где зарыты сокровища и как достать их умеючи - снять заклятье великое. Без того они пойдут на гибель всему роду и племени тем, кто ими воспользуется.

На это Люша отвечал ему: "Воровские сокровища мне не надобны. Ступай, карауль их, как знаешь". С этими словами Люша Сильный заломил ему руку и сдавил грудь, да так, что кости затрещали и сломались, бросил Онцыфора в можжевеловый куст и пошел своим путем.

Дорогой он думал о том, как ему добыть от Каптелины перстень Онцыфоров. Наконец придумал пойти мимо ее терема с веселой песней ушкуйников в надежде обратить на себя внимание княгини. И он не ошибся. Никогда не выдавшая Люшу в таком веселом расположении духа Каптелина была рада случаю: Люша как будто нарочно попался ей навстречу.

И спросила: "Куда путь держишь, молодец?" На что Люша ей отвечал так: "Иду я в терем ко князю Ивану Семенычу Щепину от князя Ивана Яна". - "Да князя Ивана Семеныча нету дома, - проговорила Каптелина, - он недавно проехал мимо в город, его проводили мои люди". И просила зайти его к себе в гости. У Люши мелькнула мысль заманить Каптелину подальше в лес и там отнять у нее перстень.

От приглашения зайти в терем Люша уклонился. А стал хвалить ее дивные тенистые кущи, укрывающие от летнего зноя. "Не охота ли тебе, княгиня, погулять по этому тенистому бору? А я буду твоим безотлучным спутником".

Княгиня была рада такому предложению, так как лелеяла сладострастные мысли. Желание распалило ее кровь. Она хорошо знала: что дремучий лес, что темная ночь - самое удобное место для любовных объяснений. С радостью пошла она ему навстречу, и вот они уже идут по лесной тропинке, углубляясь в тенистую чащу. Подойдя к тому месту, где брошен был в можжевеловый куст Онцыфор, Люша взял княгиню за руку, остановился с ней и заглянул ей в глаза, пылающие страстным любовным огнем. Потом с невозмутимым спокойствием сказал, указывая на куст: "Княгиня, здесь лежит убитый мною Онцыфор. Рядом с ним хотел я положить тебя. Затем и вел тебя сюда, чтобы расплатиться с тобой за Маручину дочь и за то, что велела разграбить терем моего доброго господина князя Ивана Яна. Я сохраняю тебе жизнь, но клянись мне, что исполнишь все, что я тебе прикажу".

Княгиня в великом страхе отвечала: "Клянусь тебе Иисусом Христом, Сыном Божиим, и Пресвятой Богородицей, что все исполню, что ты мне ни прикажешь, только бы мне остаться живой!"

"Слушай, - сказал ей Люша, - в течение одной луны приготовься вступить в обитель инокинею, где будешь всю жизнь молить Господа Бога о своих прегрешениях. Отчину князя

Дмитрия Федоровича передай князю Ивану Яну за то, что ты велела разграбить его терем и увезти Маручину дочь. А для выручки сей последней мне нужен перстень Онцыфоров, подай его мне!"

Трепещущая княгиня сняла с руки своей Онцыфоров перстень и отдала его Люше и вновь клялась исполнить все, что он ей приказал. И так княгиня и Люша разошлись от тела Онцыфорова в разные стороны, княгиня пошла в свой терем, а Люша - к своей невесте.

В течение одной луны княгиня Каптелина поступила в иночество в обитель Святой Троицы, что на бору, а Люша женился на Маручиной дочери. Князь Иван Ян получил от Каптелины сказанный Люшей удел. За это он по службе своей в Москве при великокняжеском дворе довел до сведения великого князя о победе Люши Сильного над Онцыфоров, знаменитым новгородским ушкуйником. Великий князь призвал Люшу в Москву и там одарил его дарами и определил в телохранители свои, где он и остался служить. И был он там известен более под именем Елеся-Не-гни-дуб.

Стольник Алексей Богданович Мусин-Пушкин и воярышня Ирина От Рождества Христова 1660 лета

Боярин Алексей Кузьмин Луговской, сын князя Козмы Филипповича, прозванный Пешсцы, был словущий и богатый московский боярин, который жил в Москве в приходе у Покрова, в Овчинниках, в своем родовом доме. Он вел род свой от князя Андрея Львовича Луговки-Ярославского и имел такой же родовой дом в Ростове, в части города, называемой Пучинкой.

Впоследствии этот дом был продан именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову и получил название Соляного.

Боярин Алексей при великом своем богатстве имел у себя только одну дочь, по имени Ирина, которую воспитывал с великим тщанием и прилежанием, не жалея ничего для ее образования. По службе своей он имел частые случаи бывать вместе с иностранцами, находящимися при дворе царском. Вследствие этого и дочь его Ирина имела образование не старинное, как у московских бояр, а современное - иностранное. Посему она имела у себя много подруг в иностранных семействах, близких ее родителю. При такой блестящей образованности - польской, латинской, греческой и немецкой - Ирина имела замечательную красоту лица, высокий стройный стан и дородство. Она могла поспорить с первыми красавицами белокаменной Москвы. Между ними Овчинниковская красавица - так прозвали Ирину москвичи - была одна из самых видных.

Боярин Алексей Пешсцы ездил нередко из Москвы в Ростов, куда брал всегда с собою и дочь свою Ирину. Здесь отец ее имел великую любовь и дружбу с дальним родственником своим боярином Алексеем Ивановым Луговским, сыном Ивана Томилина Луговского, который тоже вел свой род от князя Андрея Львовича Луговки. И он имел родовой свой терем на берегу Ростовского озера в Стефановской 1 сотне, построенный на месте бывшего в слободке Луговской. Но более проживал он в отчине своей в селе Угодичи. Боярин Алексей Иваныч имел у себя одного только сына, по имени Илья.

Старики Луговские, не выходя из роду вон, поладили между собою соединить детей своих законным браком, несмотря на различие характеров их. Молодой боярин Илья Луговской воспитывался в доме отца своего, был характера тихого и весьма скромн, даже застенчив, хотя был детина огромный и сильный. Он считался по Ростову из первых богатых молодцов-женихов.

Напротив, боярышня Ирина, Овчинниковская красавица, была нраву пылкого; на все предприимчивая, имела живую натуру, непопятную и неустрашимую. Она была в полном смысле героиней минувших веков, лихая наездница в чистом поле и смелая охотница в дремучем лесу. При таких личных качествах и московской придворной образованности не мог ей нравиться деревенский детина - ее суженый Илья. Хотя она и бывала с ним часто на охоте и в родовом их уделе Глухово дворище, но смотрела на него тогда не более как на своего стремянного или служителя, но отнюдь не как на жениха.

Старые их родители хотя и видели все это, но полагали по старине, что брак уравнивает их нравы и обычаи. На смелые суждения по этому предмету и возражения против такого брака дочери своей Ирины отец ее мало обращал внимания и хотел настоять на своем, невзирая на слезы своей дочери. Сказано ведь в Священном Писании: "Человек предполагает, а Бог располагает". Так случилось у Луговских: что суженый кусает - ряженому есть.

Для нужных потребностей приданого вена и по своим служебным делам боярин Алексей Кузьмич Луговской с дочерью своей Ириной поехал из Ростова в Москву накануне праздника По крова Пресвятой Богородицы. В церкви за обедней Овчинниковская красавица встретила с молодым красивым боярином. Огненные взгляды, бросаемые им часто, показывали в нем настоящего героя, о каковом она часто днем и ночью мечтала.

После этого Овчинниковская красавица с избранником своего сердца видалась каждый воскресный день в своей приходской церкви. Причина таких свиданий была такая, что

старики Луговские положили быть браку после Рождественских святок. Ирина стала призадумываться о нем не на шутку, а по-хорошему. Время стрелой летит. Вот и прошел день Миколы Зимника, а Ирина еще не узнала, как зовут ее любимого.

В это время няне ее Прохоровне добре приглянулся этот молодой и статный боярин, которого она когда-то видела в городе Ростове с душиловским боярином Богданом Иванычем Мусин-Пушкиным. Но это было давно. Тогда он был еще подросток. Обо всем этом няня узнала от нищей попрошайки Лукерья.

"Такой добрый и ласковый, что и сказать нельзя", - божилась Лукерья, делая руками мелкие крестики на ходу.

Теперь и Прохоровна вспомнила былое и узнала доподлинно, что он - тот самый молодой душиловский боярин, по имени Алексей. "Завидный молодец: точно кровь с молоком! Этот боярин истый твой суженый, - сказала она Ирине. - Не то что твой деревенский детина Илья Луговской. Против Ильи он истый москвич: глаза соколиные, так искры и мечут! Ономясь выходила я от вечерни, на паперти черный народ затолкал меня. Он - ни с того ни с другого - подбежал ко мне, увидя это, взял меня под руку, растолкал чернь и вывел меня бережно на улицу. Я хотела поблагодарить его, а его уж и след простыл. Ну боярин, ну молодец из молодцов! Почитает старость матерую, не дает в обиду!"

С этого времени няня Прохоровна за подарки, полученные от Алексея Богдановича, стала часто петь подобные песни про душиловского боярина. И, наконец, допелась до того, что душиловский боярин сперва очутился в светлице боярышни Ирины, а там произошло по писанному: как Прохоровна сказывала Ирине сказки про богатырей и витязей, которые увозили с собой красавиц, так и случилось. "Не обошлось без похищения!" - как сказка говорит. Молодой герой, так звала его уж Ирина, в одну темную но не бурную зимнюю ночь похитил боярышню из ее светлицы девичьей вместе с нянею ее Прохоровной и увез их далеко от белокаменной Москвы, на берега реки Мологи, в родовую свою вотчину, село Иломну, наследие своей матери. А там местный священник сочетал Ирину и Алексея законным браком, после чего молодые супруги зажили счастливо, безмятежно и благополучно на берегах быстротекущей реки Мологи. Ирина скоро забыла белокаменную Москву, полную сплетен и зависти.

Вскоре после брака своего Алексей рассказал супруге, как он провел детство свое. Родитель его, боярин Богдан Иванович Мусин-Пушкин, рано сошел в могилу от придворной зависти и клеветы: рассказывали, будто он изменил царю Алексею Михайловичу и пристал к единомыслию с вологжанином, подьячим Тимошкой Анкудиновым, выдававшим себя за сына царя Василия Ивановича Шуйского и именовавшим себя царем Иваном Васильевичем. Литовские сановники при царском дворе посредством пронырства своего возвели эту клевету. Царь поверил клевете, и стольник Богдан был подвергнут великой царской опале. Ее снести он не мог: заболел и помер. А за ним скоро померла и мать Алексеева. Теперь Алексей остался круглым и малолетним сиротою на руках дяди своего Третьяка Ивановича Мусин-Пушкина. Скоро клевета рассеялась. Боярин Борис Иванович Морозов, сын князя Ивана Дмитриевича Морозова-Голочела, любимец царя, оправдать Богдана смог, а воскресить - нет.

Дядя Третьяк воспитал Алексея как надо и определил его на службу царскую на то место, которое когда-то занимал его дед Иван Давыдович, прозванный Голова, а именно: в Большой дворец "навверху".

В это время судьба свела его с Овчинниковской красавицей, которая и вышла всем из роду вон: вопреки воле своего родителя нашла себе сама суженого и была вполне довольна своим выбором и своей судьбой с Алексеем.

Родитель Ирины боярин Алексей Кузьмич весьма поражен был и опечален исчезновением любимой дочери. Все розыски оказались тщетными. И кто мог подумать, что его дочь блаженствует, живя на берегу Мологи. Теперь он жалел, что хотел по старине выбрать мужа для дочери, как то водилоя прежде. Теперь он увидел разницу: что значит воспитание русское, деревенское, а что значит воспитание заморское, городское. Но уже

было поздно. Теперь он готов был простить дочь свою, лишь бы она нашлась, где-нибудь объявилась.

Молодая чета тем временем жила счастливо и безмятежно вдали от столичного шума. Вдруг пошла по Руси молва, что царь Алексей Михайлович идет с победоносной своей армией к городу Смоленску наказывать мятежную Литву и изменников - крымских татар.

Геройская кровь закипела в жилах Алексея против крамольной Литвы, сведшей в могилу его родителей. Он стал собираться в поход, чтобы встать в ряды дружин царских. Молодая супруга его Ирина туда же с ним, вооружась в доспехи ратные, под именем Ивана, младшего брата Алексева, была готова идти в поход. Никакие доводы на нее не действовали. Никакие препятствия не могли отклонить ее с избранного пути. Тайно хотела она испросить прощения у родителя в поступке своем.

Два брата родные, Алексей да Иван Мусин-Пушкины, выступили в поход из своей отчины села Иломны и приехали вначале в Ростов Великий к митрополиту Ионе Сысоевичу за благословением, а потом в старопрестольную Москву. Но там они не застали царя: он уже выступил в поход против мятежных ляхов. В свите царской ушел отец боярышни Ирины. Тогда молодые воины поспешили вслед за ним к городу Смоленску.

Под стенами Смоленска два брата Мусин-Пушкины, Алексей да Иван, подружились с воеводой казацким, присланным туда с казаками от гетмана их Богдана Хмельницкого. Эта дружба заставила их решиться на подвиг беспримерного геройства: с горсткой охотников на глазах царя напасть на главный отряд и разбить наголову литовские войска.

Весть о таком воинском подвиге воеводы казацкого и братьев Мусин-Пушкиных скоро дошла до ушей царя Алексея Михайловича. Он пожелал сам лично видеть таких юных героев. От последних он узнал, что они - дети Богдана Мусин-Пушкина, и пожалел безвинно перед ним оклеветанного. Вследствие всего этого они были отмечены особыми царскими милостями и оба брата Мусин-Пушкины были награждены военными отличиями и дарами. А сверх того царь взял их обоих под свое особое покровительство.

Молодые герои после того были окружены царской свитой, обласканы со всех сторон. В числе вельмож свиты находился тут и боярин Алексей Кузьмич Луговской. Вдруг тот видит, что один из братьев подходит к нему, становится на колени и говорит ему: "Родитель, прости непокорную дочь твою Ирину!" Более она не могла выговорить. Слезы текли рекою, комок подступил к горлу, мешая говорить.

"Встань с колен, дитятко, прощаю тебя и благословляю!" - только и мог промолвить сквозь слезы растроганный боярин. Женщина в стане русских воинов! Такое дивное открытие поразило всю русскую армию, а наипаче бывалых казаков Богдана Хмельницкого, которые наяву видели, как храбро и мужественно бился меньший брат Мусин-Пушкина, плечо о плечо со старшим братом. Все дивовались ратным подвигам молодой супруги Алексея Мусин-Пушкина!

Осыпанный царскими милостями новый стольник государя Алексей Богданович с супругой своей Ириной и с тестем своим боярином Алексеем Кузьмичем по взятии Смоленска и по царскому слову отправились в Москву. Там узнали они, что боярин Илья Алексеевич Луговской взял себе в супружество внучку князя Дмитрия Юрьевича Темкина, дочь князя Михаила Михайловича Темкина, Татьяну.

Родовая дружба двоих стариков Луговских возобновилась по-прежнему. А с ними вместе подружились между собой и все дети их. Стольник Алексей Богданович Мусин-Пушкин имел обширный ум и немалую склонность к наукам.

Любил он заниматься отечественной литературой и историей. От него ни в чем не отставала и помогала ему, чем могла, супруга его Ирина. Сия последняя имела большую литературную переписку с иностранными учеными касательно русской истории.

Живя в своем имении в селе Димитриановском Зверинцевской волости, стольник Алексей Богданович с супругой своей Ириной неустанно трудились над собиранием и приобретением разных редких книг и рукописей о России, содержащих любопытные сведения о происхождении славяно-русского народа, его царях, князьях и старейшинах, от

самых древних библейских повествований до времен великого князя Рюрика.

Будучи обитателями Ростовской области, они в бытописании своем более стремились изображать свою Белую Русь страной, населенной народами библейского происхождения, а Ростов описать как столицу всего народа славяно-русского со всеми его знаменитостями от царей и князей до богатырей. В таком духе они и написали в конце концов свою "Книгу о великих князьях русских, отколе произыде корень их". Это была черновая, почтенной толщины рукописная книга, в дестевую меру, на грубой желтоватой бумаге, состоящая из многих тетрадей, писанных тремя скорописными и полууставными почерками, с картинками и заставками, со множеством зачеркиваний, пометок и дополнений; местами на ней видна была кудреватая подпись их сына Ивана Алексеевича, впоследствии царского окольничьего и даже графа, председателя Монастырского приказа Петра Великого. По непроверенным слухам, молодой Мусин-Пушкин напечатал часть этой книги (родословия!) в Москве в 1672 году, в двух частях, с портретами князей и царей.

Преждевременная смерть стольника Алексея Богдановича в 1669 году, к сожалению, пресекла его полезную литературную деятельность. В 1670 году его вдова купила у боярина Ильи Алексеевича Луговского село Угодичи, поселилась там вместе с малолетним сыном своим Иваном и продолжила литературные занятия покойного мужа, вела обширную переписку с иностранцами, проживающими в Москве и других российских городах, иностранными учеными. За всем за этим зорко следили воеводы ростовские, сменявшие один другого, а именно: Григорий Иваныч Пустошкин, Иван Петрович Елецкий, Ермолай Филиппович Боков, стольник Михаиле Сергеич Татищев, Никита Полуевктович Ивовский и Андреян Дмитрич Бестужев, которые и доносили об этой переписке московским высокопоставленным людям - князьям и боярам. О последних стольница Ирина писала нелицеприятные вещи и не слишком учтиво, иногда черными красками. За это она подверглась гонениям. В Москве на нее завели будто дело о государственной измене. Из Москвы в Ростов и Угодичи даже приезжал для специального дознания 17 июля 1685 года ближний царев боярин Артемон Сергеевич Матвеев. Однако никакого вредительства он не открыл, разве что в литературной ее частной переписке с учеными усмотрел изредка неблагоприятные фразы о княжеских и боярских родах и критику их семейных дел. За все это власти запретили ей ездить в Москву и вести переписку с иностранцами и отняли у нее привилегии бояр Луговских на рыбную ловлю в Ростовском озере.

Вскоре после этого Ростовский митрополит Иона Сысоевич низвергнул с Ростовского воеводства боярина Андрея Дмитриевича Бестужева за неуместные нападки на вдову-стольницу. Ирина услаждала свою невольную скуку препровождением религиозных дел, часто исповедуясь у митрополитов, вначале у Ионы, потом у Иосафа Лазаревича. Ирина заботилась о Богоявленской церкви села Угодичи, устроив ее украшения и приложив к ней трапезные церкви и двухъярусную шатровую колокольню; велела вологодским изографам написать большую икону Воскресения Христова пополам со Страстями Христовыми. До самой своей смерти, до 1701 года, трудилась стольница над книгою своею, содержащей 120 сказочных повестей и преданий.

Простонародная философия говорит: "Покойник у ворот не стоит, а свое возьмет!" Так, видно, у нас все устроено, что и свои должны от своих же питаться. Так и литература наша - сказочные повести и предания, собранные трудами Мусин-Пушкиных в далеком XV веке. Замолчать их невозможно! Иссушить родник народной мудрости никому не удастся! Так и протек он от семнадцатого столетия до нашего времени, благодаря трудам крестьянина Александра Яковлевича Артынова, который нашел Мусин-Пушкинский литературный сборник и спас его от забвения, сделав его литературный пересказ.

Сокровище народной словесности было передано в добрый час нам, его далеким потомкам, на радость и научение премудрости книжной.

Нет! Не погибнет Россия, не пропадет она, как бы ей ни было лихо от смутьянов и как бы ни чистили и ни чернили ее недруги, если жива на родной земле хоть одна сказка или песня, хоть одна пословица или поговорка, хоть одна скоморошина да истинно народная

книга!

Историческая память вечна, как вечен народ, ее породивший!

Ю.К. Бегунов: Александр Яковлевич АРТЫНОВ и его сказочные повести

Ростовский краевед по праву принадлежит к числу тех непрофессиональных собирателей фольклора, кто, не имея возможности получить образование, сумел все же овладеть необходимыми знаниями и посвятил свою жизнь благородной цели: собиранию и литературной обработке русских сказок, повестей, преданий и песен.

Горячий патриот Ростова Великого и его старины, Артынов прожил долгую жизнь, вторую половину которой провел в неустанных исследовательских поисках и литературном труде, не заботясь ни о суетной славе печатающегося ученого или преуспевающего литератора, ни о материальной выгоде от своих фольклорно-литературных занятий.

Богата матушка Россия талантливыми людьми! Из простых людей вышли и подарили миру свои гениальные творения историк-экономист Посошков, ученый-писатель Ломоносов, инженеры Кулибин, отец и сын Черепановы, литератор Каржавин, философы-публицисты Сютаев и Бондарев, историк Забелин, писатель Бажов.

Огромен вклад в русскую культуру лубочного литератора Артынова.

Александр Яковлевич Артынов родился 22 августа (по ст. стилю) 1813 года в семье свободного крестьянина большого подростовного села Угодичи Якова Дмитриевича Артынова. Отец его был, по словам родословной Артыновых, "муж высоких умственных способностей и первый из передовых людей села Угодичи; он с братом своим Михаилом содержал огороды Тихвинского Большого монастыря и производил там торговлю во время ярмарки коренной и свежей уральской рыбой и огородными семенами.

При увольнении села Угодич (в 1809 г. - Ю.Б.) в звание свободных хлебопашцев он был доверенным и первым деятелем в этом деле".

Дядя Артынова Михаиле Дмитриевич в 1793 году написал "Историю села Угодичи", для которой долгие годы собирал документальные материалы. По словам той же родословной, Михайло Артынов "был красноречивый оратор, душа дворянских и купеческих обществ".

В семье Артыновых, в прошлом крепостных крестьян, дорожили трудовой честью своего крестьянского рода: Михаиле и Александр Артыновы составили родословную Артыновых-Альтиных, из которой видно, что род берет начало от Торопки Голована, слуги ростовского князя Бориса Владимировича. Последний был убит 24 июля 1015 года по наущению князя Святополка Окаянного на берегу речки Альты, близ Переяславля Южного. Прискакавшего с печальной вестью в Ростов Великий Торопку Голована и прозвали Альтин. Один из Альтиных, Васька Вихорь, в 1613 году участвовал в поимке на реке Яике атамана донских казаков Ивана Мартыновича Заруцкого, принимавшего участие в "смуте" на стороне Лжедмитрия, "тушинского вора"; Вихорь-Альтин переименовал свое прозвище на "Мартынов".

Среди Артыновых было немало грамотных крестьян, сокольников, стремянных, ловчих, кулачных бойцов, солдат, поставщиков фуража и провианта для армии, торговцев, старост сельской общины и даже управляющих барским имением села Угодичи. Самым видным представителем рода было суждено стать Александру Яковлевичу. Судьба его сложилась так, что он стал одним из первых собирателей преданий и сказок о князьях и исторических деятелях городов и сел Ростовской земли, сохранявшихся многими поколениями простых людей, близко стоявших к княжеским и боярским дворам и посаду - купечеству Ростова Великого.

Сохранившаяся часть архива Артынова в библиотеках и музеях Санкт-Петербурга, Москвы и Ростова Великого насчитывает ныне 80 рукописных сборников и тетрадей, имеющих в общей сложности свыше 50 000 листов. Это огромное богатство! Рукописное наследие Артынова не изучено, не издано. Оно еще ждет того момента, когда к нему прикоснется заботливая рука пытливого исследователя, фольклориста и древника.

Было бы любопытно проследить, как народная среда воспитывает свои таланты, как

формирует в них великую силу, призванную найти и поднять народную правду, заставить заговорить замолкнувшую музу народную, раскрыть великое богатство народной мудрости.

Около 1820 года шестилетнего Сашу отдали в ученье местному священнику Николаю Владиирову. Родной дядя Михаиле стремился привить племяннику интерес к отечественной истории, литературе и фольклору. Мальчик часто слушал сказки о ростовских князьях и княжнах, о добрых и злых волшебниках от старого камердинера покойного помещика села Угодичи Карра Григория Ильина. В 1879 года Артынов вспоминал: "Григорий Ильин был. плодовитый и красноречивый рассказчик старины, живая история села Угодичи, характер имел твердый и прямой. По смерти Карра он проживал в старой судебной избе на месте нынешней важни... Когда обучался грамоте у Богоявленского попа Николая, умершего в 1840 г. февраля 3 дня, я имел частые случаи ходить за покупкой табака к пономарю Ивану Николаеву, прозванному Клюкой, сын попа Николая жил с ним в одном доме. В это время старик Григорий бывал неистощимый рассказчик старины".

Мальчик часами слушал сказки и от бывшего шута старого барина Ивана Андреевича Болмасова-Бebenёва и от "великого говоруна" угодичского крестьянина Грачева, а в 1822-1823 годах в Тихвине - от старого гвардейца Якова Алексеева, по прозвищу Питерец. Этот солдат инвалид, которого Артынов прозвал "ростовской Шехерезадой", знал русские и арабские сказки, спел для мальчика и две былины - "Ян Ушмович" и "Женитьба князя Владимира", тексты которых Саша записал и впоследствии (в 1882 г.) издал с помощью ростовского ученого-краеведа Титова в своих "Воспоминаниях".

В Тихвине Артынов учился у священника Н.К. Пашеозерского. Посещал он и Тихвинский Большой монастырь, где сказку о царевне Киммерис рассказывал ему иеромонах Мартирий, в миру - Петр Егоров, по прозвищу Грузин; впоследствии этот монах стал настоятелем Филиппо-Ирапской пустыни Вологодского края.

Предание о князе Перее-Туче и чудесном исцелении апостолом Андреем его сына Яромира Саша впервые услышал при посещении села Грузине, что на реке Волхов. Рассказ велся от лица дяди исцеленного юноши, по имени Мунга-Герман, легендарного основателя Валаамского монастыря. Позднее эта же сказочная повесть встретила А.Я. Артынову в рукописных сборниках XV века, один из которых принадлежал во второй половине XV века комнатному стольнику царя Алексея Михайловича Алексею Богдановичу Мусин-Пушкину, а другой - ростовскому купцу Петру Васильевичу Хлебникову (ум. в 1856 г.).

После возвращения в родные Угодичи в 1823 году мальчик сблизился с пожилым дьячком Александром Златоустовым, который рассказал Артынову много преданий о жившем в середине XV века ростовском митрополите Арсении Мацеевиче, посмевавшем вступить в открытый спор с самой Екатериной II.

В то время в распоряжении любознательного мальчика была библиотека рукописных книг XV-... веков и лубочных изданий, сыгравших значительную роль в формировании его мировоззрения. Не менее сильным было и воздействие на молодого Артынова купеческого фольклора, с которым он познакомился в 1825-1826 годах в городе Ростове. Через много лет Артынов вспоминал, что после смерти отца мать отдала его на службу в лавку ростовского купца В.А. Малышева. В Ростовском Гостином дворе, в овощном ряду, что располагался напротив Спасской церкви, была так называемая "купеческая стоянка". В свободное время купцы и приказчики вели разговоры о старине, рассказывая друг другу сказки, предания и занятные истории. "В то время ростовских летописей было в изобилии и почти у каждого было помногу разных старинных рукописей, - вспоминал Артынов. - Нарочитая и самая лучшая библиотека древних списков была у Федора Семеновича Шестакова (в 1825 г. ему было семьдесят лет. - Ю.Б.). Об этих рукописях и событиях в стоянке между любителями старины бывали сильные споры, и их всегда разрешал Федор Семенович.

По своей начитанности и красноречию он был живая история древнего Великого Ростова. Я хотя и видал приносимую им иногда для разрешения споров рукописную книгу довольно почтенной толщины, писанную полууставом, но по малолетству своему не обращал

на нее внимания. Впрочем, нередко с его детьми Федором и Николаем, кое-как разбирая, читывали, разумеется, в отсутствии хозяина. Меня более занимал словесный рассказ его о князьях ростовских.

Случай привел меня в 1829 г. торговать уже на отчете у того же Василья Малышева, но через четыре года многое изменилось: Федор Семенович помер, дети его куда-то разъехались, лавку занял Василий Иванович Путилов; прежнюю же лавку Малышева подле прохода, где я был первоначально, занял Федор Михайлович Земсков; знаменитая же рукописная книга, как мне передавали, поступила Петру Ивановичу Попову по праву какого-то родства с Шестаковым, что я слышал впоследствии от дочери Петра Ивановича, старой девицы Павлы. Куда теперь девалась эта книга, неизвестно. Вероятно, как и многие другие рукописи, утрачена. Немало рукописей сгорело у П.В. Хлебникова во время сильного пожара в Ростове (26 октября 1856 г. - Ю.Б.). Весело вспоминать обычаи старинных торговцев, которым много было свободного времени: сидя на галерее и чаще у лавки Дьячкова. Чего тогда они не переговорят между собою! Была бы только охота слушать".

В 1826 году, вспоминал Артынов, "на праздник Рождества перешла жить к нам в дом сестра моей матери, старая дева Татьяна Андреевна Никонова. Она передала мне две старинные песни, существовавшие в Угодичах от времени Грозного царя, когда село Угодичи было наследственной вотчиной его матери княгини Елены Глинской". Это были "Мамстрюк Темрюкович" и "Князь Воротынский", тексты которых А.Я.

Артынов опубликовал в газете "Ярославские губернские ведомости" (часть неофициальная, 1851, №4; 1857, №9).

Вместе с этими историческими песнями были записаны от ??. Никоновой два угодичских преданья: одно - об Ивашечке, уроженце села Угодичи, герое поединка с Мамстрюком, а другое - о Жданике Кашеварове, угодичском рыболове, который служил в Москве конюхом у боярина Никиты Романовича и не пожалел своей жизни ради спасения царского сына. Позднее, в 1842 году, Артынов нашел близкие письменные тексты этих же двух исторических песен в рукописной тетрадке XV или начала XV века в архиве графов Ивана Алексеевича и Платона Ивановича Мусин-Пушкиных.

Никонова рассказывала мальчику сказку о том, как князь Светид-Ворка искал конец земли, опускался на дно морское и летал в поднебесье, к солнцу. Впоследствии эту же сказку Артынов нашел в сборниках стольника А.Б. Мусин-Пушкина и купца П.В. Хлебникова, а также в редком печатном издании - "Собрании русских сказок. Часть " (М., типография Христофора Клавдия, 1797).

В 1827 году земский писарь села Угодичи Василий Павлович Горохов, ранее служивший у какого-то богатого торговца шелком в Астрахани, исполнил для Саши Артынова две былины - "Женитьба князя Владимира" и "Илья Муромец и Царь-девица, княжна Ростовская".

Былина об Илье Муромце соединяла в себе традиционный текст об исцелении и первых подвигах богатыря с ростовской сказкой о Царь-девице, заколдованной волшебником Черномором. Повествование сначала ведется от лица княжны Ростовской. Оно рассказывает о том, как поехала она однажды на охоту и в дремучем лесу повстречалась со злым волшебником, который погрузил ее в глубокий сон. На лесной шатер, в котором спала красавица, случайно наехал Илья Муромец. Прикоснувшись к устам княжны перстнем Велесаны, он пробуждает ее и привозит в Ростов Великий к отцу и к жениху.

В декабре 1827 года гостил в семье московского купца и фабриканта сукон Тугаринова, один из восьми сыновей которого был женат на дочери ростовской купчихи Елены Афанасьевны Кайдаловой, урожденной Малышевой. От старой няни Тугариновых мальчик услышал сказку о князе Тугарине-Закедье и царевне Раисе и об основании города Ярославля. (См. нашу публикацию в сб. "Карабиха". Вып. 2. Ярославль, 1993.)

Обладая незаурядной памятью и пытливым умом, Артынов запоминал песни и сказки, а потом записывал их на отдельных листах или в тетрадях, сверяя записанное с другими

вариантами сходных текстов и дополняя разными свидетельствами, т.е., по сути дела, он создавал сводные тексты - пересказы.

"С этого времени, - вспоминал Артынов, - все более и более страсть к любознанию усиливалась во мне, которая с 1832 года по 1850 год сделала из меня живую историю Ростова Великого, в особенности, от первоначального знакомства моего с первостатейным ростовским купцом Михаилом Ивановичем Морокуевым. В его библиотеке была рукопись под названием "Первые семена для истории Ростова Великого". В это время он, будучи ростовским градским главою, познакомил меня с любителями отечественной старины: во-первых, с господином Николаем Николаевичем Клириковым. А сей последний познакомил меня с господином Федором Яковлевичем Никольским и ярославскими купцами Егором Васильевичем Трехлетовым и Семеном Алексеевичем Серебренниковым. А в Ростове Петр Васильевич Хлебников познакомил меня, в свою очередь, с графом Юлием Ивановичем Стенбоком, графом Александром Карловичем Сиверсом и господином Иваном Сергеевичем Аксаковым. Все поименованные выше особы старались обогатить меня своими познаниями, а Хлебников, Морокуев и Трехлетов - своими библиотеками, в которых много было старых рукописей о Ростове и князьях его, в особенности, о них было много в рукописи Хлебникова, с которых я замечательно все выписывал и собственно только для своей любознательности, а не в виде, чтобы писать историю Ростова. Эта любознательность сблизила меня с приказчиками господ Глазуновых и Зайкиных, книгопродавцев в Петербурге. Они давали тогда для прочтения древние истории даже из Императорской Публичной библиотеки, ибо тогда доступ туда им был свободен. По таким случаям имел я доступ в библиотеку Смирдина. Но сколько я ни прилагал старания, нигде не мог видеть того Ростовского летописца, на который ссылается российский историограф Карамзин. Подобный ему во всем был у П.В. Хлебникова, из которого все достопримечательное я выписал, где особо было много о князьях ростовских".

Ростовский летописец из собрания купца П.В. Хлебникова представлял собою, по словам А.Я. Артынова, большую толстую рукопись, форматом в лист, писанную скорописью XV века, на 600-700 листах, в деревянном, покрытом тисненой кожей переплете. Книга имела следующее заглавие: "о святом и великом граде Ростове и о весех его, како тии ту стаха, и чесе ради, яко слышахом от отцев наших, и яже видехом очима нашими, и яже слышахом ушима нашими" и содержала, кроме местной летописи, еще подробную легендарную часть с десятками сказочных повестей и преданий.

Приведем здесь текст одного из них под 991-м годом - "О крещении ростовчан".

"И повеле Володимерь храмы идольстии сокрушати вельми нещадно, и посла бирючи своя и глашатаи во вся концы града Ростова и по волостем и весем его: "Да идут вси людие во град ко крещению. Аще кто не обрящется у терема княжь, богатый или убогий, нищъ или раб, противен мне да будет". И стекошесь бесчисленное множество народа с женами и детьми, и влезоша вси во озеро, и стояще в нем свии по уши, свидо персей, младенцы же - у брега. А другия младенцы на руках держаше, совершения бродяху. Попове сущий на платах, ездитя по озеру и молитвы творяще ко крещению и дающе единому сонму едино имя, другому сонму — другое имя. И тико бысть всем великий князь со своим синклитом, владыка Киева Михаил со всем освященным собором, зряще на нь, прославляюще Бога".

"По словам рукописи Хлебникова, - замечает Артынов, - великий князь Владимир пришел в Ростов в лето 6497 (989), июля в 10 день, крещение ростовцев было 15 июля".

"Первым знамением христианства, водруженного рукою Владимира в земле поклонников Велеса, - утверждает А.Я. Артынов, - был храм Успения Пресвятыя Богородицы "от древ дубовых, якова не была и не вемы, будет ли на дивь всему мирови". А вслед за сим по благословению владыки Илариона воздвигнули второй обыденный храм во имя святых мучеников Кирика и Улиты, в волости Угожь. И тогда же по воле великого князя заведены были училища для обучения юношества и оставлены наместниками богатыри братья Претич и Фрелаф Демьяны... А в Чудском конце, на берегу озера, в убогой хижине поселился некто странный из города Чухломы, с урочища Иверца, которого и прозвали "Иверком"; он носил

христианское имя Авраамия. Примерная отшельническая жизнь его привлекла к нему много потаенных христиан города Ростова, они в сладость слушали его душеспасительные беседы, которые он изучил, находясь на острове Валааме, на море Нево, от живущих там отшельников".

По преданиям, записанным Артыновым, в Чудском конце Ростова Великого, на месте Авраамеева Богоявленского монастыря стоял идол Велеса. Он "сотворен был на камне многоценна, ему женне бе подобен в поднебесней стоящъ на месте красне и висоце". Авраамий Ростовский, по преданию, сократил своим жезлом этот идол и посрамил жрецов. Позднее, в 1551 году этот жезл якобы брал с собой Иван Грозный в поход на Казань и полагал, что чудодейственной силе жезла он обязан покорением Казани.

1842 год был переломным годом в собирательской деятельности Артынова. Летом, разбирая вместе с бурмистром С.Г. Тихоновым и писарем А.А. Озеровским в кладовой палатке под колокольней Николаевской церкви села Угодичи архив и библиотеку графов Ивана Алексеевича и Платона Ивановича Мусин-Пушкиных, он нашел удивительную рукопись. Это была "Книга о славяно-русском народе, о великих князьях русских и ростовских, отьколе корень их произыде на Руси. От Ноя праотца до великаго князя Рюрика", которая, по словам Артынова, "была более 500 страниц, в дестевую меру, на грубой желтоватой бумаге, и писана кудреватым почерком не одной руки, с картинками и заставками весьма искусной руки". Сборник содержал 120 ценнейших сказочных повестей, записанных и литературно обработанных во второй половине XV века стольником царя Алексея Михайловича Алексеем Богдановичем Мусин-Пушкиным и его женой Ириной Михайловной, жившими под Ростовым в селе Димитриановском Зверинцевской волости. Это было редчайшее, судя по содержанию, собрание сказочных повестей и преданий по истории Ростовского княжества, неизвестных современным исследователям древнерусской литературы и фольклора. Правда, Артынов не скопировал, а только пересказал содержание этих произведений. "К сожалению, делая выписки, - признавался позднее Артынов, - я не удержал слов подлинника, а думая, что будет понятнее, придерживался современного языка и, много раз переписывая, не сохранил потом и малейших остатков слога рукописи, который в некоторых местах у меня сначала удерживался. Снова повторяю, что с горестью вспоминаю теперь о том".

В Мусин-Пушкинском сборнике читались весьма интересные сказочные повести о князе Словене Новгородском, о Вандале, царе Новгородском, в иной редакции и со множеством подробностей сродни мифологическим текстам Новгородской летописи. Здесь же находилась и редкая повесть о князе Владимире, сыне Вандаля, легендарном основателе Ростова. Их содержание известно только из пересказа Артынова в "Досуге поселянина": "Задолго до летописного начала в Великом Новгороде был царь по имени Славян от племени царевича Росса, который основал на реке Мутной город: Кунигардию. (Место этого города видно и в настоящее время на Софийской стороне.) Он был великий завоеватель. Его несметные дружины, когда были в походе и пили, то осушали целые реки. Он завоевал землю Скандинавскую, пленил также на Мелярском озере город Сигстуна и увез оттоле Медные городские ворота весьма хитрого дела. На возвратном пути своем оттоле близ столицы своей Кунигардии на левом берегу реки Меты от глубокой старости помер. Над могилой его дружина его насыпала пригоршнями великой курган (Бронницкий. - Ю.Б.). Один из потомков его, по имени Вандал, царствовал после отца своего в Кунигардии и близ оныя заложил новый город на другом берегу реки Мутной, который и назвал Новым городом. А Кунигардию в честь отца своего назвал Словенск. Он имел у себя трех сыновей: старшего звали по имени Избор, среднего звали Столпосвет, самого младшего звали Владимиром. Старший сын его, Избор, по смерти отца своего правил Новым городом, средний Столпосвет был лихой ушкуйник - разбойник, который промышлял своею удалью на реке Мутной на своем дивно построенном судне. (Судно это было особого устройства: с полукруглой палубой, длинным носом, раскрашенное различными красками - "Образ Морского Шуда". По этому судну царевич Столпосвет известен был под именем

Волхва, по нем и реку Мутную прозвали Волхов, до моря Нево промышлял своей удалью.)

Младший сын Владимир был в полном смысле богатырь земли русской, вследствие чего волхвы и вешенники велели ему для себя отыскивать царства Инуде, лежащее на восток от солнца, где стоял Россов стан. Там стоит одинокий город Ростов", "где обитает народ меря финского племени, ведущий род свой от Фовела, сына пятого Иафета, сюда пришел новгородский царевич, по имени Владимир, сын новгородского царя Вандала, со своими новгородскими славяно-россами, заселив землю Мерянскую, оттеснив народ мерю на берега реки Мери. К этому времени совпадает по некоторым ростовским летописям существование в Ростове христианской царевны греческой, современницы Владимира по имени Рапсимию, построившей на рву городском или реке Пиге церковь, и варяжской княгини Римны, которую супруг ее князь варяжский за христианскую веру предал на смерть".

Третьим замечательным сборником после Хлебниковского и Мусин-Пушкинского, который был в распоряжении угодичского собирателя, считается Трехлетовский сборник. Толстая рукопись, в четверку, из собрания ярославского купца Е.В. Трехлетова имела следующее заглавие: "Книга, а в ней собрание всех живущих на лице всея земли племен и народов, отколе корень их произыде, о образе и подобии их". Она содержала, кроме Ростовского летописца, еще и легендарную часть со сказочными повестями, подобными тем, которые имелись в сборнике из библиотеки П.В. Хлебникова. Трехлетовский сборник, по всей вероятности, датировался концом XV - началом XX века.

Вдохновленный первыми успехами своей собирательской деятельности, Артынов решил бросить занятия мелочной торговлей и начать "писать историю" Ростова Великого, опираясь на имевшийся в его распоряжении богатый полуфольклорный, полулитературный материал.

В 1850 году односельчане избрали А.Я. Артынова старостой Богоявленской церкви села Угодичи, и он оставался в этой должности до 1862 года. Она принесла ему новые хлопоты, но и некоторую независимость и свободу в литературных занятиях. Артынов стал помногу раз переписывать и переделывать имевшиеся в его распоряжении сказочные повести, дополняя и комментируя их тексты. Помощь и внимание Артынову в это время оказывал видный ученый, секретарь императорского Археологического общества И.П. Сахаров, археолог, палеограф, известный многотомными изданиями "Сказания русского народа о семейной жизни своих предков", "Песни русского народа", "Русские народные сказки", "Русские древние памятники" и др. Ученый Сахаров побывал в Угодичах в 1858 г. и видел в сельском архиве Мусин-Пушкинский сборник, который назвал "Омировой Илиадой славяно-русского народа".

К 1848-1850 годам относится знакомство Артынова с И.С. Аксаковым, видным славянофилом, поэтом и публицистом. Аксаков отредактировал составленную Артыновым на основе бумаг М.Д. Артынова "Историю села Угодич" и отправил рукопись в редакцию "Ярославских губернских ведомостей", где она и была напечатана в 1851 г. И.С. Аксаков поощрял собирание и использование Артыновым местного фольклора. Летом 1850 г. Артынов тщательно переписал в отдельную тетрадку все записанные им песни и некоторые из них послал в копиях Аксакову в город Данилов, где петербургский литератор в то время отдыхал. Часть этих песен позднее (в 1882 г.) была издана Титовым в "Воспоминаниях А.Я. Артынова" и в "Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете".

В 1857 году Артынов завершил первую редакцию основанного на местных преданиях "Ядра Ростовской истории", состоявшего из одиннадцати глав и освещавшего историю Ростовской земли с X по XX век включительно. Научное достоинство этого труда как исторического сочинения было невелико, так как Артынов безгранично верил своим полуфольклорным, полулитературным источникам и не допускал ни в малейшей степени критики исторического источника. В результате его повествование свелось к беллетризованному пересказу того материала, который угодичский крестьянин собрал из трех вышеназванных рукописей и из рассказов ростовских купцов.

В феврале 1869 года известный меценат и собиратель старины граф А.С. Уваров пригласил Артынова на V Археологический съезд в Москву. Здесь 23 марта 1869 года произошла встреча А.Я. Артынова с маститым историком М.П. Погодиным. Последний, просмотрев "Ядро Ростовской истории", поддержал начинания угодичского крестьянина, но указал ему на не допустимое для исследователя обращение с источниками: пересказывание их вместо точного цитирования. А.Я. Артынов глубоко сожалел о своей ошибке, бывшей следствием недостатка специального образования. Он захотел ее исправить, но было уже поздно. 26 октября 1856 года сгорела библиотека ростовского купца П.В. Хлебникова и ценный Ростовский летописец в ней, а осенью того же года пропал Мусин-Пушкинский сборник вместе со всем архивом Угодичской общины во время приезда в село чиновника-ревизора из Ярославской Палаты государственных имуществ Я.А. Надежина. Трехлетовская библиотека после смерти владельца в 1853 году была куплена комиссионерами графа Корфа для Императорской Публичной библиотеки, но следы Трехлетовского сборника затерялись.

"Уже после, - вспоминал Артынов, - я все свои списки собрал и переписал в особую книгу, и вот в 1880 г. я из этой книги и составил "Сборник Ростовских сказаний"; такие же я написал о князьях, иерархах и именитых людях Ростова Великого".

1870-1871 годы - время фольклорных экспедиций Артынова по Ростовскому уезду. Ярославский генерал-губернатор вице-адмирал М.С. Унковский выдал Артынову открытый лист на составление описания Ростовского уезда за № 52 от 10 марта 1870 года, а также необходимые средства.

В эти годы Артынов записал много сказок и преданий. Вот одно из них об урочище Попово Пенье, записанное от купца города Петровска П.Ф. Жукова: "Попово Пенье по преданию старины получило себе имя от следующей причины. Недалеко от обители святой Марии жил богатый и благочестивый селянин по имени Алферий, который в ночь на день Успения Богоматери пошел помолиться в обитель эту. На полпути его видит он стоящих с иконой Богоматери ея Успения в блестящих ризах многих попов, поющих молебная пения с акафистом Божией матери. Он остановился и слушал это пение до конца. По окончании которого попы ушли в обитель, а Алферий туда же за ними", и там, к удивлению своему, кроме соборной церкви, все новые иноки, все несведомы ему, доселе они все были знаемы ему. Из обители идет он в дом свой, видит его уже ветхим, жену свою нашел из молодой довольно пожилую, оставленного им младенца-сына нашел возмужалым и имеющим уже небольшую бороду. Себя увидел поседелого.

На месте Попова Пенья находятся близ горы святой Марии две пустоши Поповка и Пенья".

Как собиратель Артынов понимал необходимость соблюдения документальности записей. Поэтому он всегда указывал, где и от кого он услышал и записал каждый данный текст. Впрочем, оригиналы записей Артынов рассматривал лишь как черновики, как первичный материал для своих последующих литературных обработок и вводных текстов. Потому черновики записей экспедиций 1870-1871 годов не сохранились.

Они были полностью использованы угодичским крестьянином при создании "Истории Ростова Великого", "Ростовского летописца", сборников повестей и преданий о ростовских князьях и богатырях.

В конце каждой записанной сказки или предания угодичский собиратель обычно указывал, от кого текст записан. Всего им было зафиксировано в Ростовском уезде Ярославской губернии 80 имен сказителей, среди которых 33 были крестьянского происхождения.

Последние 25 лет жизни Артынова прошли в упорном каждодневном труде, в исследовательском поиске. Им были написаны следующие книги: "История Ростова Великого" в трех частях (1870-1871), "Великий Ростов, его князья, их уделы и резиденция их село Угодичи" в трех частях (1879), "Ростовские сказки" в трех частях (1880), "Ростова Великого князья, иерархи и знаменитые люди" (1880), "Ростовский

летописец" в пяти частях (1881-1884), "Предания старины Ростова Великого" (1882), "Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Яковлевича Артынова" в двух частях (1882-1883), "Удельная собственность князей ростовских" (1883), "Село Угодичи", 5-я авторская редакция (1887), "Родословная ростовских князей" (1887) и многие другие. Все они были насыщены сотнями сказочных повестей и преданий местной ростовской традиции. Эта традиция до сих пор не изучена. К сожалению, все названные труды Артынова пока не известны широкому читателю, они не изданы, а их рукописи находятся в петербургских, московских и ростовских архивах и библиотеках.

Благодаря ростовскому историку-краеведу А.А. Титову, часть творческого наследия Артынова - более 80 рукописных книг (из многих сотен) - сохранилась. Перед нами материал весьма разнородный, который можно разделить на несколько групп: а) записи подлинных фольклорных и древних исторических и литературных текстов; б) пересказы подобных же текстов; в) переработки и переделки тех же текстов с целью создания сводных литературных текстов; г) исторические сочинения (местные ростовские летописцы, о князьях, их родословные и пр.), созданные на основе известного ему местного материала; д) литературные сочинения (одна-две повести) и несколько десятков стихотворений и поэм, созданных А.Я. Артыновым. Классифицировать рукописный материал Артынова сравнительно легко, так как ростовский собиратель и книжник отличался высокой порядочностью в отношении используемых им материалов: он всегда указывал в подстрочных примечаниях, в комментариях и предисловиях, откуда им взят материал, кто и что послужило источником и когда. Таким образом, большинство его рукописей документировано, что облегчает пользование ими. Однако имеются и затруднения. Они состоят в том, что Артынов до 1869 г., т.е. до встречи с профессором М.П. Погодиным, не знал, что источники надо цитировать точно, дословно, и не сохранил точных копий бывших в его руках уникальных историко-литературных материалов - Мусин-Пушкинского сборника, Хлебниковского и Трехлетовского летописцев. Сохранился лишь подробный пересказ текста Мусин-Пушкинского сборника, содержащего 120 уникальных сказочных повестей, основанных на местном ростовском фольклоре XV века и старше (рукописи Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина из собрания А.А. Титова, № 4131 и 4132, 1887-1888 гг.); а также краткие пересказы Хлебниковского и Трехлетовского летописца (рукопись из собрания А.А. Титова, № 4580, 1878-1879 гг.) и некоторых документов.

Сказочные повести Артынова - это в общей сложности несколько сотен неизданных текстов разной ценности. Их необходимо исследовать и ввести в научный оборот, так как они содержат первоклассный материал как для историков фольклора, так и для историков древней русской литературы, а также для этнографов. Однако их использование затрудняет то обстоятельство, что исследователи не знают сравнительной историко-филологической ценности указанных текстов и не подозревают возможностей их использования. Ведь если эти сказочные повести сочинил Артынов, то они могут рассматриваться только в ряду лубочной литературы XX века. Но если окажется, что Артынов не сочинял, а составлял сводные тексты из услышанного и записанного им, тогда ценность его наследия возрастает. Установить источники и "отслоить" хронологически этапы его работы - задачи исследователя. Ведь Артынов, что весьма существенно, не только пользовался указанными тремя литературными сборниками XV-XV веков, но и сам записывал фольклор.

Артынов в жизни был скромным. Он говорил, что пишет для себя, для своего сына Якова и для внуков Саши, Миши и Сережи, и никогда не предназначал свои труды для печати. Впрочем, в тайне он хранил надежду, что его рукописи когда-нибудь пригодятся народу.

Его вдохновляла уверенность в правоте и полезности своего дела по собиранию уходящей старины и ее народной мудрости. Лишь уступая настоянию своего друга ученого-

краеведа А.А. Титова, Артынов принял участие в работе V Археологического съезда в Ярославле и Ростове в 1887 году, представив свои сочинения "Село Угодичи" и "Ростовские князья".

Александр Яковлевич Артынов работал до последних дней своей жизни. Когда он ослеп, то диктовал свои труды сыну Якову и внуку Сергею.

17 февраля 1896 г. А.Я. Артынов скончался и был похоронен в селе Угодичи возле Богоявленской церкви.

Уже при жизни Артынов и его подвижнический труд был замечен современниками. Село Угодичи сделалось местом паломничества любопытных. Историко-этнографический очерк Артынова об Угодичах выдержал пять изданий, увидели свет и два предания XV века об архиерейской шапке Иоасафа Оболенского и о попе Георгии Скрынице в "Ярославских епархиальных ведомостях" (1878, № 80 и 1883). Однако основные книги Артынова остались ненапечатанными - в его архиве. Следует подчеркнуть, что А.А. Титов воспользовался богатыми материалами Артынова для следующих своих научных работ: "Воржская волость. Исторический и статистический очерк" (Ярославль, 1881), "Ростовская старина. Вып. " (Ярославль, 1887, "Предания о ростовских князьях" (М., 1885), "Ростовский уезд Ярославской губернии" (М., 1885), "Велесово дворище и легенда о жреце Киче" (М., 1887) и др.

После смерти А.А. Титова в 1911 году его большие библиотека и архив, куда входили и рукописи Артынова, были разделены на части и в настоящее время хранятся в Российской Национальной библиотеке в Петербурге, в Ростовском историко-архитектурном и художественном музее и в Государственном Историческом музее в Москве. В будущем исследователям совершенно необходимо установить как источники сказочных повестей Артынова, так и приемы его работы над древнерусскими литературными и фольклорными материалами, которые стали доступны ему в ростовской устной и письменной традициях. Тогда вклад Артынова как собирателя в историю отечественной фольклористики и лубочной литературы будет правильно оценен и по-настоящему понят. Место Артынова в истории науки - сразу после Александра Николаевича Афанасьева.

Было бы также чрезвычайно необходимо издать все лучшее и наиболее ценное из произведений русского фольклора в записях и литературной обработке А.Я. Артынова и, прежде всего, Мусин-Пушкинский сборник второй половины XV века, сохранившийся в пересказе А.Я. Артынова 1842 года и в белой копии этого пересказа 1887-1888 годов. В ней приведены в пересказе современным языком тексты 120 полуфольклорных, полулитературных сказочных повестей одной забытой у нас, совершенно угасшей местной культурной традиции второй половины XV века, авторами которых были малоизвестные писатели XV века Алексей Богданович и Ирина Михайловна Мусин-Пушкины.

Значительный интерес представило бы и восстановление содержания утраченного Ростовского летописца из собрания ростовского купца П.В. Хлебникова и Трехлетовского сборника, ценных своими фольклорными материалами XV-XV столетий.

Александра Яковлевича Артынова, чей подвиг как собирателя фольклора еще не до конца осознан и оценен нашими современниками, можно было бы по праву назвать достойным продолжателем традиций русской лубочной литературы и народной книги XV-XV веков, подвижником среди непрофессиональных собирателей фольклора.

Комментарии

Настоящий сборник сказания Великого Новгорода, записанные купцом Артыновым" - результат нашей многолетней работы в архивах; основывается он на четырех рукописях А.Я. Артынова:

1 и 2. "Сто двадцать сказок стольника Алексея Богдановича Мусин-Пушкина" в пересказе А.Я. Артынова 1842 г. по не сохранившейся до наших дней оригинальной рукописи второй половины XV - начала XVI века (копии Артынова - рукописи Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге из собрания А.А. Титова, № 4131 и 4132, 1886-1887 гг.).

3. "Ростовский летописец" А.Я. Артынова, 1883г. (рукопись той же библиотеки из того же собрания, № 2768).

4. "Летописи бытия временных лет Ростова Великого. Сочинение крестьянина Александра Артынова" 1890 г. - рукопись Ростовского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника, собрание рукописей, № 475.

Царевич Росс-Вандал

Росс-Вандал - легендарный родоначальник славяно-русского и роксоланского народов (Страбон). По преданию, он царствовал в Евксинопонтском (Черноморском) царстве, а потом в городе Вифсана, или Вифсаида, расположенном в Палестине, на Геннисаретском озере. Все эти сведения носят сказочный характер.

Фараон Нехон - в эпоху Нового царства при фараоне Нехоне (XV-XV вв. до н.э.) в Египте был прорыт канал, соединяющий восточный рукав Нила с Красным морем.

Конь царя Годуира - "По словам Геродота (V в. до н.э.), конь Годуиров сотворен был от древнегнеющих и весьма хитрого дела. Между ушами его была устроена золотая бляха, в которой заключалась вся сила его. Посредством оной и управляли им для быстрого, среднего и тихого полета. По желанию управляющего им, когда нужно ему лететь, то он посредством оной бляхи распускал свои крылья, устроенные по бокам его, он шипел и фыркал сильно ноздрями. Быстрый полет его был быстрее птицы" (Артынов).

Газа и Аскалон - древние города в Палестине, на берегу Средиземного моря.

Страна Гиперборейская - северная; Гипербореи - северные ветры (греч.). По Геродоту, Гиперборейская страна начиналась севернее Скифии, т.е. уже на широте Москвы.

Озеро Каово - озеро Неро, или Ростовское.

Иафет - сын Ноя, легендарный родоначальник индо-европейцев.

Брутовщинин ручей - впадал в Ростовское озеро на месте нынешнего Ростовского Спасо-Песочного монастыря (X в.). По преданию, на берегу Брутовщинина ручья основал крепкий город родственник сына Иафетова Мосоха царевич Рафан-Брут. От его имени впоследствии прозвался ручей. Над могилой Брута насыпали курган. На этом месте позднее стоял терем скифской царицы Артаксии.

Царевич Сидр-Сигг - легендарный родоначальник скандинавов (норманнов).

Каин - братоубийца Авеля; в отместку он был убит стрелой третьим сыном Адама Сетом (библ.)

Князь Славян Новгородский

Город Кунигардия - "город гуннов", или город Киев, основанный в 430 г. н.э. в "гуннское время". Это название ошибочно перенесено на Великий Словенск, якобы основанный на берегу реки Мутной (Волхова) в тысячелетии до н.э.. На самом же деле Великий Словенск основан в историческое время, когда словене пришли к озеру Ильмень (не ранее V в.; но скорее всего в V-X вв.).

Медные ворота - Корсунские (Магдебургские) ворота Софийского собора; сделаны в Германии в 1152-1154 гг.

Истр – Дунай.

Танаис – Дон.

Сигтуна или **Сигстуна** - столица королевства Швеции, основанная на озере Меларн в историческое время - в начале X в., и разрушенная новгородцами в 1187 г.

... насыпали великий курган - Славянов, или Бронницкий, курган на берегу реки Меты; название происходит от слова "броня": по преданию, был облицован военными трофеями, т.е. доспехами побежденных воинов.

Вандал, Царь Новгородский

Новый город - Новгород, основан не ранее начала X в.

Скифский царь афей и македонский царь Филипп

Афей - Атей, скифский царь, 429-339 гг. до н.э. Владел Большой Скифией от Дона до Дуная.

Столица его находилась на нижнем Борисфене (Днепре), ныне это - Каменское городище. Воевал с македонянами (царем Филиппом и царевичем Александром), которые ходили военным походом до Днестра. В 339 г. до н.э. погиб на берегу Дуная в сражении с царем Филиппом (382-336 гг. до н.э.).

Царь Александр Македонский - 356-323 гг. до н.э. Грамота его русским князьям — легенда, сочиненная в XV - XVI вв. Праславяне не встречались с ним.

Город Александрия - столица Александра Македонского на реке Нил; основана 332 г. до н.э. Город Экс - с шестиугольником стен на нижнем Дунае, столица Малой Скифии. В других источниках о ней сведений нет.

Истрианский царь - царь фракийцев-трибаллов.

Афинский оратор Демосфен - около 384-322 г. до н.э.; известен политическими речами против Филиппа – Филиппинами.

Царь Александр македонский и Царица скифов Атраксия

Царица Артаксия - в исторических источниках нет сведений об этой царице, как ничего неизвестно и о войне царя Александра Македонского с праславянами. Так же ничего не известно о миграции скифов и праславян с Дуная до озера Неро в V в. до н.э.

Клит - имя вождя племени дарданов (фракийцев), поднявшего в 336 г. до н.э. на среднем Дунае восстание против македонского владычества. Погиб в 335 г. до н.э.

Князь Печегд

Столпосвет - сын Вандала. См. "Вандал, царь Новгородский".

...крепкий городок своего имени на берегу быстротекущей речки Немы, - "печеготский городок лежит на северо-западе от Ростова в глубокой котловине, обнесенной цепью холмов; имеет вид усеченного конуса с продолговатым безвыходным на юг спуском. Со всех сторон у самой подошвы своей окружен речками и болотами непроходимой топи. Подъем на него только с северной стороны по извилистой тропинке к зеленому переходу через ров, которым обнесен городок с трех сторон; почитали неприступным выход на верхнюю площадь. Городок этот замечателен по своему устройству" (Артынов).

Плещеева озеро - "переславское озеро называется иначе Плещееве. Оно находится близ города Переславля-Залесского и принадлежит не городу, а селению Веськову. Оно имеет котловатое логовище, весьма чистое и глубокое, длиною в семь, а шириною в четыре версты. Оно изобилует рыбою, преимущественно сельдями. Оно имеет сообщение с морем посредством подземного канала, отчего и водится в нем морская рыба сельдь, главный лов которой бывает одновременно с норвежскими морскими залавами. Это озеро всякие нечистоты и даже металлические вещи выбрасывает на берег. Вследствие этого его и величают "Чистой девой" (Артынов).

Рифейские горы - Уральские. Урало-русский народ не существовал. Волшебник Жегуль жил якобы на Жегулевских горах в излучине Волги, и к Уральским горам те горы не имеют отношения.

Ательское царство - сказочное царство в нижнем течении Волги со столицей городом Атель (Итиль). Хазарское царство образовалось в V в. н.э., тогда же был построен и город Итиль, столица Хазарского каганата.

Угожь - село Угодичи у восточного берега Ростовского озера. По преданию, основано якобы в V в. до н.э., на самом же деле, возможно, в X-X вв.

Мудролюб, или Мудролет — легендарная личность; "потомство князя Мудролета по прямой линии дошло до великого князя Рюрика" (Артынов).

Прототий - легендарная личность; "потомство князя Прототия дошло до великого князя Олега Вещего"(Артынов). Такое мнение не подтверждается источниками. См. "Князь Олег Вещий и воевода Свенельд".

Помпей Храбрый, князь Новгородский

Князь Помпей - Избор Промека, якобы отец князей Перея-Тучи и Мунги-Германа, крещенных апостолом Андреем (в. н.э.) - легендарная личность, 4-е колено от императора

Августа.

Горой Гелон - скифо-греко-славянский город, находившийся во времена Геродота (V в. до н.э.) либо на Ворскле (река на Полтавщине), либо на верхнем Дону; Артынов считал, что Гелон находился на реке Каме возле нынешней Елабуги.

Апостол Андрей - младший ученик Иисуса Христа, крестивший Скифию и страны по берегам Черного моря от устья Дуная до устья Фазиса (Риони); в 70 г. он был распят на кресте стратигом Агом Антипатром в г. Патры (Пелопонес). О легендарном путешествии апостола вверх по Днепру и далее по Ловати, Ильменю, Волхову в озеро Нево, рекою Невою в Новгородский залив и далее в Рим известно из "Повести временных лет" Нестора Печерского (начало X в.). Сказочные повести о нем Мусин-Пушкинского сборника значительно дополняют летопись многими легендарными подробностями.

Князь Дометий

Князь Дометий - легендарная личность, 5-е колено от императора Августа.

Варяжское море - Балтийское море.

Большой остров - остров Валаам, на котором святой апостол Андрей якобы установил каменный крест, а ученик его Мунга-Герман основал Спасо-Преображенский Валаамский монастырь; на самом деле этот монастырь был основан в конце XV в. святым Сергием.

Кувявы, базилики, панфиры - сказочные народы Прибалтики и Северо-Запада Руси.

Роксоланы - иранское племя, родственное скифам и сарматам, жившее в Причерноморских степях на рубеже старой и новой эры и в первые века новой эры.

Город Стугна на берегу моря Невы - сказочный город на Ладожском озере.

Мудрец Аполофан

Октавиан-Август (63 г. до н.э.-14 г. н.э.) - римский император (27 г. до н.э.-14 г. н.э.).

Князья Аполофан и Дионисий Ареопагит - легендарные личности, якобы жившие в в. н.э., горячие сторонники христианства. По преданию, Дионисий был членом Афинского ареопага (совета), обращен святым апостолом Павлом в христианство; первый афинский епископ и священномученик. От имени Дионисия в V в. был написан крупный богословский труд на греческом языке "Ареопагитики".

Тиберий (42 г. до н.э.-37 г. н.э.) - римский император (14-37 гг. н.э.), правивший Римской империей во времена проповеди Иоанна Крестителя и земной жизни Иисуса Христа.

Афины - столица Греции, названная в честь дочери Зевса Афины; в в. н.э. центр эллинской образованности софистов (Афинская академия, 387 г. до н.э.) и место проповеднической деятельности апостолов и апостольских мужей - христиан.

Сократ (ок. 469-399 гг. до н.э.) - греческий философ, учитель Платона.

Платон (427-347 гг. до н.э.) - греческий философ и писатель.

Фукидид (ок. 460-400 гг. до н.э.) - греческий писатель и историк.

"Стихихорь" - "Стихирарь", сборник молебных стихов или песнопений составленный на греческом языке; русская редакция - X в.

Аристотель (384-322 гг. до н.э.) - греческий философ и ученый-энциклопедист.

Сивиллы - двенадцать пророчиц в греческой мифологии.

Аполлон - сын Зевса, греческий бог солнца и искусства.

Мунга -Герман и Святой Апостол Андрей

...на правом берегу Волхова - терем князя Перея-Тучи стоял в 80 км ниже Новгорода, там, где ныне находится с. Грузине, в прошлом имение графа ??. Аракчеева. По преданию, на том месте святой апостол Андрей водрузил свой жезл. На этом месте в средние века находилась Андреевская церковь, в которой хранился жезл святого апостола Андрея.

Князь Светозвезд, Волоотово поле и Великий Словенск

Князь Светозвезд - легендарная личность.

Заволочье - земли по реке Северная Двина, входившие с X по XV в. включительно в состав Новгородской республики.

Улейма - река к югу от Белоозера, в Ростово-Ярославской земле.

Князь Светид, как конец Света искал, на дно океана опускался, к Красну Солнышку летел

Великая степь... Ливийская - северо-восточная часть пустыни Сахара.

... по одну сторону киян-море Атланское, а по другую - киян-море Маримаруфское - Геркулесовы столбы, или Гибралтарский пролив, расположенный на границе Средиземного моря и Атлантического океана. Здесь автор сказочной повести помещает "конец света" с бело-каменными палатами Царь-девицы.

Стовратные Фивы - столица Нижнего Египта г. Фивы на Ниле.

Ту вулкан - Вулкан, бог огня в римской мифологии, а также небесный кузнец.

Цыцарская земля - сказочная страна в низовьях Днепра.

Святогор - древний богатырь восточнославянской мифологии.

Искендер - Александр Македонский. Согласно роману "Александрия", опускался на морское дно в Хрустальном пузыре.

Садился князь Светид в колесницу гусей и лебедей... - восточнославянский вариант греческого мифа о Фазтоне, пытавшемся достичь солнца.

Птица Строфокамил, или Рок, из арабских сказок.

Базилики Ахеталия - сказочный народ.

Князь Ладон-Святополк-Святослав, Княжна Лидия и Новгородский князь Буриной

Князь Ладон - все персонажи этой повести вымышленные.

Князь Буриной - отец старейшины Гостомысла.

"**Близко города Славянска...**" - старинная новгородская песня, встречающаяся также в опере композитора Верстовского "Аскольдова могила" (середина XX в.).

Мефодий - ок. 815-885 гг., апостол славянства, старший брат Кирилла.

Князь Катулус Мудрый

Князь Катулус - легендарная личность, 14-е колено от императора Августа.

Карл Великий - император франков, 777-814 гг.

Княжна Софариса - мать князя Рюрика, легендарная личность.

Гарун Аль-Рашид - халиф арабов, 780-804 гг.

Лев Третий - римский папа, 795-816 гг.

Князь Олег - легендарная личность; исторический князь Олег Вещий, он же — норвежский конунг Хельг из Халоголада, брат жены князя Рюрика, впоследствии - великий князь Киевский, 882-912 гг.

Михей Русин, купец - легендарная личность.

Цареград - Константинополь, столица Восточной Римской империи, основан в 330 г. императором Константином Великим.

Михаил Третий - византийский император, 842-867 гг.

Кирилл - 827-869 гг., апостол славянства, младший брат Мефодия.

Корсунь - Херсонес в Крыму, откуда, по преданию, были принесены в Новгород Корсунские врата, а на самом деле - Сигтунские. См. "Князь Славян Новгородский" и "Князь Светозвезд..."

Херсон - Херсонес, город в Крыму, основанный греками в 422 г. до н.э. Столица кагана - Итиль, столица Хазарского каганата. Спор первоучителей славянства с мусульманскими и еврейскими мудрецами состоялся в начале 861 г., возможно, в загородной резиденции хазарского царя (кагана) Белменджере, расположенной близ нынешнего Дербента. О споре св. Кирилла см. также в Паннонском житии св. Кирилла: о начале славянской письменности. - М., 1981. С. 78-85.

Рюрик, Князь Варяжский и Новгородский

Князь Рюрик - 862-879 гг. (годы княжения в Новгороде); на самом деле был седьмым сыном конунга датского Гаральда или Хальфдана из рода Шёлдунг, родился ок. 800 г. в Германии; был крещен в 826 г. в Ингельгейме, затем стал владельцем Рустрингии (Фризии); в 850-ые годы стал конунгом Хедебю (южная Дания); 8 сентября 862 г. во главе норманского ледунга (ополчения) из 160 кораблей с воинами захватывает Новгород Великий; свою княжескую резиденцию устраивает в Старой Ладоге, после 864 г. перемещается в Новгород.

Сказочная повесть Артынова не имеет соответствия исторической действительности, кроме факта разгрома конунгом Рюриком Лютеции (Парижа) между 845-850 гг.

Аксна - Аахен, место смерти императора Карла Великого (814).

Лудовик Кроткий - Лудовик Кроткий (778-840), сын Карла Великого, ставший императором Каролингской империи после смерти отца; в 817 г. был вынужден разделить свое государство на три части с сыновьями Лотаром и Пиппином. С 843 г. императором стал Лудовик Немецкий, сын Лотара (843-876).

Артынов, как и его литературный предшественник Мусин-Пушкин, доверял фантастической родословной князя Рюрика, сложившейся в XV-XV веках. Вот эта родословная по тексту из Хлебниковского летописца, скопированного Артыновым: "Один из сыновей Августа, Кесаря Римского, по имени Энний, ушел с князем Люцыллом, сыном Прусовым, Кесарева брата, от неприятностей двора Кесарева и римлян и поселился в земле поморских варягов. Князь Энний имел супругу, по имени Любу, дочь князя Славяно-русской республики, от которой имел трех сыновей, по имени Ираклия, Кнеуса и Люцылла, у князя Ираклия было два сына, по имени Помпеи и Александр. Князь Александр имел четырех сыновей, по имени Дометия, Веруса, Клеона и Птоломея. Князь Дометий женат был на дочери ке саря Римского Марка Аврелия, от которой имел он трех сыновей, по имени Симия, Лукия и Германа. Лукий-Фрелаф женат был на славяно русской княжне, по имени Лева, от которой имел четырех сыновей, по имени Север, Фрелаф, Салюстий и Подар. Князь Север имел у себя трех сыновей, по имени Хмуд, Элиса и Стадия. Князь Хмуд женат был на дочери кесаря Филиппа, от которой имел двух сыновей Тразия и Лакаона. Князь Тразий-Фрелаф женат был на новгородской княжне Римне, от которой имел одного сына, по имени Рустика. Князь Рустик женат был на внучке Римского кесаря Ираклия, от которой имел четырех сыновей, по имени Сяса, Трубадура, Куяву и Синеса. Князь Куяву имел одного сына, по имени Аппония, у князя Аппония было три сына, по имени Катулус, Ладон и Олег Вещий. Князь Катулус женат был на дочери Римского царя Константина, от которой имел трех сыновей, по имени Рурейха, Синава и Трувора" (Рукопись Ростовского архитектурного и историко-художественного музея-заповедника, № Р-241. С. 320-321. Прим. 458).

Призвание Варяжских Князей

Синеус и Трувор - легендарные личности; у князя Рюрика не было младших братьев. В норманнском источнике летописной статьи 862 г. о Рюрике сказано, что он пришел с "роды своими" (sne hus) и с "верной дружиной" (thru war).

Князя Синеус, Громосил и Княжна Милослава

Все персонажи сказочной повести - легендарные, вымышленные.

Князь Брячислав - легендарная личность.

Восстание Вадима Храброго

Вадим - якобы сын Сидиславы, внук Гостомысла. (Предание Хлебниковского летописца).

Вельможа чудодел

Чудодел - легендарная личность. Текст сказочной повести уникален. Параллелью к нему может служить лишь повесть Л.Н. Толстого "Отец Сергей".

Князь Олег Вещий и воевода Свенедьд

Свенедьд - воевода конунга Рюрика, наместник Ростовской земли, потом воевода в Киеве, наместник Древлянской земли; был воеводой в походах князей Рюрика, Олега, Игоря, Святослава. По преданию, прожил свыше 100 лет (последнее упоминание в летописи относится к 970-м годам). Родоначальник украинских бояр Киселей. Эпизод о ростовском противостоянии сохранился только в артыновском сборнике.

Боярин Дир - киевский князь из греков (Дирос Эллинский), был крещен под именем Николая (ок. 866 г.). Правил Киевом вместе с норманном Аскольдом с 850-х годов до 882 г. Убит князем Олегом Вещим в 882 г.

Богатырь Ратмир-Демьян, железный пояс и Боярышня Татьяна

Ратмир-Демьян Железный пояс - один из русских богатырей времен великого князя Киевского Ярослава Мудрого (1019-1054), наряду с Вадимом Храбрым, Тугарином Ломом, Щапом Долгой Рукой, Буем Годеновичем, Осоем Наложу Руку, Чуфарем Дикуном, Ушенцом Пурой, Полчем Чухолзой. Историчность его имени другими источниками не подтверждается.

Боярин Константин - сын стольника и русского богатыря времени великого князя Святослава и великой княгини Ольги (843-872) Добрыни Никитича (Малковича); был новгородским тысяцким, потом посадником (1015-1022) сыгравшим важную роль в поддержке Ярослава Мудрого в борьбе за власть. Он первым принимал, зачитывая на вече, Закон новгородской вольности - "Русскую правду" Ярослава Мудрого (1016). По недоразумению вызвал гнев киевского князя и был заточен в темницу. После освобождения (1026) жил в Ростове Великом в своем загородном тереме посреди дремучего леса (см. Следующую сказочную повесть). Ум. В 1038 г., похоронен в Ростове Великом.

Холопий городок - городище у впадения реки Волховца в Волхов в 12 км ниже Новгорода и в 2 км от Спасо-Преображенского Хутынского монастыря, основанного в X в. В 982-989 гг. Холопий городок - сборный пункт новгородский холопов (слуг, рабов), восставших против своих господ. У новгородцев этот городок пользовался дурной славой как притон разбойников и средоточие нечистой силы. В таком же духе о нем говорится в нескольких сказочных повестях, в том числе в повести о Князе Светозвезде. Александр Попович - один из трех богатырей былин Киевского цикла; позднее — ростовский богатырь князя Константина Всеволодовича, герой местных сказочных повестей и старин. По преданию, участвовал в Липецкой битве 1216 г., в которой и погиб.

Боярин Константин Добрынич и Ратарь Кудим

Князь Борис Владимирович - сын князя Владимира Святого, удельный князь владимиро-волынский, потом - ростовский (с 998 г.); убит 24 июня 1015 г. на реке Альте людьми своего сводного старшего брата князя Святополка Окаянного. Причислен к лику святых русской православной церкви как князь-мученик.

Князь Ярослав Владимирович - третий сын князя Владимира Святого, первый удельный князь ростовский (989-998), новгородский (1010-1019), великий князь киевский (1019-1054). Строитель Русского государства; полководец, законодатель и просветитель.

Аврамий - преподобный Авраамий Ростовский, первый святой Ростовской земли, борец с культом языческого бога Велеса, основатель Богоявленского Авраамиева монастыря в северном (Чудинцевом) конце Ростова Великого, на берегу Ростовского озера в 1010 г.

Ян Ушмович, Крепкомысл Повали рать, Дикун Золотой пояс - русские богатыри.

Борис Тороп-Голован, по прозвищу Альтя - оруженосец князя Бориса Владимировича, основатель рода Альтиных-Артыновых.

Богатырь Вадим Бесстрашный и Людмила

Вадим Бесстрашный - русский богатырь.

Курган Славянов - у поселка Брони, Бронницкий ям, или Бронницы. См. повесть "Князь Славян Новгородский". Вот что о нем писал Артынов: "Курган этот находится близ Бронницкого яма, подле шоссе, от Москвы по левую сторону. Курган этот стоит на ровном местоположении, вид имеет круглый, кверху уже. Диаметр его в подошве около двадцати сажен и в вышину столько же; вход на курган устроен винтообразно по сторонам его, удобный вверху; на его плоскости воздвигнута довольно немалая церковь изящной архитектуры. Там же, близ этой церкви, скриница или колодезь, полный, воды до того, что черпают из него воду руками, Подобный курган есть в Нижегородской губернии, в Лукьяновском уезде, с такою же церковью на верху кургана, там этот курган называется Девичья гора" (Артынов).

Ярозлоб-волхв - по преданию, по его вине в Киеве были убиты язычниками два первых христианских мученика - Феодор и Иоанн (983г.)

София Премудрость Божия - главный патриархальный храм Новгорода Великого, построенный в центре Новгородского кремля в 1050г. при новгородском князе Владимире Ярославиче, сыне Ярослава Мудрого. Новгородцы говорили: "Где святая София - тут и Новгород".

Дюк Степанович - киевский купец, переехавший в Новгород, а затем на Славянов курган, герой русских былин о Дюке Степановиче.

Князь Мстислав Новгородский

Князь Мстислав - 1076-1132 гг., старший сын великого князя киевского, переяславского и черниговского Владимира Всеволодовича Мономаха и английской принцессы Гиты, дочери короля Гаральда; князь новгородский (1088-1093, 1097-1117), ростовский (1096-1097), великий князь киевский (1125-1132), пытавшийся удержать Киевское государство от распада, полководец и строитель церквей. Сказочный эпизод ("Чудо св. Леонтия") относится к ростовскому периоду (1096-1097). Святой Леонтий умер в 1073 г. и

не мог быть современником князя Мстислава. Вероятно, это был другой ростовский святитель, по имени Стефан, великий ревнитель паствы и миротворец князей. Как раз в это время вопрос о сборе серебра с населения стоял особенно остро. Предшественник князя Мстислава на Ростовском престоле, его сын Владимир (1093-1095), велел собрать "тяжкие дани". "Не успели вирники и земские собрать положенную князем Владимиром дань, как на его место вступил... отец его князь Мстислав Владимирович... Сбор дани немедленно был прекращен. И при таком вступлении нового князя с виду казалось все забыто, что было прежде. Но на самом деле этим бедствие страны не кончилось, потому что князь Мстислав имел глаза и уши наместника своего Любима Кропотки, который хорошо знал горячий нрав своего князя, не терпящего ни в чем себе сопротивления. Знал все и делал все в угоду князя!" (РКП. Российской Национальной библиотеки, из собрания Титова, № 2768. С. 183). Не к этому ли времени следует отнести разговор князя с епископом о богатстве и обнищании?

Святой Прохор и новгородские ушкуйники

Прохор - в миру Прокофий, сын пахаря с берегов реки Прони, был посвящен в ростовские епископы 6 декабря 1020 г. На месте чуда с новгородцами ныне стоит Квасоварная слобода, на месте хижины Прокофия - деревня Прокофьеве Ивановской волости.

Князь Юрий Долгорукий, Соколиха и новгородские ушкуйники братья Залешаны

Юрий Владимирович долгорукий - ок. 1090-1157 гг. Девятый сын великого князя киевского Владимира Всеволодовича Мономаха, князь ростовский и суздальский, великий князь киевский, строитель Русского государства, много сделавший для его укрепления; основатель Москвы (1147).

Соколиха - дочь ростовского боярина Щапа Долгой руки, богатыря Ярослава Мудрого. Ее терем стоял между реками Сарой и Кучебежью, где ныне стоит деревня Зубово Зверинцевской волости.

Громило - боярин, воевода и советник князя Юрия Долгорукого. Его терем стоял там, где находится село Никольское Зверинцевской волости, с церковью святого Николая. Громило способствовал градостроительной деятельности князя.

Ушкуйники Залешаны - новгородские речные разбойники. Их притон находился на месте села Приимкова на реке Которосли и назывался Братовщиной.

Атель - Итиль. См. комментарий к сказочной повести "Князь Катулус Мудрый".

Онцыфор, новгородский ушкуйник, и князь Семен Луговской: странствования

Онцыфор - сын новгородского посадника Луки, внук Варфоломея, правнук Юрия Мишинича, и сам новгородский посадник. Ушкуйник (разбойник) на реках Волге и Вяте, основатель рода новгородских бояр Онцыфоровичей. Известно, что он принимал участие как военачальник в успешном походе новгородцев на Неву и на Ижору против шведского короля Магнуса Эриксона (1349)., В источниках, кроме артыновских, нигде не сообщается о кораблекрушении и его плене.

Город Орешек - в истоке Невы на Ореховом острове, построен князем московским Юрием Даниловичем, внуком Александра Невского, в 1323 г. Тогда же здесь был заключен со шведами Ореховский мир. В 1348 г. шведский король Магнус осадил и взял Орешек.

Новгородцы затем его разгромили и отвоевали город (1349). Впоследствии этот город назывался Нотебургом и Шлиссельбургом.

Магнус - король Магнус Эриксон (1339-1363), по прозвищу Картавый. В произведении новгородской литературы XV-XV вв. "Рукописание Магнушево" о нем рассказывается как о неудачнике, потерпевшем военное поражение от русских и постригшемся в монахи в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре, где он и умер.

Город Нейштадт - построен на Неве в устье реки большой Охты братом шведского короля Магнуса Еуфемием в 1316 году. В XV-XV вв. известен под названием Ниеншанц, в 1702 г. взят Петром Алексеевичем и срыт до основания.

Акул - по местному преданию, на месте терема варяга Акула позднее стояла деревня Акулово.

Арсений - в миру князь Семен Андреевич Луговской, сын князя Андрея Львовича Луговского, по прозвищу Грива, был посвящен в ростовские епископы из архимандритов Аврамиева монастыря московским митрополитом Алексием 19 июня 1373 г. Умер 10 декабря 1380 г.

Онцыфор, новгородский ушкуйник, княгиня Каптелина и Люша Сильный

Княгиня Каптелина - дочь князя Ивана Федоровича Щепы-меньшого, вдова князя Дмитрия Федоровича Щепина-Приимкова; от них происходят князья Щепины.

Онцыфор - факт его смерти недалеко от терема княгини Каптелины не подтверждается и не опровергается другими источниками. Артынов сообщает под 1417 годом, что московский великий князь Василий Дмитриевич V (1389-1425) "в молодости своей имел дружбу с ушкуйником Онцыфором, сыном новгородского посадника Луки Варфоломеева, поселившись в окрестностях Ростова. Ушкуйника убил Люша Сильный, окольный князь Ивана Андреевича Яна. Сын Онцыфоров Юрий приходил в Ростов на могилу отца своего и на берегу речки Рожанки, на развалинах терема князя Милослава Буменца, в память об отце построил великолепную церковь во имя Покрова Пречистые Богородицы, другую - в селе Меркове во имя святого Николая, подобную той, какую он построил в монастыре-на-Клове в Новгороде".

Иван Андреевич Ян - сын князя Андрея Александровича Бахтемова, основатель рода князей Яновых.

Стольник Алексей Богданович Мусин-Пушкин и боярышня Ирина

Алексей Богданович Мусин-Пушкин (1630?-1669) - сын стольника Богдана Андреевича Мусин-Пушкина (1609-1648?), представителя знатного рода Мусин-Пушкиных и московской дворянки Матрены Ульяновны Свинойной, поступил на придворную службу и был в 1649 г. назначен стряпчим, а в 1652 г. - стольником царя Алексея Михайловича. Жил в Москве на Арбате, в каменных палатах. К 1654-1655 годам относится романтическая история любви и женитьбы А.Б. Мусин-Пушкина на боярышне Ирине, описанная в настоящей повести А.Я. Артыновым в 1887-1888 гг. Артынов невесту, а потом жену Мусин-Пушкина называет "Ирина Алексеевна Луговская". Однако документы рода Мусин-Пушкиных (ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Ч. 1. Мусин-Пушкины, графы. 1616-1818. № 1-27) не подтверждают этого. Они называют женой А.Б. - Мусин-Пушкина Ирину (Арину) Михайловну Еропкину, которая около 1655 года вышла замуж и родила сына Ивана, будущего графа Мусин-Пушкина

(1710). У Арины был брат Михаил Михайлович Еропкин, который в 1693 году продал своей сестре село Глазово на реке Москве (Ф. 1270. Оп. 1. № 16. Лл. 28-29). Подтверждая историю наветов на И. Мусин-Пушкину в 1675 г., документы сообщают о двух ее сестрах и брате, а также сыне Иване (там же, л. 88), о ее ссылке в с. Угодичи, в вологодскую ее деревню и пр. и о наказании двух портных (там же, л. 90). Нет оснований сомневаться в том, что супруги Мусин-Пушкины в селе Димитриановском Зверинцевской волости занимались литературным трудом и создали между 1655 и 1669 годами сборник "Сто двадцать сказок Мусин-Пушкиных". В 1672 году шестнадцатилетний сын Ирины Михайловны Иван Алексеевич отредактировал и издал в Москве малым тиражом первую, генеалогическую, часть этих сказок. После смерти Алексея Богдановича (1669) стольница и ее сын поселились в селе Угодичи и продолжали заниматься дополнением и редактированием названных сказок. Это и была та самая черновая рукопись, которую А.Я. Артынов нашел в подклети колокольни Никольской церкви с. Угодичи в 1842 году.

Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, по тем же документам ЦГАДА, родился в 1656 г., назначен стольником в 1677 г., окольниковым в 1683 г., боярином в 1698г., начальником Монастырского приказа в 1701 г., пожалован в графы в 1710г., назначен сенатором в 1711г., президентом Штатс-конторы и членом Верховного суда в 1717г., президентом Сенатской конторы в 1727 г. Умер 21 июля 1730 г., в ссылке, в Соловецком монастыре. Царь Петр Великий называл его своим братом и способствовал его карьере. Существует семейная легенда Мусин-Пушкиных о том, что Иван Алексеевич был внебрачным сыном царя Алексея Михайловича: "Царь Алексей Михайлович особенно отличал и любил боярина Ивана Алексеевича Мусин-Пушкина, чему отчасти служила близость царя к матери последнего, жене ближнего стольника Алексея Богдановича... Иван Алексеевич почитался рожденным от царя, который часто называл его "мой сын Пушкин". Император Петр пожаловал Ивану Алексеевичу, пользовавшемуся большим его уважением, графское достоинство, назначил его в числе немногих при учреждении в 1711 г. Сената сенатором; сына же его Платона (от Марфы Тимофеевны Савеловой, племянницы патриарха Иоакима, на которой Иван Алексеевич женился в 1681 г. - Ю.Б.) заочно звал "племянником" (Ф. 1270. Оп. 1. № 16. Л. 7).

Иван Алексеевич Мусин-Пушкин помог сохранить Мусин-Пушкинский сборник, передав его после смерти матери в 1701 г. в родовой архив в с. Угодичи.

Известные нам документы, в том числе о сыске боярина Артемона Сергеевича Матвеева в 1675г. по поводу литературных занятий вдовы стольника, не противоречат остальным фактам, сообщаемым Артыновым в сказочной повести о стольнике А.Б. Мусин-Пушкине и боярышне Ирине.

Словарь древнерусских слов и выражений

абие - скоро, тотчас, вдруг

балясы - пустяки

белоярая - белая (о пшенице)

веседа - кушетка

вильце, вило - деревянная или металлическая доска, ударами в которую производили звуки, созывающие верующих на молитву

бойные дороги - опасные для жизни дороги

братина - большая чаша с накладной крышкой

велий - великий

вевернца - горностаи или ласочка

вельми - очень

вено - выкуп, свадебный подарок
вертоград - сад
вече - народное собрание
вой.мовдть - обольщать, завлекать
вовна - шерсть
волот - исполин, чудовище
волхв - служитель языческого бога
волхование - колдовство
волчья сыть - пища волка
вотчина - наследственная собственность
гость - купец
гривна, или цата - шейное украшение
гузно - зад
дебелый - толстый, большой
дебовый - запасной
дебрь - лес, заросли
дедина-отчина - происхождение
держдвннца - административное здание
детинец - укрепление
дивья - удивительно
долгомерное - длинное
дородный - толстый, большой
досюль - доселе, до настоящего времени
женские узорчья - ткани
зараз - сразу, быстро
зело - очень
зыбка - колыбель
изрядный - отличный
изящный - превосходный, главный
искони - от начала
калантарь - безрукавный панцырь
калика перехожий - паломник, странник
кнсд - кошелек
ковач - кузнец
корчага - глиняный сосуд
корысть - богатство
красный - красивый
куделя - пряжа из льна или пеньки
курва - блудница
кущи - заросли
ланита - щека
леторосли - ветви
лихва - процент, избыток
локоть - мера длины, равная 46 - 47 см
маститый - уважаемый, почтенный
матерый - опытный, старый
мста - цель
мизинный - младший
на пяты (о воротах) - отворенные настежь ворота
намет - шатер или палатка
нарочит муж - знатный человек
ни в сон, ни в 4?? - не верить ни во что

одр - кровать
оный - тот, этот
оплрл - горячее, кипяток
осенины - осенние месяцы
особица - отдельное пребывание
откуль - откуда
отголе - оттуда
паволоки - шелковые ткани
подризник - священническая одежда с рукавами, носимая под ризою
поклады - сокровища
полдень - юг
полуночь - север
поляница - богатырь
пометы - сборы
послух - свидетель
поставец - особый стол, на который ставят кушанья
претить - угрожать
припрудом идти (о дожде) - проливной дождь
пряженое - жареное
путы железные - цепи
рамена - плечи
рывий зук - кость мамонта
слжень - мера длины, равная 2,13 м
светлица - большая, парадная комната
сенные девки - прислужницы
скиния - древняя церковь походного типа
скоротеца - гонец
словущие - известные
смерд - крестьянин
солочина - солонина
сорочины - сороковой день после смерти
сочиво - кушанье из семян бобовых
стениться - стыдиться
степень - ступень
стол - престол
суженый - жених
сыта - съеная медом вода
сыть - пища
тиун - управляющий
туне - напрасно
туга - печать
тур - зубр, дикий бык
тягу дать - убежать
увиться - расшибиться, удариться
у круг - каравай, хлеб
ушкой - узкая лодка
ушкойник - речной разбойник
ферьязь - верхняя часть женской одежды
ходевщик - продавец товаров в разнос
холоп - слуга, раб
храмина - дом
цата - см. гривна

чело - лоб
чертог - богатая комната
юрод - юродивый
ярый - белый, блестящий

Основные даты жизни и деятельности А. Я. Артынова

1813, 22 августа (по ст. стилю) - родился в селе Угодичи в семье свободного крестьянина.

1820-1823 - начальное обучение у местных священника и дьячка, у дяди М.Д. Артынова, у Н.К. Пашеозерского в Тихвинском Большом монастыре и ввремя торговых поездок с отцом по России у случайных людей.

1825-1850 - служба в лавках купцов Гостиного двора в Ростове Великом, торговая деятельность в селе Угодичи и в разъездах (Москва, Переславль Залесский, Нижний Новгород, Казань, Свияжск, Петербург). Начало собирания фольклора (преданий, сказочных повестей, песен и этнографических материалов).

1835 - женитьба на дочери ростовского купца Ф.Ф. Бабурина.

1836 - рождение сына Якова.

1842 - находка в селе Угодичи Мусин-Пушкинского архива и библиотеки, в том числе Мусин-Пушкинского сборника второй половины XV в.

1848-1850 - знакомство с библиотеками и рукописными собраниями ростовских и ярославских купцов-библиофилов П.В. Хлебникова, М.И. Морокуева, С.А. Серебренникова, И.И. Хранилова, Ф.С. Шестакова, Е.В. Трехлетова; поездка в Петербург и занятия в петербургских библиотеках ростовскоярославской стариной.

1849-1850 - знакомство с И.С. Аксаковым, записывание для него угодичских песен.

1858-1862 - работа церковным старостой Богоявленской церкви села Угодичи; археографические поиски ростов-ярославских рукописей.

1852-1858 - знакомство с ученым секретарем императорского Археологического общества И.П. Сахаровым.

1869, 28 марта - встреча с профессором М.П. Погодиным на V Археологическом съезде в Москве.

1870-1871 - работа в экспедиции по собиранию сказок и преданий в Ростовском уезде Ярославской губернии.

1887 - участие в работе V Археологического (съезда в Ярославле и Ростове. Избрание в действительные члены Ярославского губернского статистического комитета.

1896, 17 февраля - умер в селе Угодичи.

Перечень публикаций А.Я. Артынова при его жизни

1. Село Угодичи Ярославские губернские ведомости (далее - ЯГВ). 1850. Ч. Неоф., № 20, 21; 1851, № 2-4. То же Журнал Министерства государственных имуществ. СПб., 1855. Ч. 57. № 12; То же: Отд. Изд. СПб., 1855. 32 с. То же. Отд. изд. СПб.:

Иллюстрация, 1862. 204 с. То же ЯГВ. 1888. Ч. неоф., № 91, 92; № 5-11; то же. Отд. изд. Ярославль, 1889. 51 с.

2. Мамстрюк Темрюкович: Народная песня ЯГВ, 1851. Ч. неоф., № 5.

3. Огородничество в селе Угодичах ЯГВ, 1855. Ч. неоф. № 9-10.

4. Воротынский князь: Старинная народная песня ЯГВ, 1857. Ч. неоф. № 9. С. 63-64.

5. Архиерейская шапка. Событие из 15 столетия (Об Иоасафе Оболенском) Ярославские епархальные ведомости, 1878. Ч. неоф., № 80.

6. Историческое значение сел Ростовского уезда: Угодичи, Поречье и Сулость. ЯГВ. 1878, часть неоф., N 80.

7. Церковь Всех святых в Ростове и поп Георгий Скрыница Ярославские

епархиальные ведомости, 1883. Ч неоф. С. 145-163.

8. Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1882. Кн. 1. С. 1-88; Кн. 3. С. 89-164. То же. Отд. Изд. М., 1883. 164 с. То же. Переиздание. Воспоминания А.Я. Артынова крестьянина села Угодич Ростовского уезда Ярославской губернии. С предисловием ?? Титова ("Из афиш и объявлений"). М., 1884. 47 с., народный академик, записанные Александром Артыновым.

Составитель

Выполнено по заказу "Буй Турь" "Издательством "Менеджер", ЛР № 066270

ISBN 5-83460077-8

Рисунки А. Байбаковой

Оригинал-макет Н. Надворской

Обложка В.Арбекова

Сдано в набор 06.05.99. Подписано в печать 15.05.2000.

Формат 84х108 132. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 10.

Тираж 1500 экз. Заказ № 961.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО "Можайский полиграфический комбинат".

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.